

Чан Вьет

БАРХАТНАЯ
РОЗА

Чан Вьет

БАРХАТНАЯ РОЗА

Р О М А Н

Перевод с вьетнамского
Е. А. БАЗДЫРЕВА и А. С. ВОРОНИНА

**МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986**

И (Вьет)
Ч-18

TRẦN VIỆT
BÔNG HỒNG NHUNG

*Truyện hoạt động trong lòng địch
diệt bọn CIA và xâm lược Mỹ*

NHÀ XUẤT BẢN PHỤ NỮ
Hà Nội - 1978

Чан Вьет

Ч-18 Бархатная Роза: Роман/Пер. с вьет. Е. А. Баздырева, А. С. Воронина.— М.: Воениздат, 1986.— 264 с.

В пер.: 1 р. 70 к.

Действие остросюжетного романа происходит в Южном Вьетнаме в годы господства в этом районе страны американских интервентов и их сайгонских марионеток.

Герои романа, бойцы, подпольщики и разведчики Армии освобождения Южного Вьетнама, ведут героическую борьбу с врагом, взрывают военные объекты, добывают важные сведения, способствующие успеху патриотов в разгроме врага.

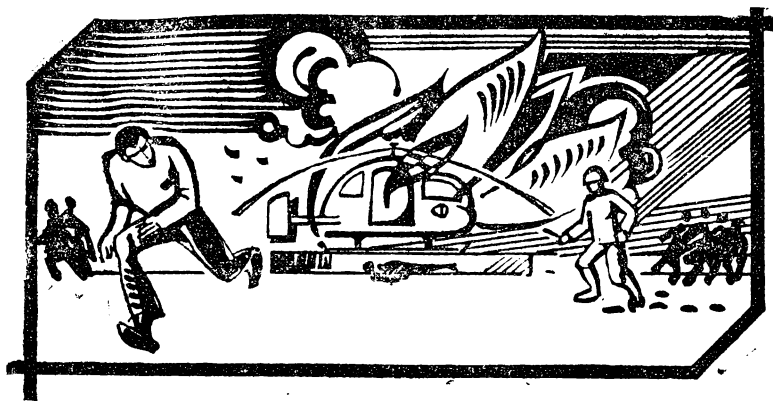
Книга предназначена для широкого круга читателей.

Ч 4703000000-098
068(02)-86 172-86

ББК 84.4В

И (Вьет)

© Перевод на русский язык,
Воениздат, 1986

ДВЕНАДЦАТАЯ ПРИНЦЕССА

Сайгон, лето 1963 года. Утренняя туманная дымка окутывает жемчужину Дальнего Востока¹, принося с собой горьковатый аромат Восточного моря. Сегодня он смешивается с кислым запахом пота американских солдат. В Сайгонский порт заходит все больше американских военных кораблей и огромных, на десятки тысяч тонн, грузовых судов. Небо бороздят сверхзвуковые истребители, с аэродрома Таншоннят беспрерывно взлетают тяжелые транспортные самолеты С-130 и самые современные вертолеты. Генералы и офицеры всех видов вооруженных сил США на огромной скорости проносятся в автомобилях по улицам города. Каких же событий можно ожидать сейчас, когда в Сайгон с особой миссией прибыла МААГ²? Американцы называют ее группой помощи, но сайгонцы быстро разобрались в том, что скрывается за этим названием, и с полным основанием расшифровывают сокращение «МААГ» как «Ми ак ак ге», что по-вьетнамски означает «Американцы до ужаса жестоки». МААГ — это мозг американского ЦРУ в Южном Вьетнаме, служ-

¹ Так называли Сайгон во времена французского колониального господства во Вьетнаме. — *Прим. авт.*

² Military Assistance and Advisory Group — группа американских советников по оказанию военной помощи сайгонскому режиму. — *Прим. авт.*

бы, которая организует и непосредственно осуществляет самые жестокие в истории человечества преступные акции,

Два черных «мерседеса» в сопровождении бронетранспортера промчались по улице и свернули в ворота двухэтажного здания, в котором прежде размещался генеральный штаб марионеточной армии. Из машин вышли двое: один в национальном вьетнамском костюме времен правления Бао Дая¹ — в длинном халате и тюрбане со складочками, другой — в европейском костюме, отвечающем последним требованиям западной моды. Резко контрастируя между собой, эти двое как бы показывали различие прошлого и настоящего и вместе с тем выглядели гораздо смешнее, чем мажордом из «Двенадцатой ночи» Шекспира в своих двух парах желтых подвязок на ногах. Мгновение спустя оба прибывших скрылись за дверью, которую «эм-пи»², стоявший на карауле, распахнул перед ними и тут же плотно прикрыл, впустив их.

От золотистых лучей солнца, пробивавшихся сквозь кроны деревьев, светлые блики ложились на стены здания. Из широко распахнутых окон с ярко-зелеными переплетами доносились голоса — праздновался юбилей одного из высокопоставленных должностных лиц группы МААГ. Наверное, поэтому вслед за первыми двумя господами, приехавшими с подношениями поздравить юбиляра, здесь появились и певички и «аристократические курочки» из туземных актрис, польщенные тем, что их пригласили выступить перед господами советниками, дабы развеять их грусть и снять нервное напряжение после трудового дня. Американский «эм-пи», широко ухмыляясь, произнес какую-то фразу и показал актрисам дорогу в клуб. Одна из девушек, судя по внешности — из певичек, немного отставшая от других, с достоинством и даже с вызовом посмотрела прямо в бледно-голубые глаза американца и заторопилась за остальными.

Резиденция МААГ, или, как называли ее между собой сайгонцы, «логово лисиц-людоедов», «лисые логово», рас-

¹ Последний вьетнамский император, французский ставленник. Свергнут во время августовской революции 1945 г. во Вьетнаме. В 1954 г., после поражения Франции в «грязной войне» в Индокитае, обосновался во Франции. — *Прим. пер.*

² Сокращение от английского military police — военная полиция. — *Прим. авт.*

полагалась именно здесь. С двух сторон к дому резиденции примыкали менее высокие здания штабов военно-морских и военно-воздушных сил Республики Вьетнам¹. Резиденция находилась под усиленной охраной: внутри, у центральных ворот, круглосуточно несли караул американские «эм-пи», у четырех других ворот снаружи — марионеточная военная полиция. МААГ, как чудовище, протягивала в четыре стороны свои щупальца, поднимала многоглазую голову над городом, выискивая пути для вступления в него экспедиционного корпуса, который должен был спасти находившийся при последнем издыхании режим. МААГ строила планы, как добиться решающего перелома в безрадостной ситуации, столь заботившей американцев, рассматривала возможность замены «упряжки Зьема и Нью», рассчитывала варианты нанесения разрушительных ударов по Северному Вьетнаму. Это чудовище, исполненное заносчивых и безрассудных амбиций, вооруженное компьютерами, заранее готовилось к тому дню, когда прозвучит «триумфальная песнь» — стоит только вооруженным силам США показать себя.

В роскошном кабинете, отделанном с комфортом, где находились телефоны для прямой связи с Вашингтоном и всеми центрами ЦРУ, вокруг расстеленной на столе карты собрались генералы, на плечах и груди которых сияли звезды, нашивки и ордена, и люди в штатской одежде. Посол США во Вьетнаме Кэбот Лодж сидел нога на ногу, подняв колено выше стола. Он не устаивал взглядом своих сотрудников. Глаза его были полузакрыты — он будто бы дремал.

Старый толстый генерал-коротышка с лоснящимся, точно намазанным свиным салом черепом, сидевший рядом с Лоджем, показал на нанесенную на карту красным цветом линию 17-й параллели:

— Сайгонский президент Нго Динь Зьем говорит, что границы США простираются вот до этого места. Но... — Генерал замолчал и то ли улыбнулся, то ли сделал плаксивую гримасу, так что морщины на его одутловатом лице протянулись от уголков рта до ушей, и продолжил, понизив голос: — Мы не остановимся на этой параллели, а пойдем дальше. К сожалению, обстановка сейчас сложилась более чем когда-либо безрадостная. Это как тоннель без единого проблеска света. Вьетконг контролирует

¹ Так именовал себя марионеточный сайгонский режим. — *Прим. пер.*

ет свыше четырех пятых территории Южного Вьетнама. В руках нынешнего правительства остались только Зядинь и Анзянг — две провинции из сорока пяти. Журналисты, у которых в этой обстановке поджилки от страха трясутся, восхваляют вьетконговцев как необыкновенных, фантастических героев. «План Стэйли — Тейлора» об «умиротворении» Южного Вьетнама за восемнадцать месяцев стал для них посмешищем. Надо ли разрабатывать какой-то новый план? Или в конце концов считающаяся сейчас наихудшей политика использования вооруженных сил США в боевых действиях будет признана наилучшей?

— Но ведь потери американских войск уже достигли двадцати пяти тысяч человек! — Низкий голос одного из генералов, сидевшего в другом конце кабинета, прозвучал глухо, как из загробного мира.

Наступила тишина. Все замолчали. Согласились ли присутствующие с мнением старого генерала или были против него? Почему их, профессиональных разведчиков, людей практичных и земных, вдруг заставляет вздрагивать призрак, который они называют «ви-си»¹? Это вызов всем их представлениям о «глобальной ответственности» США, о «священной миссии американцев», которой никто не в силах противостоять. Такая картина не могла не разгорячить эти и без того полные сумасбродных идей головы. У разведчиков и военных неудачи всегда вызывали бурное недовольство, делали этих людей похожими на заблудившихся во тьме подземелья. Они находились в замешательстве, действовали наобум и были близки к тому, чтобы сделать рискованный шаг.

В это же самое время километрах в тридцати от кабинета, где продолжалось заседание, происходили другие события. Здесь не было яркого света неоновых ламп, кабинетов, устланных коврами, и мягких кресел с обивкой цвета спелой сливы. В партизанском районе, одетом в зеленый наряд листьев кокосовых пальм, в деревянном домике за шатким столом, изъеденным термитами, сидел темнолицый, маленького роста человек — командир отряда Фи Ван. Он разговаривал с миловидной девушкой — секретным сотрудником под кодовым наименованием X-5.

— Вашему отряду предстоит произвести последнюю

¹ Выражение из американского военного жаргона, означавшее вьетконг (вьетнамские коммунисты). — *Прим. пер.*

тщательную проверку и приступить к операции по уничтожению резиденции МААГ. Необходимо нанести сокрушительный удар главарям служб ЦРУ в нашей стране в их собственном логове, чтобы враг знал — Армия освобождения в состоянии наказать врага, где бы он ни находился. — С жаром в голосе Фи Ван продолжал: — Мы выполняем свой долг перед родиной и перед всем человечеством. Так нас учит президент Хо Ши Мин. Борьба вьетнамского народа внесет вклад и в теорию наступательной революционной стратегии, покончит со страхом перед США, сорвет гегемонистские планы империалистического главаря, кичащегося своим могуществом.

Х-5 внимательно слушала Фи Вана, и глаза ее, казалось, говорили: «Товарищ командир, я все понимаю, и у меня нет никаких сомнений».

Прощаясь с девушкой, Фи Ван, как обычно, тепло обнял ее и напомнил:

— Дело это очень трудное и опасное. Ты уж постарайся. Не забывай, что главное в наших действиях — смелость, находчивость и бдительность. Судьба «лис-людоедов» — в твоих маленьких руках.

А в резиденции МААГ, которую по приказу командования предстояло уничтожить отряду специального назначения, куда входила Х-5, продолжалось совещание. Старый генерал, нарушая ледяную атмосферу молчания, спросил сидевшего перед ним сравнительно молодого полковника:

— Ваше мнение?

Полковник с багровым лицом поднял руку и уперся пальцем в карту, где был обозначен Ханой.

— Так угодно богу, господин генерал-майор, — сказал он. — Надо вернуть Северный Вьетнам в каменный век, использовав воздушную мощь Соединенных Штатов. Нанести удар прямо по его мозговому центру, превратить районы, где находятся убежища вьетконговцев, в лунный пейзаж!

Старый генерал расхохотался:

— То есть вы ценою крови американцев хотите вырваться из безвыходного тоннеля, в который попали по воле президента?

Со скрипом открылась дверь. В кабинет вошла секретарь Кэбота Лоджа с нашивками майора. Голубые глаза на ее курносом лице светились, как два маяка. Она доложила, что президент и вице-президент Республики Вьетнам прибыли.

Кэбот Лодж открыл глаза, вытянул и без того длинную шею и устало сказал:

— Передайте им, пусть подождут. — Он встал и оглядел присутствующих генералов. — Господа, вы много говорите о военной стороне дела. Я же хочу подчеркнуть неотложную политическую задачу: надо заставить Зьема отделаться от Нью. Если он не послушается, то, как вы понимаете, события будут развиваться по намеченному плану...

Участники заседания один за другим перешли в гостиную. Старый генерал встал со своего места последним. Он не пошел на прием, а тяжелыми шагами направился в собственный кабинет, плюхнулся в кресло на колесиках. Его усталые глаза остановились на стопке досье, лежавших на столе. Он начал перелистывать эти досье, останавливаясь на каждой странице, вновь просмотрел список офицеров Республики Вьетнам, которые вскоре должны были отправиться в США для учебы в училищах по родам войск. Напротив названия каждого учебного заведения столбцом размещались фамилии. Первым в списке стоял командно-штабной колледж в Ливенворте, далее шли училища: пехотное, артиллерийское, бронетанковое, инженерное, интендантское, военной полиции, военно-транспортное, военно-медицинское, военно-юридическое, военно-музыкальное, школа капелланов, высшее разведывательное, женское офицерское, психологической войны, затем школа военных переводчиков и другие.

Старый генерал покачал головой. «Нам не жалко для них никаких училищ, за исключением разве что высшего военного училища в Уэст-Пойнте и военно-морской академии в Аннаполисе — привилегированных учебных заведений, куда их не принимают». Он подчеркнул некоторые фамилии, внес их в список наиболее перспективных курсантов. Генерал размышлял над столбцами фамилий и цифр. Его глаза немного оживились.

«Когда мы подготовим из этих бывших солдат французской колониальной армии полковников и генералов, Соединенные Штаты обретут в их лице преданных помощников. — Старик как будто видел перед собой многоцветную картину будущих вооруженных сил Республики Вьетнам, в создании которой он участвовал. — Итак, мы подготовим военнослужащих всех родов войск, включая капелланов, переводчиков и судей. Здесь не хватает, пожалуй, лишь ассенизаторов. — Генерал усмехнулся, ког-

да эта неожиданная мысль пришла ему в голову. — Воистину на нашей планете ни одно государство не заботится о дружественных странах так, как США. Сухопутная армия Республики Вьетнам после ее всестороннего укрепления с помощью военно-воздушных и военно-морских сил, а также при поддержке со стороны Америки станет самой мощной в Юго-Восточной Азии и третьей или четвертой в мире. Вооружить Южный Вьетнам до зубов — единственный путь, ведущий к выходу из тупика».

Старый генерал открыл страницу, где были перечислены фамилии офицеров, окончивших высшее разведывательное училище и училище психологической войны. Он внимательно следил за одним из недавних выпускников, который проявил большие способности. Этот выпускник, под кодовым наименованием 4Н, жил в доме номер 4 по улице Н.

Кэбот Лодж продолжал принимать гостей в особом кабинете. Из этого кабинета наружу не могло проникнуть ни звука, так тщательно он был звукоизолирован.

Через двадцать минут господин вице-президент направился домой, напоследок улыбнувшись из-за толстых стекол «мерседеса» американскому часовому. Еще через тридцать минут настала очередь и господина президента Республики Вьетнам. На лбу господина президента под тюрбаном со складочками собрались глубокие морщины, и он с трудом удержался от горестного вздоха. Шофер уголком глаза посмотрел на него и подумал, что у господина президента Республики Вьетнам, похоже, какие-то неприятности. Он покачал головой, не в силах понять, почему меньше чем час назад и президент и вице-президент улыбались, а сейчас готовы заплакать.

«Пежо-203» серебристого цвета остановился на улице Н. перед домом номер 6, вдоль забора которого цвели маргаритки. Из машины вышел одетый по-европейски молодой человек, лет двадцати пяти, в больших темных очках. Он поспешно открыл дверцу автомобиля и помог выйти из него красивой девушке, одетой в длинное национальное платье цвета морской волны. попрощавшись с приятелем за руку, девушка свысока взглянула на него, улыбнулась и направилась прямо в дом.

В этом прелестном маленьком особняке жила госпожа землевладелица из Бакльеу, поселившаяся в здешних

местах несколько месяцев назад. Ее дочь часто посещали друзья. Приходили сюда и музыканты, и они все вместе играли на фортепиано и пели. Говорили, что девушка училась на архитектора, но у нее был такой красивый голос, что время от времени ее приглашали принять участие в концертах современной музыки. Ходили слухи, что она любовница сына некоего сенатора, который служил во дворце вице-президента.

Когда приехала девушка, хозяйка дома, женщина лет пятидесяти, выглядевшая очень молодо, находилась во внутреннем дворике. На шее у нее была изящная золотая цепочка, на ногах — пестрые туфельки. Услышав звонок, она пошла открывать дверь.

— Мама, это я...

— Кто же тебя привез домой, дочка?

— Да все тот же! — При этих словах девушка взглянула сквозь увитый растениями забор и, увидев приближающегося полицейского, повысила голос: — Сегодня я участвовала в представлении для американских советников по случаю дня рождения одного из генералов. Там присутствовали даже президент и вице-президент.

Полицейский с карабином через плечо искоса глянул на мать с дочерью, встретился с ними глазами и слегка склонил голову в вежливом поклоне.

Красивая девушка улыбнулась и тихо сказала:

— Он боится нашего общественного положения, не правда ли, мама?..

Мать с дочерью беззаботно прохаживались по дорожке в саду. Под балконом гостиной рос куст пунцовых бархатных роз, источавших тонкий аромат. Мать подвела дочь к этим цветам. Она осторожно сорвала две розы, в лепестках которых, как янтарные бусинки, сверкали капли росы. Эти цветы хозяйка дома с любовью выращивала со дня переезда в этот особняк. Как только они поселились здесь, она купила и посадила возле дома саженьцы роз, дававших крупные бутоны, терпеливо ухаживала за ними. Срезанные бархатные розы она ставила в своей спальне и на пианино дочери. Мать давно обещала Ми Лиен, так звали девушку, рассказать, почему она больше всего любит бархатные розы, но до сих пор как-то не представлялось случая. Девушка подозревала, что в этой истории с розами есть какая-то тайна. Ми Лиен не раз спрашивала об этом мать, но та отвечала лишь, что у нее была близкая подруга, которая рано умерла. Перед смертью, обращаясь к своему малолетнему ребенку,

эта женщина сказала: «Когда роза увядает, ее опавшие лепестки долго сохраняют тонкий аромат. Мне бы хотелось быть одним из таких лепестков». С этих пор, говорила мать, она стала любить розы больше других цветов.

Они вошли в дом и поднялись на второй этаж. Едва оказавшись в комнате, Ми Лиен вдруг словно лишилась сил. Она опустилась в кресло, бессильно откинула назад голову. Вид у нее был утомленный.

— Что с тобой? — в тревоге спросила мать.

— Мама, это ужасно! — Девушка прикрыла лицо руками и заплакала навзрыд. — Я до сих пор не могу прийти в себя. Сегодня мне впервые пришлось увидеть стриптиз. Это было невыносимо — смотреть, как они танцуют обнаженные перед американскими генералами и полковниками. У меня было такое ощущение, будто я сама танцую перед ними. Пожилой электрик-осветитель спросил меня: «Неужели и тебе тоже стыдно?» Если он задал такой вопрос, то что же тогда думают обо мне люди, которые видят, как я смеюсь и чокаюсь бокалами с американскими офицерами? Мама, если ты меня любишь, если ты меня жалеешь, попроси Х-5, пусть меня направят в освобожденную зону... Взять в руки оружие, прицелиться во врага и выстрелить в него, даже если при этом придется пожертвовать жизнью, все же лучше, чем переносить презрение соотечественников и не сметь сказать и полслова в свое оправдание!

Мать посмотрела на дочь, но промолчала и даже не сделала никакой попытки утешить ее. Она молча положила только что сорванные розы в две вазочки молочного цвета, поставила их возле кровати. Не полностью раскрывшийся бутон в одной из них напоминал рот младенца, улыбающегося в колыбельке своими пунцовыми губами.

И только после этого мать сказала:

— Было время, когда и я думала так. Мне пришлось увидеть, как безжалостный нож гильотины опускается на шею самого близкого мне человека, моего мужа, а я была не в силах остановить его. Хотелось раздобыть оружие, чтобы расправиться с палачами. Прошло какое-то время, и я стала изображать из себя респектабельную землевладелицу, мать очаровательной девушки. Я сделала так потому, что поняла — это один из способов борьбы, одна из возможностей отомстить за мужа. Разве мы не способны вытерпеть самые жестокие страдания, если знаем, что выносим их в интересах родины?

Ми Лиен больше не плакала. Глазами, полными слез, она смотрела на мать. От матери, на лице которой было написано страдание, исходила какая-то мощная, ободряющая сила. Девушка удивилась: такая простая женщина сумела найти слова для глубокого и эмоционального ответа на вопрос, более убедительного, чем аргументированное объяснение какого-нибудь профессора.

Мать продолжала:

— Помнишь, когда однажды у нас зашел разговор о цветах, ты сказала, что тоже больше всего любишь розы. Теперь ты можешь понять, как обрадовали меня тогда твои слова. К сожалению, я пока не имею права рассказать тебе все — еще не пришло время. К тому же я надеюсь, что наступит день, когда ты встретишься с девушкой, носящей имя этого прекрасного и ароматного цветка. Она выросла и посвятила свою жизнь выполнению материнского завета. Эта девушка сама расскажет тебе свою историю.

Сказав это, мать замолчала, понимая, какое смятение царит в душе дочери. «Что ж, может, мой рассказ пойдет ей на пользу... Девочка слишком импульсивна, даже легкомысленна». С уважением отнесясь к молчанию Ми Лиен, она прижала ее голову к своей груди и продолжала шепотом:

— Я, дочка, не настоящая твоя мать, но здесь, в самом логове захватчиков и предателей родины, моя любовь к тебе даже сильнее, чем любовь матери к родному ребенку. Наши с тобой судьбы тесно связаны. Каждый раз, когда ты сталкиваешься с опасностью или чувствуешь, что силы покидают тебя, вспоминай, что нам говорит дядюшка Хо. И пусть ужасные преступления врага побуждают тебя к борьбе. Когда я вспоминаю, как страдал самый дорогой мне человек, я чувствую, что все смогу преодолеть. Ты же еще молода и тем более должна найти в себе силы...

Девушка продолжала молчать, боясь пошевелиться, чтобы не прервать потока слов, идущих, казалось, из сердца матери. А мать продолжала:

— На днях ты мне рассказывала о русской девушке... как ее имя?.. Люба — я не ошиблась? Она была членом подпольной молодежной организации, боролась с фашистами. Ты с такой любовью говорила о ней... Разве сейчас ты думаешь иначе?

Девушка вытерла слезы и положила голову на плечо матери:

— Я была не права. Ты мне веришь?

Мать взглянула на стенные часы, мягко сказала дочери:

— Скоро десять. Пойди поиграй на пианино. Вот-вот придет цветочница.

Дочь послушно встала, спустилась в гостиную и открыла пианино. Звуки вальса Штрауса «На прекрасном голубом Дунае» полились на улицу через раскрытое окно...

Когда прозвенели три отрывистых звонка, хозяйка дома улыбнулась и быстро подошла к калитке. Цветочница тепло поздоровалась с ней, поставила корзины, которые она несла на коромысле, на землю, протянула хозяйке цветы:

— Вот ваш букет. Смотрите, на ветке в середине букета много нераскрывшихся белых бутонов...

— Спасибо, рассчитаемся на следующей неделе.

— Хорошо, на следующей неделе. До свидания, господа.

Мать с дочерью внесли цветы в дом и обменялись понимающими взглядами. Выбрав ветку с нераспустившимися бутонами, они нашли тщательно спрятанную в черенке зеленую бумажку. Склонившись над ней, они прочитали: «В следующую среду после расчета готовьтесь принять специальный груз».

Мать чиркнула спичкой и сожгла записку.

— Запомни, Ми Лиен, — сказала она, — в следующую среду.

— Хорошо, — ответила дочь, — до этого дня я успею закончить свою работу.

Ее черные глаза заблестели. По-видимому, у нее появилась какая-то надежда...

Поздней ночью Ми Лиен сидела одна в комнате, прилегающей к гостиной. От стоящей перед ней тщательно прикрытой маленькой настольной лампы наружу не пробивалось ни луча света. Время от времени до девушки доносился с улицы шум — это проезжали машины военных патрулей. Сегодня пианистка вновь вернулась к своей профессии архитектора. Она внимательно и с усердием проводила линии на чертеже, по размерам не большем, чем лист обычной мягкой писчей бумаги. Отметив крестиком какое-то место, в левом нижнем углу

написала: «Первый этаж, помещение номер 3, восточная часть здания».

Закончив, Ми Лиен внимательно рассмотрела нарисованный ею план. Довольная сделанной работой, она встала со стула и взглянула на часы. Сорок пять минут назад уже наступила среда. Неделя пролетела незаметно. Ми Лиен погасила лампу, закрыла дверь комнаты на замок и поднялась к себе на второй этаж.

...Еще не рассвело, когда госпожа землевладелица встала с постели и, стараясь не шуметь, спустилась по лестнице. Очередной расчет за цветы совпал с днем рождения ее дочери.

Гостиная, в которую спустилась хозяйка, была светлой и нарядной. Дверь украшали белоснежные кружевные шторы. На светло-оливковых стенах висели лаковые картины с рисунком, выполненным китайской тушью. Высоко над дверью, ведущей в соседнюю, внутреннюю комнату, был виден портрет покойного мужа госпожи землевладелицы, сфотографированного с табличкой из слоновой кости и медалью, пожалованными ему правительством «великой Франции» во времена, когда он служил чиновником при французском генерал-губернаторе Деку¹. Если хозяйку спрашивали, чья это фотография, не ее ли мужа, она грустнела и не отвечала. В простенке между окнами висел еще один фотопортрет, на котором был изображен другой мужчина — тоже с табличкой из слоновой кости, с медалью, в традиционном национальном костюме и в тюрбане со складочками. То ли случайно, то ли преднамеренно пианино и мебель в комнате стояли так, что этот портрет оказывался за спиной у сидящих в гостиной, так что господин президент Нго Динь Зьем как бы смотрел на присутствующих и подслушивал их со своего почетного места.

Ми Лиен помогла матери расставить хрустальные бокалы на столе, накрытом толстым стеклом, и теперь сидела, откинувшись на спинку кресла-качалки, просматривая американский журнал мод.

Неожиданно раздался длинный звонок. Кто-то пожаловал к ним... Мать и дочь не сговариваясь взглянули на часы: половина десятого. Слишком рано для прихода девушки-цветочницы, да и звонит она обычно не так.

— Мама, кто это может быть? — спросила Ми Лиен.

¹ Глава французской колониальной администрации в Индокитае в годы второй мировой войны. — *Прим. пер.*

Мать молча показала дочери на дверь спальни и поспешила к воротам. Девушка бегом, через ступеньку, поднялась по лестнице, торопливо открыла дверь спальни и бросилась к окну, выходящему на улицу. Она вздрогнула, когда увидела, что мужчина, живущий в соседнем доме, номер 4, стоит на балконе и смотрит в ее сторону. Склонившись над цветочным горшком, в котором росли орхидеи, он будто бы выдергивал сорную траву. Ми Лиен, сделав вид, что не заметила его, с независимым и непроницаемым лицом закрыла створку окна.

В это самое время прямо во двор дома на большой скорости въехали два джипа. Спрыгнувшие с них американский подполковник — советник по национальной безопасности, майор марионеточной службы безопасности и два сайгонских военных полицейских приказали служаке закрыть за ними входные железные ворота.

— Здравствуйте, уважаемая госпожа, — сказал на довольно приличном вьетнамском языке американский подполковник. — Вы, конечно, очень удивлены. Мы приехали немного неожиданно, извините нас и войдите в наше положение — военное время.

Хозяйка почувствовала, что сердце ее вот-вот разорвется на части. Она покачала головой и сказала подполковнику:

— Мы пока что не имели чести познакомиться с вами, господа. К тому же у нас в доме одни женщины.

— Еще раз извините, уважаемая госпожа. Мы, американцы, никогда не приходим без дела. Господин генерал-майор, советник по национальной безопасности в МААГ, направил меня к вам, чтобы от его имени поздравить с днем рождения вашу очаровательную дочь.

— Это большая честь для нее. Оказывается, американские господа даже знают день рождения Ми Лиен.

— Для нас это большая радость. Вам выпало редкое счастье — господь дал вам красивую и талантливую дочь. Нам тоже посчастливилось: лично вручить ей вот этот букет цветов с поздравлениями от генерал-майора — это истинное удовольствие!

Мать радушно пригласила прибывших в гостиную.

— Вы приехали так неожиданно, что застали нас врасплох. Мы не успели подготовиться к приему гостей. Если позволите, я схожу за дочерью...

Американский подполковник и майор марионеточной службы безопасности вошли в гостиную. Топот их тяжелых ботинок по мраморному полу болью отдавался в гру-

ди матери. Два солдата военной полиции с автоматами на изготовку уселись в коридоре, не сводя глаз с железных ворот, через которые машины въехали.

Американский подполковник ходил по комнате взад и вперед. Он долго рассматривал портрет хозяина дома, после чего, не проявив никакого интереса к фотографии президента Зьема, перешел к лаковым картинам. Американец приблизился к пианино, и его ноздри с шумом втягивали воздух, наполненный тонким ароматом пунцовых роз, стоявших в маленькой белой вазочке на столике возле музыкального инструмента. Подполковник перелистал нотные альбомы с классическими произведениями, американский иллюстрированный журнал и шепотом сказал несколько фраз майору сайгонской службы безопасности. Нахмутив бесцветные брови над непропорционально большим для его узкого лица носом, майор задумался, вспомнив о секретном донесении своего осведомителя.

Госпожа землевладелица, поднявшаяся к дочери в спальню, быстро сказала ей:

— Не беспокойся, я знаю, что делать. Сейчас же спускайся вниз.

Нарядная Ми Лиен в длинном синем платье вошла в гостиную. Она спокойно подала руку подполковнику, ответила на английском языке на его вопрос о здоровье:

— Спасибо, я чувствую себя нормально. — Девушка улыбнулась ему: — Кажется, я встречалась с вами в резиденции МААГ. А с вами, — повернулась она к майору марионеточной службы безопасности, — мы, наверное, видимся впервые?

Американец рассмеялся и сказал:

— Очень рад, что вы меня не забыли. Наверное, у самой Мнемозины¹ память была не лучше, чем у вас. Разрешите мне от имени восхищенного вами господина генерал-майора и от себя лично поздравить вас, звезду в мире звезд, прекрасную фею Сайгона и пианистку, с днем рождения...

— Я, право, не заслужила таких комплиментов, — смутилась Ми Лиен. — Чтобы хорошо играть, мне еще надо много учиться. А в Сайгоне, как вы знаете, нет ни одного стоящего музыкального учебного заведения. Вот и приходится всего добиваться напряженным трудом.

— Приезжайте к нам в Соединенные Штаты. Самые лучшие наши консерватории готовы распахнуть перед ва-

¹ Нимфа памяти в греческой мифологии. — *Прим. пер.*

ми свои двери. — С этими словами подполковник ЦРУ уселся в кресло и неторопливо закурил сигарету. Неожиданно он поднял голову и, глядя прямо в лицо Ми Лиен, сказал: — Я не рискну ломать установившееся у вас правило — в это время дня играть на пианино — и был бы очень рад, если бы вы позволили послушать вашу игру.

Ми Лиен усилием воли подавила возникшую в позвоночнике дрожь. Стрелки часов показывали без двенадцати минут десять. Девушка-цветочница обычно приходила между десятью и четвертью одиннадцатого. Ми Лиен улыбнулась:

— Вы уделяете мне слишком много внимания. Вам известны даже часы моих музыкальных занятий?

Подполковник перевел взгляд на майора сайгонской службы безопасности. Недовольно и даже с некоторой угрозой взглянув на девушку, майор резко сказал:

— У американцев есть электронно-вычислительные машины. Они знают даже то, что происходит на Луне и уж тем более то, что происходит на Земле. Садитесь играть, не обижайте господина советника!

Ми Лиен с надменно-обиженным видом пожала плечами и ответила подполковнику:

— Господин советник, вы правы. Я действительно люблю играть в эти часы. Но, к моему искреннему сожалению, это часы тренировки, и я играю для самой себя. Даже мама старается не входить в такое время в гостиную, чтобы я чувствовала себя свободнее.

Мать украдкой взглянула на часы, стрелка которых приближалась к десяти.

— Зачем отказываться, раз уж господин советник и господин офицер пришли к нам в гости? — подбодрила она дочь.

— Спасибо, госпожа, — засмеялся подполковник. — Я думаю, после ваших слов ваша дочь не осмелится нам отказать.

Ми Лиен посмотрела на мать, поднялась и открыла крышку пианино. Неторопливо пробежав пальцами по клавишам, она решила играть вальс Штрауса.

Полилась музыка, но душу девушки словно сжигал огонь. Она играла, и ей казалось, что этот вальс никогда не кончится. Настенные часы пробили десять раз. Вот-вот придет цветочница. Если бы она зашла позднее, чем обычно! Заметила ли она сигнал тревоги — закрытую створку окна? Но ведь этот проклятый вальс, напротив, служит для нее сигналом спокойствия! Если он подан,

значит, можно вставлять в букет записку и другие материалы. Значит, в руки врагов могут попасть неопровержимые улики. Если это случится, они обыщут дом, найдут склад оружия. Тогда все погибнет, план уничтожения «лисьего логова» не будет выполнен. Ми Лиен размышляла об этом, а пальцы ее продолжали скользить по клавишам. Никогда еще девушка не испытывала такого отвращения к этой чарующей музыке, которая очень нравилась ее матери. Если бы сейчас раздался звонок девушки-цветочницы, Ми Лиен, наверное, упала бы лицом на клавиатуру и умерла. Ах, если бы пианино вдруг развалилось на две половины!..

Девушка с корзиной цветов, на которых еще блестели капельки росы, в десять часов пять минут вошла в дом номер 10. В этот раз она, изменив своей привычке, шла с другого конца улицы. На этой улице было не более десяти домов, жители которых из месяца в месяц покупали цветы у цветочницы. Девушка, разносившая цветы, была совсем молоденькая. Полосатый платок постоянно скрывал часть ее лица, и потому было трудно разглядеть ее черты. Видны были только красивые черные глаза девушки, длинные ресницы и изогнутые брови.

Сегодня она с цветами медленно шла по улице. Услышав звуки музыки из дома номер 6, она подняла взгляд на окно спальни Ми Лиен. Музыка и закрытая створка окна были сигналами совершенно противоположных ситуаций. Девушка задумалась, но не остановилась, а продолжала приближаться к дому. Через ворота особняка она увидела силуэт мужчины, стоящего на балконе дома номер 4. Неожиданно музыка смолкла, и тишина показалась девушке гнетущей. Однако цветочница не повернула назад, а спокойно позвонила у входа.

Ми Лиен, окончив играть, встала со стула, достала изящный носовой платочек и вытерла выступившие на лбу капельки пота. Она пересела в кресло-качалку, поближе к окну. Подполковник налил в два бокала виски, протянул один девушке.

— Позвольте поднять тост за ваши успехи. Хорошая музыка становится еще более прекрасной, когда ее исполняют такие прелестные ручки.

Ми Лиен не ответила, слегка кивнула ему, попробовала капельку виски и как бы случайно поглядела в сторону двери.

— Я немного устала. Мне надо отдохнуть.

Подполковник ничего не сказал, а майор широко рас-

пахнул окно, выглянул во двор и увидел медленно открывающиеся железные ворота...

Цветочница, внеся свою корзину во двор, встретилась взглядом с усталыми глазами хозяйки дома. Вопреки обыкновению, госпожа землевладелица не пошла сама за цветами, а громко крикнула служанке:

— Нам, где ты? Пойди заberi цветы. В доме гости. Скажи торговке — сегодня мы покупаем два букета. Гладиолусы отнеси в спальню, а розы соедини с букетом, который только что принесли господина.

Девушка-цветочница достала из корзины два букета. Хозяйка дома чуть не вскрикнула от испуга, увидев, как обычно, в одном из них нераспустившиеся бутоны. Служанка взяла букеты, но не успела отнести их в дом, как оба солдата подскочили к ней и выхватили букеты из ее рук.

— Для обеспечения безопасности господина советника мы должны проверить букеты, прежде чем их внесут в дом.

Мать с трепетом смотрела, как полицейские развязывают букеты и просматривают цветок за цветком.

— Осторожнее! — возмутилась цветочница. — Это же цветы! Вы их помнете!

Полицейские не ответили. Бросая злые взгляды на девушку-цветочницу, они продолжали ощупывать каждый цветок.

Мать следила за их руками, мнущими бутоны и листья. Ей казалось, что небо сейчас рухнет на землю. Нечем стало дышать, сердце женщины учащенно билось. Сейчас случится непоправимое... И тут женщина облегченно вздохнула: в цветах и черенках ничего не оказалось. На ее напряженном лице разгладились морщины и расцвела улыбка, сразу омолодившая ее. Хозяйка спросила солдат:

— Ну как, наверное, можно вносить букеты в дом? Я вижу, в оружии вы разбираетесь лучше, чем в цветах. — Она осторожно собрала цветы.

— В прошлый раз госпожа сказала принести еще букет бархатных роз, — вмешалась цветочница. — Вот он, госпожа.

— Чуть было не забыла! В следующий раз расплачусь за все цветы сразу.

— Пожалуйста.

Мать с радостью взяла букет ароматных пунцовых роз из рук девушки. Один из полицейских вытолкнул цве-

точницу за ворота. Проходя мимо дома номер 4, цветочница посмотрела на балкон. Мужчина по-прежнему стоял там и следил за ней.

Хозяйка с букетами вошла в гостиную. Она поставила часть цветов в большую вазу посередине стола. Ми Лиен обрадованно взглянула на мать, перевела взгляд на американца, потом на майора. Ее черные глаза блеснули, и девушка с долей высокомерия и даже с некоторым вызовом произнесла:

— Благодарю вас, господин советник, и вас, господин майор, за то, что вы сообразовали послушать мою игру. Я готовлюсь выступить с этим вальсом на концерте по случаю национального праздника Республики Вьетнам.

— А когда этот праздник состоится? — спросил американец.

Ми Лиен звонко рассмеялась:

— Я думала, что вам это известно лучше, чем нам... Или вы хотите меня испытать?

— Извините, но я действительно забыл. А вы, я смотрю, патриотка!

— Спасибо. Напомню вам в таком случае: 26 октября. А сейчас позвольте мне поблагодарить вас за поздравления от господина генерал-майора, от вас лично и господина майора. Жаль, что сегодня у нас мало времени, надеюсь, что мы еще встретимся с вами.

— О'кэй! Вы восхитительная девушка!

Подполковник поднялся с кресла. Встал и майор. Оба поклонились и за руку попрощались с Ми Лиен и ее матерью.

Услышав хруст гравия во дворе, а затем и шум моторов отъезжающих джипов, мать и дочь крепко взялись за руки и долго стояли у окна, глядя на опустевшую улицу...

Золотистые сайгонские сумерки опустились на город. Так было на протяжении многих веков существования Сайгона. Но сегодня, в грохоте машин с маркой «Сделано в США», в шуме открывающихся ночных увеселительных заведений и дансингов и ослепляющего блеска порнографической рекламы, трудно было понять, каков Сайгон нынешний. В Азии ли он, в Европе или Америке? В небе звеньями пролетали реактивные самолеты и огромные вертолеты, от рева которых звенели окна домов; море с

разбойничьим свистом и шипением бороздили патрульные американские суда; по улицам мчались вереницы машин, и звуки их клаксонов перекликались с сиренами наглухо закрытых машин охраны, ревом военных грузовиков и бронетранспортеров.

Ми Лиен сидела у окна. Сдвинув брови, она следила за вертолетом, лопасти которого с шумом рассекали воздух, пока он не скрылся в багряных, цвета засохшей крови, облаках в стороне аэродрома Таншоннят. В Сайгонском порту печально и гулко прозвучала корабельная сирена. Девушка думала о трагической судьбе своей многострадальной родины. Священные призывы президента Вьетнама Хо Ши Мина, как в сказке, оживляли и вновь делали красной почерневшую кровь. Они доходили сюда, в самое логово жестокого врага, и звучали в душах людей, как звучит шепот матери у колыбели ребенка. Именно эти призывы помогли Ми Лиен выйти из ограниченно-го учебной мирка, указали ей путь, на котором пало столько борцов, сражавшихся за счастливую жизнь, за уходящую своими корнями к истокам четырехтысячелетней истории Вьетнама бессмертную истину: «Нет ничего дороже независимости и свободы».

Появившийся в окне дома номер 4 силуэт мужчины отвлек Ми Лиен от ее дум. Мысли ее теперь занимал этот человек. Недавно она случайно узнала, что неизвестный — поклонник одной певицы из дансинга «Арк-ансьель». К сожалению, Ми Лиен не была близко знакома с этой девушкой, но одна деталь вспомнилась ей: певица как-то назвала своего поклонника предателем. Вспомнив об этом, Ми Лиен осудила себя за беспечность и решила, что впредь будет осторожнее...

Занятая своими мыслями, Ми Лиен не заметила, как к ней подошла мать.

— Ты чем-то огорчена, дочка? — слышался ее голос.

Ми Лиен вздрогнула и повернулась:

— Нет, мама, я ничем не огорчена. Я хотела спросить тебя, почему сосед из дома номер 4 постоянно следит за нашим домом?

— Может быть, его привлекает твоя красота?

— Нет, мама. Интуиция подсказывает мне, что дело здесь в другом. Он как-то связан с тем, что произошло у нас сегодня утром. Как бы об этом поскорее сообщить X-5?

— Сегодня вечером она придет сюда. Не забывай, что мы должны принять специальный груз в течение нынешних суток.

— Я помню об этом, но уж слишком велика опасность для нее. Мне давно хочется познакомиться с ней. Ты никогда не рассказывала, какая она. Молодая или пожилая, красивая или нет? Я понимаю, что ты не имеешь права ответить мне на этот вопрос, и не упрекаю тебя. Но о ней я много думаю. Сначала я решила, что она участвует в борьбе со времен французской колонизации... Она пожилая, немного суховатая, но необычайно смелая. Затем я подумала, что, поскольку Х-5 разбирается в музыке, она может быть, например, учительницей, натурой решительной, эмоциональной, духовно богатой. Такой была моя родная мать. Она участвовала в борьбе против французских колонизаторов в Сайгоне и тоже была учительницей. Ее арестовали вскоре после гибели отца на фронте, и с тех пор мне о ней ничего не известно. Не знаю, жива ли она. Получилось так, что, лишившись отца, я лишилась и матери... Вот почему мне так хочется непосредственно встретиться с Х-5. С ней я могу поговорить об опасности, которая, может быть, грозит нам... Мама, а что, если этот тип из дома номер 4 действительно осведомитель? Меня тревожит то, что Х-5 должна прийти в дом, за которым установлено наблюдение

— Она придет в любом случае!

— Ты уверена в этом, мама?

— Конечно.

— А кто тебе сообщил об этом? Ведь цветочница не вложила записки в цветы.

— Вот это сообщение! — Мать рассмеялась и указала на букет бархатных пунцовых роз, стоявший в вазе. Только теперь Ми Лиен поняла тайну, которую до сих пор скрывали даже от нее. Бархатные розы предвещали приход Х-5.

— Мне разрешено, дочка, рассказать тебе про этот тайный сигнал. Чуть позже ты поймешь, почему он связан с Х-5.

Темнело. Мать и дочь, не зажигая света, следили за соседним домом. Даже в сгустившихся сумерках был виден силуэт высокого, немного сутулого мужчины, ходившего взад и вперед по балкону. Внезапно он надолго исчез, но затем появился снова. Мужчина сел в кресло и неподвижно замер.

Человек извлек из сейфа черную пластмассовую коробочку и нарисованную от руки карту со схемой размещения концентрационных лагерей, строящихся по проектам ЦРУ за счет срочной помощи США. Он открыл коробочку и высыпал крохотные кусочки, похожие на сухие плоды арековой пальмы. Это были высушенные мочки ушей его жертв, полученные им в качестве особого вознаграждения за услуги. Владелец этой коллекции считал, что даже коллекция Нго Динь Кана — родственника президента, насчитывавшая несколько сот мочек ушей вьетконговцев, не может сравниться по ценности с имеющимися у него одиннадцатью парами мочек. Они были отрезаны у отборных жертв — наиболее отважных и известных женщин и девушек вьетконга, которых он выявил лично. Сейчас он охотился за двенадцатой парой ушей, мочки которых могли бы стать украшением его коллекции. Каждый раз, встречая красивую девушку, он первым делом присматривался к ее ушам, потому что, по его мнению, любой человек мог быть вьетконговцем.

Этим коллекционером был 4Н. Он прошел подготовку в американском разведывательном училище. Там его ценили как перспективного агента прежде всего потому, что выходцы из его семьи в трех поколениях служили французским колонизаторам и испытывали жгучую ненависть к коммунистам; кроме того, он очень быстро усваивал наиболее коварные и жестокие приемы шпионского ремесла. В беседах со своими приятелями будущий осведомитель говорил: «Если моя мать пойдет за Вьетконгом, я и ей отрежу уши!» Подобные высказывания принесли ему известность и были с удовлетворением восприняты американским начальством, в результате чего он был повышен в должности в тайной полиции и получил дополнительное жалованье от ЦРУ.

Он питал большие надежды напасть на след вьетконговской разведчицы X-5, которую неустанно разыскивали ЦРУ и силы национальной безопасности, и рассчитывал, что двенадцатая пара ушей, за которыми он охотился, будет отрезана именно у нее. В его планах эта разведчица была «принцессой одиннадцати фей» («феями» он называл свои жертвы). В записной книжке, где он фиксировал свои деяния, он написал: «Важно любым путем отыскать следы Двенадцатой Принцессы».

Американцы наставляли его: «Необходимо подозревать всех без исключения. Лучше необоснованное подо-

зрение, чем недосмотр». В соответствии с этой установкой он обратил внимание на свою соседку — девушку из дома номер 6 по имени Ми Лиен. В своей книжке он записал: «Почему Ми Лиен каждый день играет на пианино в девять или десять часов утра, и именно в это время появляется торговка цветами?» Он направил секретное донесение генерал-майору, советнику по национальной безопасности, и вскоре было немедленно проведено расследование. Однако итоги его оказались разочаровывающими. Каких-либо доказательств, подтверждающих подозрения в отношении Ми Лиен, обнаружить не удалось. К такому выводу пришел подполковник, который лично руководил расследованием на месте.

Осведомитель уже и сам начал сомневаться в обоснованности своей версии, и тем не менее... «В иной бессмыслице зачастую обнаруживается смысл, — думал он. — Никто не верит моим подозрениям, даже господин советник по национальной безопасности в группе МААГ, но вдруг окажется, что я прав? Тогда... С ума можно сойти от радости! Весь профессиональный разведывательный механизм окажется слабее меня! Что по этому поводу подумает «корифей» ЦРУ в Индокитае, господин полковник Эдвард Лэнсдейл?»

Выставив локти и выпятив, как петух в крольчатнике, грудь, 4Н размышлял... Он, «сильный человек», получит медаль и благодарность, которые будут иметь не меньший вес, чем честь быть выпускником знаменитого разведывательного училища. Он набьет карман долларами, он собственными руками отрежет уши у Двенадцатой Принцессы. Ведь тот же Нгуен Ван Тхьеу был нижним чином в колониальной армии, окончил всего лишь высшие тактические курсы, организованные французами в Ханое в 1952 году, а теперь, поступив на службу к американцам, он получил генеральские погоны. Нго Динь Зьем в свое время бежал в США, а потом в одно мгновение оказался в президентском кресле. А уж он, 4Н, с его способностями, вполне может стать министром или начальником управления полиции Сайгона!

Осведомитель с упоением предавался мечтам, подобно девушке из басни Лафонтена, которая, отправляясь на рынок с корзиной яиц, раздумывала, на что она использует выручку от их продажи. Правда, его положение было более выгодным, чем у этой бедной крестьянки. Ему уже виделась лестница славы, по блистающим ступеням которой он поднимается вверх.

Он наметил себе план детально разобраться в биографии госпожи землевладелицы из Бакльеу. Для этого ему надо было найти предлог посетить Ми Лиен, а уж затем он начнет постепенно докапываться до истины.

Неожиданно он хлопнул себя по лбу и нахмурил густые черные брови. Вздвогнув, как будто он нечаянно прикоснулся к электрическому проводу, 4Н пробормотал: «А что, если я ошибусь, а какой-нибудь облезлой собаке повезет, она нащупает верное направление и снимет сливки в этом деле?» Он с тревогой подумал о своем наиболее опасном сопернике — Старухе Франк. Эта кличка происходила от названия французской денежной единицы или была сокращением от подлинного, не менее странного имени — Франсуаза Хюэ. Ее придумали в разведывательных кругах, к ней привыкли и носившего ее агента так и называли в разговоре. Франсуазу Хюэ несколько не огорчала эта кличка, более того, именно так именовал себя этот агент в своих донесениях.

4Н неоднократно сталкивался со Старухой Франк. Они обменивались приветствиями при встрече, иногда даже помогали друг другу, но в действительности между ними шло жестокое соперничество, в котором каждый пытался стать хозяином положения. По-хорошему, им следовало бы быть близкими приятелями — они были одного возраста, одного вероисповедания, оба считали коммунизм своим смертельным врагом, к тому же они вместе учились на курсах для персонала 2В¹ перед уходом французов из Ханоя. Однако у Старухи Франк было значительное преимущество — это был потомственный сотрудник Второго бюро. Отец Старухи Франк раньше работал здесь же, и у него до сих пор сохранились связи в администрации Зьема. У Франсуазы Хюэ была привлекательная внешность, и единственное, что портило румяное от природы, покрытое легким пушком лицо агента — это черная родинка, величиной с горошину, на переносице. Брови смыкались с родинкой, как два дракона, охраняющие жемчужину.

Французы начали готовить из Старухи Франк своего агента с 16 лет. Сейчас, в возрасте 25 лет, Старуха Франк, по-видимому, как и прежде, продолжала работать главным образом на французов. Однако из-за этого она,

¹ Второе бюро, Deuxième bureau — одна из французских разведывательных служб. — *Прим. пер.*

а точнее — он, потому что Франсуаза Хюэ — это был мужчина, отнюдь не отказывался от дел, поручаемых ЦРУ, действуя как «двойной агент». Это был разведчик-профессионал, скрывавший свое подлинное лицо под маской обходительности и мягкости. Он ловко устраивал свой бизнес на «разведывательном рынке», умел придержать «товар», сохраняя в тайне монопольное право на владение им, и в нужный момент сбывать его. Старуха Франк была готова продать секреты кому угодно, лишь бы за них дали хорошую цену.

Об этом, конечно, не должны были знать его французские хозяева. У Старухи Франк имелись разветвленные связи с высокопоставленными чиновниками сайгонской администрации, с настоятелями католических приходов и известными буддийскими монахами. Этот агент располагал возможностью связываться и с «противной стороной», действуя под фальшивым прикрытием представителя «лагеря оппозиции».

4Н не на шутку испугался, подумав о своем коллеге. В отношении Старухи Франк он испытывал и страх, и ненависть. Достоинства и преимущества соперника не давали ему покоя... Он встал на колени и начал молиться:

— Господи, пожалей меня и помоги. Затумань глаза этому колдуну Старухе Франк. Дай мне отыскать Двенадцатую Принцессу, как я тебя об этом денно и ночно прошу в своих молитвах. Укажи мне к ней самый краткий путь. Пусть этой Принцессой окажется не кто иная, как Ми Лиен!

После обращения ко всевышнему 4Н вновь обрел спокойствие. Он утешал сам себя: «Французское Второе бюро по изощренности и авторитету не сравнить с ЦРУ, а я — доверенный сотрудник господина специального советника по национальной безопасности». 4Н был уверен, что у Старухи Франк нет таких нитей, за какие ухватился он, ведь ему одному удалось заметить полоску света в занавесе конспирации вьетконговских разведчиков. Зачем нужны крупные воинские операции и массированные бомбардировки со стороны объединенных вьетнамо-американских сил, если вьетконговцам о них заранее становится известно? Он надеялся, что именно ему, а не Старухе Франк или кому-нибудь еще удастся ответить на этот наболевший вопрос. 4Н достал из нагрудного кармана свою записную книжку в нейлоновом переплете. «Все, все здесь записано, — пробормотал он. — Я бросаю тебе вызов, Старуха Франк! Эти сведения я собирал, отдавая за

них годы своей жизни, и беречь их я буду больше, чем собственную жизнь. Мы еще посмотрим!»

Он лег в кресло-качалку и мельком взглянул на часы — близилось время назначенной в условленном месте встречи.

Известие о том, что он увлекся певицей из дансинга «Арк-ан-сьель», поразило его друзей. «Неужели и этот может влюбиться?» — с недоумением спрашивали они друг друга. Сегодня же, после многочисленных отказов, певица наконец-то приняла его приглашение встретиться в дансинге. Он поднялся с кресла: до встречи оставалось еще полчаса. Он никогда не забывал об установке подзреть всех и сейчас неожиданно подумал: «А если певица и есть Х-5?» Пожав плечами, тайный агент ответил сам себе: «Тогда я отрежу уши и ей, и эти уши Двенадцатой Принцессы будут иметь еще большую цену, а господин Эдвард Лэнсдейл в еще большей степени восхитится мной, как единственным в своем роде и неповторимым героем!» Внезапно он совершенно забыл о любви и вновь предался честолюбивым мечтам. Он поправил галстук, насвистывая, побрызгал на себя одеколоном, постоял перед зеркалом, улыбаясь себе то так, то этак, выбрал самую привлекательную, на его взгляд, из улыбок, по привычке коснулся собственных ушей...

Минут через пятнадцать после того, как тайный агент отъехал на машине от дома номер 4, к соседнему дому подъехала девушка в длинном розовом платье. Она оставила свой мопед с сумкой на багажнике за серебристым «пежо», уже стоявшим около дома. Из гостиной доносилось пение под аккомпанемент пианино. Девушка улыбнулась, наклонилась, трижды нажала на кнопку звонка и застыла в спокойной позе ожидания. В свете уличных фонарей ее длинные темные волосы блестели и казались совсем черными. Склоненная фигура девушки напоминала скульптурное изображение некоего древнегреческого божества.

На посыпанном гравием дворе слышались легкие шаги. Медленно отворилась створка железных ворот. Хозяйка дома, взволнованная и радостная, крепко обняла девушку и повела ее к крыльцу. Они шли медленно, прислушиваясь к голосам и смеху, доносящимся из гостиной.

— Я терпеть не могу джаз, — слышался чей-то голос,

— Это Хоанг Фыонг, сын сенатора, — шепнула гостье мать Ми Лиен.

— Почему? — спросил девичий голос. Это была Ми Лиен.

— Это музыка сумасшедших. От нее душа мертвоет, и остается только телесное восприятие.

— Значит, тебе не нравится американская музыка? — спросил другой девичий голос.

— У американцев мне нравится только их жевательная резинка. Что же касается музыки и всего остального, то, извините меня, я их не перевариваю.

— Так какую же музыку ты любишь?

— Люблю северовьетнамские песни и классические произведения. В этих произведениях и песнях музыка и слова чистые и светлые.

— А если Ми Лиен нравится американская музыка? — шутливо поддразнила та же девушка...

Гостья в розовом платье, глядя на мать Ми Лиен, внимательно прислушивалась к разговору.

Сын сенатора ответил:

— Я надеюсь, что Ми Лиен думает так же, как и я. Из-за американского присутствия на улицах Сайгона у меня сложились предубеждения против американцев, и это очень трудно изменить. В звуках их музыки мне слышится грохот кованых сапог. — Сын сенатора поднял глаза на Ми Лиен, как бы ожидая одобрения. — Разве есть у нас хоть какая-нибудь независимость? — продолжал он.

Ми Лиен громко рассмеялась:

— Хоанг Фыонг уже и о политике в музыке заговорил! Я же считаю, что политика заслуживает меньше внимания, чем родинка на щеке у женщины.

Хоанг Фыонг вновь быстро взглянул на Ми Лиен и осторожно поправил очки. Он внимательно прислушивался к тому, что говорила девушка.

— В нашу эпоху не найти такой области, в которой США не были бы на первом месте...

— Например, в жестокости! — прервал Ми Лиен сын сенатора. — Тебе нравится взятый мной пример?

— Я не против, но в нашей компании нет никого, кто вместе с тобой входил бы в «лагерь оппозиции». Хоанг Фыонг, тебя надо оштрафовать на бокал виски и лишит на неделю жевательной резинки.

Раздались одобрителыне аплодисменты.

В это время гостья поднялась на второй этаж, а мать, приоткрыв дверь в гостиную, сказала:

— Извините, что прерываю вашу беседу.. К Ми Лиен пришла старшая сестра навестить ее.

— Позвольте, я на минутку выйду, поздороваюсь с сестрой. А вы пока продолжайте репетировать, — проговорила Ми Лиен, поднимаясь со стула.

Хоанг Фыонг тоже сразу встал.

— Познакомь нас с сестрой, — попросил он. — Разреши мне от лица всех нас сопроводить тебя, вместе будет веселее.

Ми Лиен ответила:

— Спасибо, друзья. Мы с сестрой так редко встречаемся. Это семейные дела, и сопровождать меня не надо. Репетируйте, чувствуйте себя как дома.

Ми Лиен вслед за матерью поднялась по лестнице, взволнованная и радостная. Распахнулась дверь, и она застыла на месте, увидев перед собой девушку примерно своего возраста. Гостья искренне улыбнулась, показав два ряда ровных зубов, сверкнувших белизной в свете лампы, и спросила:

— Ты очень удивлена, Ми Лиен, правда? На ветке в середине букета много нераскрывшихся белых бутонов. Как, правильно?

— Так это ты, цветочница! Я-то думала, что X-5 по крайней мере ровесница моей матери, и никак не предполагала, что это юная красавица. — Удивлению Ми Лиен не было предела. — Ты так умело маскировалась. А сегодня ты выглядишь прелестно, как букет бархатных роз.

— Что же тогда сказать о тебе, Ми Лиен? «Пежо-203»... ухаживания господина американского советника, который ходит за тобой по пятам...

Все трое рассмеялись. Это был один из редких моментов неподдельной радости в их жизни, жестокие испытания которой постоянно требовали нервного напряжения. Так же непринужденно, открыто X-5 сказала Ми Лиен:

— Подожди, вот выполним задание, и тогда твоя мама угостит нас соком. Мы втроем отпразднуем победу. Ну как, архитектор, ты подготовила чертеж?

— Да. Но скажи мне, как ты сегодня утром догадалась, что у нас дома не все в порядке?

— Догадалась по противоречию между двумя сигналами — полуприкрытым окном и вальсом Штрауса. Бо-

лее того, твоя мама произнесла слова, смысл которых был ясен только мне. Не так ли, матушка?

— Верно, именно так, — поддержала ее мать Ми Лиен и чуть не добавила: «И только я одна знаю, какая у тебя жизнь».

Ми Лиен открыла нижнее отделение сейфа и достала из выдвижного ящика альбом с чертежами. Из альбома она извлекла план резиденции МААГ, сделанный на тончайшей папиросной бумаге.

— Лишь бы по ошибке не взять чертеж дворца господина президента. Его очередь еще не подошла, — засмеялась Х-5 и, склонившись над планом, продолжала: — Для нас важно с достоверной точностью знать, где находится зал заседаний американских офицеров и в какие часы они собираются в нем в наиболее полном составе.

— Гарантирую, что этот зал находится здесь. — Ми Лиен указала место на чертеже, отмеченное крестиком. — Первый этаж, помещение номер 3, восточная часть здания.

— Участь их уже решена, — проговорила Х-5. — Командование разрешило нанести по ним сокрушительный удар. Этого они давно заслуживают. Но помимо чертежа «лисьего логова» тебе, Ми Лиен, необходимо любым путем достать план городского кинотеатра, строительство которого американцы поручили вице-президенту Нгуен Нгок Тхо. У тебя в этом деле есть полезный помощник — симпатичный молодой человек, любимый сын господина сенатора, служащий во дворце вице-президента. Он, кажется, равнодушен к тебе?

— Но я уверена, что никогда не смогу его полюбить.

— Почему?

— Я и сама не понимаю. Думаю, что мне вообще трудно кого-нибудь полюбить. Что же касается Хоанг Фыонга... Он придерживается передовых взглядов и порой чересчур подчеркивает это, ругает американцев и открыто хвалит Армию освобождения, а о политике говорит точно так же, как наши кадровые работники. Он пишет статьи и публикует их в оппозиционной печати. А только что он заявил нам, что ни во что не ставит все американское, исключая лишь жевательную резинку.

— И тем не менее запросам Ми Лиен он все-таки не отвечает?

— Я не рискну его осуждать, но в нем есть что-то неприятное. Глаза у него обычно полуопущены или быстро бегают за стеклами очков в толстой оправе. У ме-

ня такое впечатление, что он не вполне чистосердечен. Человек с таким взглядом вряд ли способен на верную любовь.

Х-5 слегка наклонила голову и серьезно сказала Ми Лиен:

— Я полностью одобряю твою осторожность. Это вопрос жизни или смерти и для нас самих, и для всей нашей организации, сражающейся на особом фронте, на одном из участков которого действуем мы. Недопустимо полюбить человека, которого до конца не знаешь, тем более человека, тесно связанного с врагом.

Ми Лиен взволнованно стиснула руку Х-5:

— Я беспокоюсь за тебя! И должна тебе сказать, что допустила ошибку, не проявив бдительности в отношении нашего соседа из дома номер 4. Это осведомитель!

— Более того, это один из опасных агентов тайной полиции, виновник многих преступлений! Его подозрения в отношении вашего дома вызваны кое-какими нашими неосторожными действиями, но мне точно известно, что начальство ему пока не верит. Тем не менее он не отказался от своих подозрений и по-прежнему продолжает следить за нами. Командование решит, какие меры надо принять для защиты этой явки.

— Если его своевременно не убрать, то рано или поздно он докопается до истины.

— Верно. Но вы должны знать, что кроме него существует и другой агент, не менее коварный, чем этот. Он тоже постоянно следит за нами, нам же пока не удалось напасть на его след. У него очень необычное имя — Франсуаза Хюэ.

— Дьявол в женском образе. Она метиска или француженка?

— Пока не знаем. Недавно к нам поступило сообщение, что иностранные разведчики называют Франсуазу Хюэ еще Старухой Франк и что у нее есть особая примета — родинка на переносице. Это сообщение дает нам подтверждение того, что речь идет о женщине, но в самом ее необычном имени скрывается какая-то тайна, которую мы пока не раскрыли. Кто она? Действует ли она открыто на стороне врага, или ей удалось затесаться в наши ряды? Несколько наших явок были обнаружены и уничтожены, судя по всему, ее усилиями. Она и ваш сосед из всех сил стараются выслужиться перед ЦРУ, пытаются выйти на нашу организацию, и нам необходимо

разоблачить Старуху Франк прежде, чем она раскроет нас...

— Мама и сестрица! — воскликнула Ми Лиен. — А что, если это как раз та певица из «Арк-ан-сьель», предмет увлечения агента из дома номер 4? У нее родинка на переносице, и это, кстати, очень идет ей...

— Как ее зовут?

— Белла Лис. Это имя ей дали посетители дансинга. А Лис по-французски означает «лилия» — то же, что по-вьетнамски Хюэ. Не совпадает ли ее имя с одной из кличек Старухи Франк — Франсуаза Хюэ?

— Но ведь ты сама говорила, что эта девушка называла агента 4Н негодяем.

— Белла Лис — натура очень тонкая, чувствительная. Хоанг Фыонг сказал мне, что родилась она в Королевстве лилий¹ и всего год назад приехала из Парижа в Сайгон. Белла Лис ведет себя безупречно, она скромна, избегает вечеринок и презирает предателей. Если Лис — действительно Старуха Франк, тогда она очень умело играет свою роль. Но до сих пор в отношении Лис у меня не возникало подозрений...

— Все это лишь предположения. Но мы не можем оставлять без внимания никакие фантазии. Более чем когда-либо надо быть бдительными. Ми Лиен, будь осторожна с девушкой из Королевства лилий. Да и вообще никому даже намеком не следует раскрывать ничего, связанного с нашей деятельностью; в беседах с чужими людьми, не входящими в нашу организацию, никогда нельзя высказывать то, что ты в действительности думаешь... Ну, наша встреча что-то затянулась. Ми Лиен, спускайся-ка в гостиную, чтобы не дать гостям повода для подозрений и обвинений в том, что ты невежливая хозяйка.

Ми Лиен спустилась вниз, и вскоре из гостиной вновь донеслись звуки пианино и пение. Среди других голосов ясно выделялось колоратурное сопрано Ми Лиен. Х-5 улыбнулась и села рядом с хозяйкой дома.

— Хонг Нюн, Бархатная Роза, деточка! — Женщина прижала девушку к своей груди, и в уголках ее глаз блеснули слезы. Лишь в такие редкие минуты она могла свободно называть настоящим именем эту девушку, детские годы которой были тесно связаны с ее прошлым.

¹ Поэтическое выражение, одно из названий Франции. — *Прим. пер.*

— Я так беспокоюсь за вас, девочки, — продолжала она. — Ведь вокруг столько опасностей!

Бархатная Роза подняла глаза и посмотрела на женщину, некогда заменившую ей мать. В красивых и добрых глазах девушки женщина видела нежность. Эти глаза были так похожи на глаза ее рано умершей подруги.

Девушка заметила розы, которые она принесла утром: букет стоял в вазе у изголовья кровати хозяйки дома и ее дочери. Х-5 ощутила радость; ей показалось, что возле нее — ее родная мать, и захотелось, чтобы эти короткие минуты не кончались.

Звонок, раздавшийся в коридоре, прервал раздумья хозяйки дома и гости, заставив их вернуться к реальной жизни.

— Кто это? — спросила Х-5. — Почему три коротких звонка, как звоню я?

— Сейчас взгляну, — ответила хозяйка. — Наверное, это ТК-1.

Опять раздались громкие звонки.

Открылись ворота, и во двор стремительно вошел щегольски одетый молодой человек:

— Здравствуйте, уважаемая госпожа! Вы меня не узнаете? Я ваш сосед из дома номер 4. Принес подарок и письмо от Беллы Лис, которые она просила меня передать Ми Лиен.

— Спасибо вам. Давайте их мне, я передам дочери, чтобы вас не утруждать.

— Если позволите, я хотел бы вручить их Ми Лиен в собственные руки. Мне надо передать ей и устный привет от Лис... — Говоря это, 4Н постепенно продвигался в сторону гостиной, и никто не остановил бы его сейчас.

Ми Лиен и ее друзья не смогли удержаться от изумления при его неожиданном появлении. 4Н, в свою очередь, был поражен, лицо его даже слегка побледнело, когда он увидел среди присутствующих сына господина сенатора. Он испугался, не выдал ли себя своим смущением.

Отпрыск благородного рода Хоанг Фыонг также оказался в неловком положении. Он никак не ожидал подобной встречи в этом доме и в это время. Хоанг Фыонг почувствовал себя так, будто его застали на месте преступления, ведь он всегда старательно скрывал свои связи с музыкальным кружком Ми Лиен, и вот все открылось. Неужели сосед Ми Лиен тоже ухаживает за ней? Или у него другое на уме? Придав своему лицу безраз-

личное выражение и сделав вид, что пришедший молодой человек совершенно ему незнаком, Хоанг Фыонг легким кивком вежливо ответил на церемонный поклон вошедшего, бросил взгляд на Ми Лиен, промолчал в ответ на игривую фразу гостя, сказанную как бы вскользь, но адресованную именно ему: «Земля действительно круглая. Наверное, никто не решится сказать, что он дошел до края Земли, потому что сколько ни идешь, а всегда возвращаешься к исходному пункту».

— Но вы, видимо, пришли к нам не затем, чтобы философствовать о форме Земли, — улыбнулась Ми Лиен.

— Вы совершенно правы, моя очаровательная соседка. Я хотел сказать, что именно потому, что Земля круглая, мне сегодня выпала честь встретиться со всеми здесь присутствующими. Сколько ночей я провел без сна из-за звуков вашего пианино!

— Тогда придется донести в полицию, чтобы вас арестовали за незаконное подслушивание, — со смехом заметила одна из подруг Ми Лиен. — Вы слушали игру на пианино, а исполнительница об этом ничего не знала.

Он притронулся рукой к своему уху, угрожающе взглянул на говорившую, но сдержался и перевел разговор на другую тему:

— Белла Лис доверила мне передать Ми Лиен подарок по случаю дня рождения и выразить сожаление в связи с тем, что сама она не могла сегодня зайти. Лис приглашает Ми Лиен в семь часов вечера в воскресенье на обед с северовьетнамскими блюдами. — Сказав это, он взглянул в глаза Ми Лиен и передал ей изящный конверт.

Девушка достала из него открытку, пробежала глазами по строчкам, написанным Лис.

— Я отвечу ей по телефону. Она приглашает меня с тем, кого я сама выберу. — Ми Лиен повернулась в сторону сына сенатора и спросила: — Надеюсь, ты не откажешься пойти со мной, Хоанг Фыонг?

Сын сенатора обрадовался, бросил быстрый взгляд на гостя, с победным видом заявил:

— Для меня счастье и честь быть защитником Ми Лиен!

— Что касается меня, — стараясь быть как можно вежливее, сказал гость, — то я надеюсь, что отныне не буду подслушивать музыку, в чем меня упрекнула одна из ваших подруг, а стану постоянным слушателем в вашем музыкальном кружке.

Ми Лиен ответила:

— Буду очень рада. Тогда надо отметить ваше вступление в кружок музыкой по вашему выбору.

— «На прекрасном голубом Дунае» Иоганна Штрауса. — Тайный агент окинул взглядом всех присутствующих и приготовился слушать.

— Как, все согласны? — спросила Ми Лиен.

Знакомая мелодия донеслась в спальню матери. Х-5 улыбнулась:

— Не стоит беспокоиться, матушка. Я верю в Ми Лиен — у нее такой же характер, как и у меня.

4Н делал вид, что внимательно слушает музыку. Да иначе и нельзя было поступить. Он знал, что ему в спину устремлен взгляд сына сенатора. Острое чувство неприязни, почти враждебности, ударило ему в голову, вспыхнуло в груди. Он нетерпеливо искал следы, которые подтвердили бы его версию. 4Н был готов волком броситься на любого, кто встал бы на его пути. Он жадными глазами следил за Ми Лиен, рассматривал предметы обстановки, через окно бросал взгляды на задний двор дома — всюду ему мерещилась тайна. Найти бы какой-то предлог, чтобы оказаться в ее спальне, — там уж наверняка найдется что-нибудь, подтверждающее некоторые из его догадок. Но пока придется удовлетвориться сегодняшними результатами. Никогда еще сын сенатора не слышал таких проклятий, как те, которыми 4Н в эти минуты осыпал его в душе. «Двенадцатая Принцесса, о господи!» Он украдкой мечтательно взглянул на уши Ми Лиен, чуть прикрытые волнистыми волосами.

До освобожденного района было меньше часа езды на машине. Располагался он совсем недалеко от Сайгона, но это был совершенно иной мир. Каждый раз, выезжая в этот район, Хонг Нюн чувствовала себя так, будто возвращается в детство. Здесь она могла свободно петь революционные песни, здесь царила атмосфера товарищества между соотечественниками. Здесь не было вызывающего головную боль шума армейских и полицейских машин, не было разлагающегося, до предела американизированного общества, не было ужасов бесконечно жестокого, варварского режима, обысков и слежки, не было густой сети тайных осведомителей. Все здесь было таким родным и близким. В освобожденном районе Х-5 чувствовала себя спокойно, как в свое время, ребенком, —

на руках у матери. Воистину только те, на чью долю выпали тяжелые испытания во временно оккупированных противником районах, могли полностью оценить свободную, независимую и счастливую жизнь в освобожденной зоне.

После встречи с командиром отряда Фи Ваном, затянувшейся до одиннадцати часов вечера, Х-5 получила приказ той же ночью вернуться в Сайгон, и радость, которую она испытывала вначале, по поводу того, что план действий, основанный на ее докладе и предложениях, утвержден, сменилась смутной печалью.

В партизанском районе, освещенном светом молодой луны, веяло прохладой начала сухого сезона. Кокосовые пальмы, высаженные на месте деревьев, сожженных напалмом, протягивали к небу новые листья. Ветер, дувший со стороны реки, приносил с равнины аромат созревшего на полях риса. Были слышны песни... Голос матери убаюкивал ребенка... На фоне деревьев промелькнул силуэт девушки-ополченки с винтовкой в руках. Х-5 ласково посмотрела ей вслед и подумала: «Вьетнам — пост передового охранения всего человечества! Ты, ополченка, стоишь на страже не только своей деревни. Какая честь прицелиться прямо во врага и выстрелить!» К своему сожалению, Х-5 не могла делать так, как она мечтала. При встречах с врагами выстрелы ей приходилось заменять улыбкой и вежливыми словами. Она считала, что для женщины это самое трудное, и с полным пониманием относилась к Ми Лиен. Скоро девушке предстояло вновь оказаться в самой гуще растленной жизни оскверненного американцами города, вновь участвовать в опаснейшем спектакле, каждую минуту быть готовой к сложностям, постоянно жить в напряжении, под угрозой попасть в когти врага, в ловушки, всюду поджидающие ее, к аресту, пыткам и смерти.

В пригород Сайгона Х-5 скрытно везли по реке в лодке. Правила лодкой стоявшая на корме девушка-ополченка. Перед расставанием Х-5 крепко пожала ее сильную мозолистую руку. Ополченка почувствовала, как на ее пальцы упали две маленькие теплые капельки, и девушки заплакали вместе, но тут же без лишних слов постарались сдержать одолевавшие их чувства. Одна из них сошла на берег, другая, развернув лодку, поплыла в обратную сторону.

Х-5 пришла на одну из явок, где ее ждал ТК-1. Его дочерна загорелая, симпатичная физиономия просто све-

тилась от радости. Своим лицом с глубоко посаженными глазами под густыми бровями он напоминал араба.

— Здравствуй! — воскликнула девушка. — У меня есть одна новость, не менее сенсационная, чем явление богородицы.

— Какая новость? — Юноша с интересом посмотрел на нее.

— Ми Лиен ошиблась в своих подозрениях. Девушка из Королевства лилий ни при чем, — неторопливо проговорила Х-5 после паузы.

— Ты имеешь в виду певицу из дансинга «Арк-ансьель»? — Блестящие глаза юноши не мигая смотрели на Х-5. — Значит, удалось раскрыть Старуху Франк? Кто же это?

Х-5 громко рассмеялась и достала из сумочки фотографию:

— Погляди! Не старуха, а мужчина — представитель вашей, усатой и бровастой, части человечества.

Пораженный юноша увидел перед собой фотографию мужчины лет тридцати пяти, с родинкой на переносице и густыми, тщательно подстриженными усами.

— Коварный тип, — сказал ТК-1. — Прикрывается женским именем, чтобы ускользать, как циркач Кхео, которым так восхищаются мальчишки.

— Погляди внимательнее. Мне еще никогда не встречался человек с таким выражением лица, но, когда я долго всматриваюсь в фотографию, у меня возникает впечатление, что он похож на одного из моих знакомых.

ТК-1 крутил в руках фотографию, рассматривая каждую деталь, и размышлял.

— А где ты достала этот снимок?

— Мне дал его командир, чтобы я показала тебе и Ми Лиен. Ведь может статься, что кто-нибудь из нас внезапно встретится с этим типом. Командир сказал, что снимок получен от одного нашего подпольщика и что на нем именно Франсуаза Хюэ, то есть Старуха Франк.

— Мне тоже кажется, что это лицо кого-то напоминает... Постой! — ТК-1 вынул из кармана темные очки и протянул их Х-5: — Надень-ка эти очки, а я посмотрю.

Х-5 надела очки, и ТК-1 внимательно присмотрелся к ней. Стекла и довольно широкая оправа скрывали почти все свежее лицо девушки. ТК-1 вдруг так бурно обрадовался чему-то, будто только что раскрыл какую-то важную тайну. Х-5, следившая за каждым его жестом, громко рассмеялась:

— Ты похож на скульптора, любующегося своим произведением. Я догадываюсь, о ком ты сейчас думаешь.

— О ком же? — спросил ТК-1.

— Об одном из героев «Путешествия на Запад»¹.

ТК-1 улыбнулся и кивнул:

— Раз есть Белорогий оборотень, то нужен Сунь Укун. Только он один может разоблачить его.

— Понимаю, что ты задумал. — Девушка наморщила нос и сняла очки. — Значит, Старуха Франк, Франсуаза Хюэ, Франк, Франсуа... Возможно, что за его прозвищем скрыт какой-то смысл. Франк ведь, кроме всего, — и французская денежная единица. Не означает ли эта кличка, что речь идет о шпионе, работающем на французов?

— Не исключено, — согласился ТК-1. — И мы обязательно нападём на его след.

— Важно уже и то, что он не сможет причинить нам вреда через агента из дома номер 4. Я говорила с командиром об этом человеке. Нам разрешено немедленно приступить к ликвидации агента под номером 4Н в целях сохранения явки в доме госпожи землевладелицы из Бакльеу. А еще нам дано задание взорвать выставку вертолетов.

— План операции разработан?

— Разработка плана и его осуществление поручены нашей группе и будут зависеть от вашего решения, товарищ командир, — с улыбкой ответила Х-5.

— Каковы ваши соображения?

Уже совершенно серьезным тоном девушка сказала:

— Думаю, что это задание надо поручить Лис и мне. Но поскольку Ми Лиен с подозрением относится к французенке, мне надо встретиться с Ми Лиен. Она, наверное, уже вернулась от Лис.

— Хорошо. А есть ли у нас подтверждение того, что 4Н участвует в организации выставки?

— Есть. Лис сказала, что он пригласил ее осмотреть выставку.

ТК-1 не мог скрыть радости. В голове у него рождался интересный план.

¹ Роман китайского писателя У Чэнэня (XVI в.). Центральный персонаж романа — царь обезьян Сунь Укун, обладающий огромной волшебной силой, ведет борьбу с оборотнями и демонами, охраняя буддийского монаха, который идет в Индию за священными книгами. — *Прим. пер.*

Выставка вертолетов США, открытая по случаю национального праздника Республики Вьетнам, была устроена перед воротами сайгонского муниципалитета. Генералы из Пентагона и ЦРУ, числившиеся членами группы МААГ, хотели воспользоваться этим случаем для рекламы американской воздушной мощи, для запугивания вьетнамского народа. На флагштоках были подняты флаги — здесь были и трехполосный флаг Республики Вьетнам, и звездно-полосатый американский, и флаги «стран-союзниц» — Англии, Южной Кореи, Таиланда, Филиппин, Австралии, Новой Зеландии, Малайи. В красочности с флагами состязались переливавшиеся синими, зелеными и красными цветами афиши с изображениями как одетых, так и раздетых женщин, рекламировавших торговые компании, рестораны и театральные шоу. Благодаря этому вся панорама выставки выглядела вполне по-американски.

Гремели трубы военного оркестра; громкоговорители и сайгонская печать на все лады прославляли американцев. Однако после торжественного открытия выставки, на котором присутствовали десятки министров и генералов Республики Вьетнам, ни американские советники, ни чрезвычайный и полномочный посол США Кэбот Лодж, ни простые посетители, осматривавшие экспонаты, не выказали особого восторга. Да и вообще посетителей было мало. Прошло лишь несколько групп по три, по пять человек. Тайных агентов и полицейских на выставке было больше, чем посетителей.

Вертолет, похожий на гигантскую саранчу, был окружен несколькими рядами полицейских и так называемой республиканской молодежи. Внешнее кольцо состояло из юношей, среднее — из девушек и почетное внутреннее — из подростков. Длинный, худой американец, стоявший на помосте, что-то объяснял, показывая рукой. Находившийся рядом с ним низенький переводчик-вьетнамец тоже говорил и размахивал руками, в точности подражая американцу. Они расхваливали американские вертолеты, расписывая их замечательные технические характеристики и преимущества.

— Уважаемые дамы и господа, посмотрите, какой великолепный «летающий страус» создан руками конструкторов. Другого такого нет на нашей планете. Он может летать в любую погоду — при дожде, ветре и шторме. Он способен взлетать и садиться где угодно — на равнине или в горах, в дремучем лесу или в открытом

море. Его электронные глаза могут увидеть даже мышь, бегущую под землей. Перенести танк или пушку для него не труднее, чем вам поднять плитку шоколада. Он в состоянии перебросить целую армию в глубокий тыл противника...

Посетители смотрели на говорящего во все глаза. Фирма, производившая вертолеты, должно быть, щедро платила этому эксперту за рекламирование своих машин. Однако он не сказал, что американский вертолет может увозить вьетнамских женщин, красть уток и кур. Он также не решился упомянуть о том, что реактивные вертолеты США испытали на себе удары партизан и остались лежать бесформенными грудями серых обломков в районе Кути, в нескольких милях от Сайгона.

Х-5 и ТК-1 рука об руку, как пара влюбленных, прошли через ворота на выставку. Оба они были в форме республиканской молодежи — синих брюках и белых рубашках. Разными были лишь их головные уборы — на юноше был надетый набекрень берет, на девушке — шляпка. Они направились прямо в центр выставки. В руках каждый из них держал по булке в фабричной бумажной упаковке. Не успели они миновать шеренгу республиканских девушек, как чья-то рука сильно хлопнула ТК-1 по плечу, отчего он чуть не выронил пакет с хлебом.

ТК-1 обернулся. Возле него стояли двое молодых людей — один в темно-красных брюках и черной рубашке в белую полоску, другой — в серой униформе. Тип в сером, выпятив челюсть, вызывающе засмеялся:

— Эй, приятель, вы что, боитесь потеряться — так вцепились друг в друга?

В другой раз ТК-1, не колеблясь, применил бы прием дзюдо, но сейчас он не ответил, а только сильнее сжал пальцы девушки и поспешно увлек ее за собой. Они приблизились вплотную ко внутреннему кольцу ограждения и стали внимательно слушать разъяснения американца. ТК-1 взглянул на часы: без пятнадцати одиннадцать. Он шепотом спросил Х-5:

— Ты думаешь, он находится здесь?

— Я уверена. Подождем еще, — ответила девушка.

Х-5 и ТК-1 не спеша прошли в другую часть выставки и остановились перед красочным плакатом, изображавшим переброску на вертолетах американской дивизии.

...Тайный агент из дома номер 4 по улице Н. только

что вернулся с выставки домой. Весь день он был свободен и готовился к очередному сеансу связи с канцелярией советника по национальной безопасности. Он не провел в своей комнате и получаса, как раздался телефонный звонок. 4Н в раздражении пинком отшвырнул попавшийся ему под ноги стул и снял трубку. Из мембраны слышался чистый и мягкий голос певицы из дансинга «Арк-ан-сьель». Она сказала, что может встретиться с ним примерно в одиннадцать часов двадцать минут на выставке, и выразила надежду, что он покажет ей американского волшебного «летающего страуса», о котором все так много говорят.

Осведомитель поспешно принарядился. Он решил прибыть на место за десять минут до назначенного времени. 4Н даже не подозревал, что ему звонила не Белла Лис, а Ми Лиен. Взглянув на себя в зеркало, он присвистнул и по привычке дотронулся до ушей, подумав, что познакомит с девушкой американского эксперта и станет ее гидом-переводчиком...

Х-5 и ТК-1 рассматривали фотографии, развешанные в павильоне, стараясь не показывать волнения. Им предстояло попытаться уничтожить и вертолет, и агента 4Н, который должен был прийти на выставку в известное им время.

В одиннадцать часов пять минут агент 4Н свернул к центру выставки. Увидев его, Х-5 слегка сжала руку ТК-1, и они последовали за ним и вновь остановились у ограждения вокруг вертолета.

На высоком помосте 4Н о чем-то говорил с американским экспертом. Момент был подходящий, и ТК-1 поднес пакет с хлебом ко рту, собираясь зубами выдернуть кольцо спрятанной в булке гранаты, но тут откуда-то появились два республиканских подростка, которые остановились у железной ограды за вертолетом. Если сейчас бросить гранату, могут погибнуть эти дети. ТК-1 почувствовал, как Х-5 сжала его руку, и... откусив кусочек хлеба, начал жевать.

В одиннадцать часов пятнадцать минут тайный агент посмотрел на часы, и на лице его отразилось волнение. Подняв глаза, он увидел Х-5, внимательно посмотрел на нее и отвернулся. «Узнал ли он меня?» — подумала девушка. Она взглянула на спутника, не решаясь сказать о своих опасениях. ТК-1 не обратил внимания на ее тревогу. Сейчас его волновало одно — благоприятная возможность упущена.

Неожиданно в толпе возникло движение, на улице появились полицейские на мотоциклах и машины военной полиции, мчавшиеся к выставке. Полицейские окружили выставку с четырех сторон.

Ситуация становилась сложной и напряженной. Х-5 подошла к республиканским девушкам, которые поправляли друг на друге форму, пудрились, красили губы, смеялись и болтали. Они обсуждали предстоящее прибытие на выставку высокого должностного лица. Х-5 вернулась к ТК-1 и сказала, в чем дело. Оба вздохнули с облегчением, но действовать в такой обстановке было очень опасно. Оставалось не более пяти минут на то, чтобы принять решение.

— Плохо дело, — тихо сказал ТК-1 на ухо Х-5. — Но все-таки действовать придется. Если я погибну или меня схватят, ты отсюда немедленно уходи. На перекрестке ждет такси...

На помосте возле вертолета американский эксперт готовился давать объяснения высокому гостю. Рядом с экспертом стоял агент 4Н. Другого такого удачного случая больше не представится, и ТК-1, поняв это, мгновенно поднес пакет с хлебом ко рту, вырвал кольцо, метнул гранату на помост между американцем и агентом и крикнул:

— Ложись!

Раздался взрыв. Х-5 также бросила свою гранату. «Летающий страус» покрылся пеленой дыма и вспыхнул ярким пламенем. Американский эксперт и тайный агент извивались в луже крови на помосте, окруженные кусками металла и пламенем.

Республиканские юноши, девушки и подростки, разорвав строй, разбегались в разные стороны. Слышались свистки полицейских и крики людей. Х-5, съездившись, лежала на земле. ТК-1 наклонился над ней.

— Ранена? — спросил его кто-то.

— Да, потеряла сознание, — ответил ТК-1, поднял девушку на руки и побежал с ней через густую, мечущуюся толпу в направлении перекрестка.

Подъехало такси. Х-5 мгновенно села в машину. ТК-1 собирался последовать за ней, но тут его сзади за рубашку схватил полицейский. ТК-1 резко рванулся в сторону и нанес полицейскому удар коленом в нижнюю часть живота. Полицейский, скрючившись, рухнул на дорогу. ТК-1 быстро вскочил в машину, и такси сорвалось с места, оставив за собой шлейф пыли.

В резиденции МААГ непрерывно раздавались громкие телефонные звонки. Генерал-майор, советник по национальной безопасности, сидел за столом. На его лице ярче обычного проступали красные пятна — будто пятна крови.

Он грязно выругался и, закончив телефонный разговор, бросил трубку. Затем вновь поднял ее:

— Алло, кто-нибудь из террористов задержан?.. Что? Всех подозреваемых задерживать! — Голос его поднялся до крика. — Стреляйте в тех, кто оказывает сопротивление! Вы поняли? Стреляйте! Что? В критическом состоянии? Надо спасти его любой ценой! — Генерал плюхнулся в кресло и застыл обессиленный.

Новости были ужасные: американский эксперт убит на месте, а тайный агент получил тяжелые ранения. «Летающий страус» сгорел дотла. Генералу стало трудно дышать, воротник стягивал его жирную шею, и он расстегнул верхнюю пуговицу. В Западной Германии, в Корее, на Тайване, в Бразилии — нигде еще он не чувствовал себя так неуютно, как здесь, на вьетнамской земле...

Советник по национальной безопасности надеялся, что агента 4Н удастся спасти, если не спасти, так хотя бы привести в себя на несколько минут, может, он еще сможет сообщить что-либо, касающееся террористов. Генерал тяжело вздохнул и вдруг сильно ударил кулаком по столу. Бутылка виски упала на пол и разбилась. В кабинет вбежал слуга. Генерал указал ему на разбитую бутылку. Слуга принес новую, открыл и налил виски в бокал. Американец дрожащей рукой взял бокал, одним глотком осушил его, откинулся на спинку кресла и задумался. Жалел ли он о чем-либо, предавался отчаянию или что-то обдумывал?..

От командования военной зоны Х-5 получила благодарность за успешно проведенную операцию. Однако беспокойство не покидало ее. «Жив агент 4Н или умер? — думала девушка. — Если умер, то куда делась его записная книжка, которую он всегда держал в нагрудном кармане? Она так нужна нам! С ее помощью нам удалось бы раскрыть сеть ЦРУ и марионеточной тайной полиции. Кроме того, в ней, как нам стало известно из достоверных источников, содержатся указания относительно слежки за нашими людьми. Таким образом, над Ми Лиен и домом номер 6 нависла угроза провала. Если же эта книжка попала в руки американских разведчиков, то они тем бо-

лее не станут медлить, и план уничтожения «лисьего лова» может оказаться невыполненным...»

Х-5, нарядная и прекрасная, как королева, вышла из дансинга «Арк-ан-сьель» под руку со смугловатым молодым человеком, похожим на араба. Многие люди проводили их взглядами или с восхищением отозвались о красоте девушки и элегантности молодого человека.

Они подошли к новенькой «симке» молочного цвета, стоявшей неподалеку от дансинга. Юноша сел за руль.

— Скажи, — тихо спросила Хонг Нюн, усаживаясь рядом с ним, — ты твердо уверен в этом?

— Абсолютно, — кивнул он. — Первым перевязывать его бросился наш товарищ. Он приложил руку к его груди, будто бы слушая сердце, а на самом деле в поисках записной книжки. Однако в пропитанных кровью обрывках рубашки ее не оказалось.

— Где же она?

— Может быть, в тот день он не взял ее с собой?

— Нет, — качнула головой Х-5, — он никогда не расставался с ней.

— Даже когда купался? — коротко рассмеялся ТК-1.

— Будь серьезным, сейчас не до шуток... Ты уверен, что он действительно умер?

— Почти на сто процентов. Что же касается книжки, то ее могло отбросить куда-нибудь, например внутрь вертолета, где она и сгорела.

— Это только предположения, но, если принять их во внимание, опасность лишь возрастает. Кто мог подобрать книжку?.. Не забывай — около одного процента вероятности, что он жив, все-таки остается...

— Нет, ему никогда не добраться до тебя... Теперь он предстанет перед небесным императором...

— Опять кривляешься, — покраснела Х-5 и с упреком посмотрела на ТК-1.

От этого взгляда девушки на душе у него стало тепло. Такой взгляд встречаешь не часто — сердитый и в то же время ласковый. Это похоже на то, как девушка говорит любимому: «Я тебя терпеть не могу» — и в то же время позволяет себя поцеловать. Опьяненный счастьем, ТК-1 проехал мимо дома номер 6 и затормозил только тогда, когда Х-5 окликнула его и легонько хлопнула по плечу.

— Как ты думаешь, могла эта записная книжка попасть в руки Старухи Франк?

ТК-1 пожал плечами:

— Вот у тебя и еще одна версия.

Х-5 поспешно вышла из машины и направилась к дому госпожи землевладелицы из Бакльеу...

...Ми Лиен, ее мать и цветочница вместе сидели наверху, откуда хорошо были видны закрытые и неосвещенные окна в доме номер 4. Ни звука не доносилось оттуда. Похоже, что и матери соседа не было дома.

— Она, наверное, в больнице, — тихо сказала Ми Лиен. — Если он умрет, то мы избавимся от способной и злобной ищейки американских разведчиков. Думаю, у них нет оснований подозревать нас в убийстве этого предателя, его гибель — это лишь несчастный случай, вызванный диверсией на выставке...

Шум мотора автомобиля, остановившегося у ворот дома, прервал их разговор. Из джипа вышел американский подполковник, уже приходивший в дом Ми Лиен. Из двух других машин выпрыгнули полицейские.

Мать с дочерью обменялись взглядами. Не было сказано ни слова, но мысль у всех была одна: полиция окружает их дом.

Ми Лиен быстро спустилась на первый этаж, села за письменный стол и начала переписывать ноты. Мать пошла в свою спальню, цветочница осталась наверху, глядя через неплотно прикрытую створку окна на улицу. Она не впервые попадала в такую сложную и опасную ситуацию. Полиция оцепила дома под номерами 6, 4 и 2. Американский подполковник в сопровождении двух майоров сайгонской полиции и группы полицейских направился во двор дома номер 4, поднялся на второй этаж и открыл дверь комнаты осведомителя. Резко распахнулось окно, и в нем стало видно сначала голову, а потом и спину американского подполковника.

«Они ищут его записную книжку, — подумала Х-5. — Значит, он, по-видимому, умер, а его записная книжка пока еще не попала в руки ЦРУ. Вот бы узнать, не в кармане ли у Старухи Франк она лежит!»

Эта мысль показалась ей интересной. Если это так, то ЦРУ рано или поздно получит книжку, либо заплатив за нее доллары, либо применив насилие.

...Полицейские уезжали так же шумно, как и приехали. Джип американского подполковника отъезжал первым. Прежде чем уехать, подполковник поднял глаза на дом номер 6, пытаясь взглядом отыскать дочь госпожи землевладелицы. Окна дома были закрыты, белые шторы затянуты, и ему ничего не удалось разглядеть. Подполковник пожал плечами и сделал знак группе сопровожде-

ния. Их машины двинулись следом, как охотничьи собаки за хозяином.

Мать облегченно вздохнула. Неожиданно донесся знакомый автомобильный сигнал. Ми Лиен и Х-5, посмотрев сквозь щель жалюзи, увидели «Пежо-203» серебристого цвета, принадлежащий сыну господина сенатора. Ми Лиен с тяжелым сердцем сказала Х-5:

— Удивительно, но он всегда приезжает сразу после того, как что-нибудь происходит. Попрошу маму сказать, что меня нет дома, мне не хочется с ним встречаться.

— Не надо так, Ми Лиен. Он опасается, как бы с тобой не произошло чего-нибудь плохого. Он нам пригодится. Зачем же упускать удобный случай?

Ми Лиен спустилась в гостиную и встретила Хоанг Фыонга в коридоре.

— Если бы ты приехал минутой раньше, то увидел бы, как соседний дом обыскивала полиция! — возбужденно проговорила она. — Наверное, нашего соседа арестовали! А мы и не подозревали, что он вьетконговец!

— Вот уж нет! — с усмешкой ответил Хоанг Фыонг. — Правильнее было бы назвать его человеком, который не может жить под одним небом с вьетконговцами. Он погиб при исполнении служебных обязанностей по случайному стечению обстоятельств. Такова судьба многих...

В этот день в резиденции МААГ закрытое совещание состоялось на пятнадцать минут раньше обычного. После этого были вызваны некоторые осведомители и командующий тайной полицией Сайгона. Только что происшедшее событие вывело американцев из себя. В последнее время много американских офицеров погибло в ресторанах, кафе, театрах, клубах. Иной раз они гибли от зажигалки, начиненной взрывчаткой, в других случаях — от мин, установленных в их домах или под днищем автомобиля...

Самым болезненным ударом стало уничтожение среди бела дня в центре Сайгона выставки вертолетов. Во время этой диверсии погиб американский технический эксперт и очень способный агент тайной полиции. Генерал-майор, советник по национальной безопасности, приказал тщательно обыскать квартиру и вещи этого человека, верного американцам, однако его записная книжка, ради которой и устроили обыск, не была найдена. А генерал так надеялся, что 4Н сможет выйти на разведывательную сеть вьетконговцев! Во второй половине этого трагического дня агенту предстояло встретиться с американским со-

ветником и изложить свой план действий, основанный на последних полученных данных. Но, к несчастью, утром он случайно погиб на выставке. Генерал-майор был твердо уверен, что в книжке этого агента записаны план и результаты наблюдений, которые он скрывал от других разведчиков. Генерал очень беспокоился, как бы записная книжка не попала в чужие руки — это привело бы к разоблачению многих осведомителей, внедренных в аппарат сайгонского режима на различных уровнях. Он потребовал тщательного осмотра места происшествия, но там была найдена лишь обгоревшая нейлоновая обложка. Где же сама книжка — сгорела или попала в руки вьетконговцев?

Старый генерал мучительно раздумывал над этими вопросами. Чувство стыда переполняло его. «Столько операций провалилось, столько американских офицеров погибло! — думал он. — Мы терпим поражение в борьбе умов даже с коммунистками. Эта странная земля рождает странных женщин». Он вспомнил об Х-5, о существовании которой каким-то образом узнал 4Н, пытавшийся напасть на ее след. На лице старика вновь вспыхнули красные пятна. Он вынул носовой платок и вытер пот со лба.

Во второй половине ночи генерал получил экстренное секретное сообщение по прямому телефону. Сначала он испугался, что это могут быть дурные вести, однако, выслушав сообщение, вздохнул с облегчением, как будто избавился от тяжелого груза, давившего на его плечи. Это было доброе известие: записная книжка 4Н попала в руки Старухи Франк. Агент требовал высокую цену и не хотел уступать.

— Вызвать его сюда! Предложите ему доллары! — командовал генерал. Он был намерен купить не только книжку, но и самого агента французского Второго бюро.

А в это время Старуха Франк ворочался в своей постели.

«Счастливая звезда покровительствует моей судьбе», — думал он. То, что произошло вечером того дня, когда погиб 4Н, казалось невероятным: в его руки попала записная книжка погибшего! Дети подобрали ее около уничтоженного вьетконговцами вертолета, какие-то хулиганы отняли ее у детей, и главарь этих хулиганов за мизерную сумму отдал ее Старухе Франк, поскольку эта книжка, исписанная неразборчивыми словами на иностранном языке, не представляла для него ценности.

Итак, Старухе Франк по дешевке достался жирный кусок. В душе он был благодарен своему покойному сопернику за материалы — на них можно было устроить неплохой разведывательный бизнес. Поначалу продавать книжку ЦРУ ему не хотелось, поскольку он рассчитывал на большую наживу — сохранить монополию на материалы, собранные его коллегой, использовать их, чтобы напасть на след Двенадцатой Принцессы и раскрыть разведывательную сеть вьетконговцев. Однако ЦРУ каким-то образом узнало, где находится эта книжка, устроило за ней охоту и начало торговаться о ее приобретении. Правда, о цене они пока не договорились. Агент понимал, что рано или поздно книжку придется отдать, но у него были свои расчеты. Представлявшие ценность секреты своего соперника он уже знал наизусть, и теперь книжку можно было продать за подходящую цену. Агент был готов встретиться с советником по безопасности... С этими мыслями он положил записную книжку подальше под подушку и со спокойной совестью заснул.

Хоанг Фыонг, элегантный молодой человек из именитой семьи, любимый сын сенатора, проникся сочувствием к певице Белле Лис и навестил ее в дансинге «Арк-ан-сьель», чтобы выразить свои соболезнования в связи с неожиданной кончиной ее возлюбленного. Поехать туда вместе с Ми Лиен он деликатно отказался. Ми Лиен он действительно любил, и чувство это было искренним. Однако вместе с тем Хоанг Фыонг с особой симпатией относился к Белле Лис, типично французская красота которой волновала его. У нее были зеленоватые глаза, хорошая фигура, прямой нос... Сравнивая этих двух девушек, он думал, что завоевать Лис будет во много раз легче, чем Ми Лиен. Он чувствовал свое превосходство над другими «петушками» из околоартистических кругов, к тому же у него не было недостатка в деньгах. Немало девушек искали его любви, но Хоанг Фыонг относился к ним с безразличием. В Сайгоне он был также известен как активный участник одной из религиозных группировок, настроенных оппозиционно к администрации, неоднократно подвергавших публичной критике американцев.

Хоанг Фыонг быстро простился с Лис. Ему предстояло необычное дело, поэтому он не мог долго задерживаться в дансинге.

В «Арк-ан-сьель» он приехал не на серебристом «Пе-

жо-203», а на машине черного цвета, тоже французской марки.

Он включил зажигание, но мотор почему-то не завелся. Хоанг Фыонг раздраженно выскочил из машины, открыл капот. Пока он копался в моторе, двое незнакомцев незаметно пробрались в его машину и спрятались на заднем сиденье. Из-за открытого капота Хоанг Фыонг не мог увидеть их... Проехав некоторое расстояние, он испугался, когда в зеркале переднего обзора отразились лица двух парней в надвинутых на глаза мягких матерчатых шляпах. «Хулиганы», — подумал Хоанг Фыонг. Не успел он еще найти выход из создавшегося положения, как коротышка, сидевший за его спиной, с торжествующим смехом сказал:

— Франсуаза, поверните своей нежной маленькой ручкой руль вправо и остановите машину!

— Кто вы такие, что за странные вещи вы говорите, какая Франсуаза?

— Вам больше понравится, если я назову вас Старухой Франк? Довольно! Вам только малолетних детей обманывать или таких простушек, как Ми Лиен и Белла Лис. Что касается нас, то... — Толстяк замолчал и сделал знак Хоанг Фыонгу сесть на пустое сиденье рядом с местом водителя. Второй незнакомец снял зеркало заднего обзора, быстро вышел из машины и, открыв капот, сделал вид, что устраняет какую-то неполадку в моторе.

— Послушайте, — продолжал толстяк, — прилепите-ка фальшивые усы, что лежат у вас в кармане, и снимите ваши очки в толстой оправе с обыкновенными стеклами, у вас ведь нет никакой близорукости. Сопротивляться бесполезно. В нескольких сантиметрах от вашего затылка — дуло бесшумного пистолета. Мне надо поговорить с Франсуазой Хюэ, а не с сыном господина сенатора Хоанг Фыонгом.

Хоанг Фыонг был вынужден подчиниться. Он снял очки, скрывавшие родинку на переносице.

— Спасибо, Франсуа! Я всегда хотел, чтобы мы стали добрыми друзьями, готовыми на сотрудничество и взаимопомощь. Однако вы совершили недопустимый шаг — решительно отказались продать секретную записную книжку меньше чем за три тысячи долларов, а посему мы вынуждены изъять ее у вас силой.

— Вы действуете как грабители, но, к вашему сожалению, этой книжки сейчас у меня нет. Два с половиной

часа назад я передал ее господину советнику по национальной безопасности.

Толстяк рассмеялся:

— Почему вы не сказали — два часа тридцать пять минут семь и девять десятых секунды назад? Это было бы более убедительно. Вы сейчас едете к господину советнику, поэтому записная книжка никак не могла заранее попасть в его руки. Не вынуждайте меня применить силу. Книжка находится у вас в нагрудном кармане. Достаньте ее — хватит пользоваться чужим добром. Она обошлась вам не дороже бутылки коньяка — ведь именно такую сумму вы уплатили тому хулигану.

Хоанг Фыонг почувствовал, как у него вспотела спина. Ему и в голову не могло прийти, что эти незнакомцы столь хорошо информированы о его тайных делах. Откуда они? Из тайной полиции, решившей присвоить себе важный материал? А может, из ЦРУ, организовавшего этот подлый трюк, чтобы ограбить его?..

— Ну как? — напирал на Франсуа толстяк. — В обмен на эту книжку, — сказал он сладким тоном и в то же время с угрозой, — мы обещаем сохранить все ваши дела в полной тайне от всех, и прежде всего от красивых девушек, за которыми вы ухаживаете.

Вдалеке ярко вспыхнули фары мчащейся навстречу машины военной полиции. Хоанг Фыонг подумал, что, может быть, сейчас ему удастся найти выход из положения. У него возникла надежда, что полицейские остановятся для осмотра стоящего у обочины автомобиля, и ситуация изменится. Толстяк положил левую руку на изголовье переднего сиденья, ловко прикрыв ею пистолет, направленный в затылок Старухи Франк. Полицейские не остановились, решив, видимо, что у машины заглох мотор и водитель устраняет неисправность. Они проехали мимо, оставив в воздухе за своей черно-красной машиной облачко выхлопных газов.

Хоанг Фыонг с сожалением отдал записную книжку толстяку, и у него не возникло желания ответить коротышке на слова благодарности и прощания...

Старуха Франк долго сидел в машине, размышляя, как ему отыскать грабителей. Он подробно доложит об ограблении господину советнику по национальной безопасности, сообщит ему жизненно важные лично для генерала сведения, записанные несчастным погибшим осведомителем в книжку: «Вьетконг в срочном порядке готовится нанести удар по резиденции МААГ». Надо сообщить

это тревожное известие до того, как грабители продадут записную книжку ЦРУ. Таким образом, он не только избавится от взыскания или даже наказания со стороны ЦРУ, но и частично компенсирует понесенный ущерб. К тому же, опираясь на мощь ЦРУ, можно будет проучить грабителей. Однако сначала надо было обдумать все возможные последствия такого шага. Обещание «хранить тайну Франсуа», торжественно данное толстым грабителем как бы на условиях взаимности, вынуждало Старуху Франк взвешивать степень предполагаемой мести.

Он тяжело вздохнул. Затем, сняв фальшивые усы и надев очки с обычными стеклами, скрывшие родинку на его переносице, он вновь превратился в Хоанг Фьонга, привлекательного молодого человека из именитой семьи, любимого сына сенатора.

Грабитель-коротышка вручил записную книжку своему напарнику, стройному высокому юноше с симпатичным смуглым лицом.

— Книжка наверняка настоящая, как ты считаешь, ТК-3?

— На сто процентов! От нее даже пахнет агентом 4Н. — ТК-3 сделал вид, будто обнимает записную книжку, и засмеялся, показав белоснежные крепкие зубы.

Записная книжка была направлена для исследования на опорную базу. Она помогла раскрыть сеть осведомителей. Группе ТК-1 — Х-5 была объявлена благодарность. В новом приказе, который получила группа, было сказано: «Немедленно нанести удар по «лисьему логову».

Конкретный план нанесения удара по резиденции МААГ был срочно передан двум оперативным группам.

По этому плану Х-5 поручалось доставить две мины, изготовленные подрывниками Армии освобождения, из партизанской зоны в Сайгон и укрыть их в доме номер 6 по улице Н. В назначенный день и час группа Х-5 должна была установить мину на восточной стороне «лисьего логова», а группа ТК-1 — на северной. Мины предполагалось взорвать одну за другой с интервалом в семь минут.

Солнечным погожим днем по дороге Хьепхоа — Шолон двигалось много грузовиков и военных машин. Х-5 в облегающем платье и туфлях на высоком каблуке стояла на обочине дороги в ожидании машины. Под видом служанки ее сопровождала одна из девушек-партизанок. Рядом с

ними стояли два бочонка с арахисовым маслом, под днищами которых были спрятаны мины.

Этот район контролировали американцы и марионеточные власти. На неполных двадцати километрах до Сайгона на дороге было семь контрольно-пропускных пунктов и караульных вышек. Проезжая через каждый КПП, пассажиры выходили из машин, предъявляли для досмотра свой багаж и документы. Чем ближе к Шолону, тем чаще и строже становились проверки. Нелегко было доставить спрятанный груз до цели...

Х-5 прогуливалась вдоль дороги. Она достала из своей серебристо-зеленой сумочки ароматизированную сигарету, закурила. Проезжавший мимо грузовик сбавил скорость, свернул к обочине. Шофер высунул голову из кабины и спросил:

— Вы в Сайгон, девушки?

Х-5 отрицательно качнула головой, будто не обратив внимания на игривые нотки в голосе шофера. Она прогуливалась неторопливо, и глаза ее были обращены к небу. Х-5 знала, что простые люди, сидящие в машине, бросают на нее презрительные взгляды. Какая-то женщина громко сказала:

— Они ждут машину советника или офицера, зачем им ехать на обычной?

Возле них остановился еще один грузовик, с парашютистами. Но Х-5 снова отказалась от предложения подвезти ее до города. Так повторилось три-четыре раза. В конце концов появилась еще одна машина. Х-5 подняла руку. Это был грузовик, на котором развозилось снабжение для караульных постов вдоль дороги. Сейчас он возвращался в Сайгон. В машине ехали молоденький младший лейтенант и двое солдат. Офицер издали увидел красивую девушку на обочине и очень обрадовался, когда она подняла руку.

— Куда вы едете? Не боитесь вьетконговцев?

— Откуда им взяться в этом районе? — звонко засмеялась девушка. — Это вы боитесь, а не я. Какая же вы республиканская армия, если такие трусишки! Подвезете меня до Шолона? Мне не хочется ехать в тесноте с грубыми простолюдинами. Если не подвезете, то не задерживайтесь. Наверняка я еще встречу машину, в которой знают моего отца.

— А кто ваш отец?

— О, — опять громко засмеялась Х-5, — вы, видимо, недавно приехали в этот район. — С этими словами она

извлекла из сумочки и протянула офицеру пахнущую духами визитную карточку.

Офицер внимательно взглянул на нее и сразу же стал вежливее:

— Извините. Вы — дочь генерал-майора Чан Ты Оая?

— Вы же видели карточку!

— Извините, прошу вас в кабину.

— Нет, спасибо. У меня два бочонка масла от родственников. Я поеду в кузове с вашими солдатами.

Младший лейтенант, прищурив глаза, улыбнулся:

— Наверняка это очень ароматное масло. — И, показав на «служанку», спросил: — Она тоже поедет?

— Нет. Она только довезла масло до дороги. — Помавав на прощание «служанке», Х-5 продолжала: — Подвезите меня до пригорода.

Офицер громко скомандовал солдатам:

— Вы, двое, погрузите бочонки в кузов, а сами садитесь в кабину.

Впервые в жизни ему довелось познакомиться с такой красивой девушкой, оказавшейся к тому же дочерью генерал-майора Чан Ты Оая, и его переполняла радость.

— Многие из нас окончили училище, которым командует ваш отец. Некоторые из курсантов первых выпусков уже дослужились до майоров.

— А вы? — спросила Х-5. — Давно ли вы окончили училище? Я вижу у вас знаки различия младшего офицера...

— О, совсем недавно, — вздохнул младший лейтенант. — Всего лишь два года четыре месяца назад.

— Убивайте побольше женщин и детей, жгите дома, воруйте свиней, вот и подниметесь в звании. Что здесь трудного? Такое по силам даже мне.

Машину сильно тряхнуло. Х-5 с беспокойством поглядела на опрокинувшиеся бочонки. Она тут же попросила офицера поднять их. Он не протестовал и выполнил ее просьбу даже с удовольствием.

Х-5 взглянула на младшего лейтенанта и сказала:

— Я передам отцу, что вы очень любезно подвезли меня на машине. Когда доедем до места, оставьте мне номер вашей части и адрес. — Девушка улыбнулась. — Вы, конечно, не женаты?

— Нет, а вы замужем?

— Конечно нет. У моего отца очень тяжелый характер.

— Минус на минус дает плюс... Очень рад был познакомиться с вами.

— Спасибо. Жаль, что жизнь — не математическая задача, ответ которой можно найти по формуле. В жизни из двух минусов не всегда получается плюс.

Младший лейтенант расхохотался:

— Вы не только красивая, но и образованная девушка. С вами интересно разговаривать. Мне бы очень хотелось вновь встретиться с вами.

— Хорошо. Я не могу отказать в просьбе воспитаннику моего отца. Но писем мне не посылайте, отец этого не любит.

С одного из контрольных пунктов вдруг раздался пронзительный свисток. Младший лейтенант высунулся из кузова и рявкнул:

— Вы что, ослепли? Не видите, что это за машина?!

Они снова помчались вперед. Ни на одном из контрольно-пропускных пунктов машину не остановили.

В пригороде Шолона офицер спросил:

— Хотите, я довезу вас прямо до дому?

— Нет, спасибо, я сойду вот на том перекрестке, около поста военной полиции. Мне нужно навестить мою тетку, она живет за рынком. Родственники матери просили передать ей бочонок масла.

Машина остановилась возле поста военной полиции.

— Позовите мне рикшу, — попросила девушка.

Младший лейтенант через переносный мегафон подзывал рикшу. Полицейские, прищурившись, смотрели, как солдаты с трудом сгружали бочонки и ставили их на коляску рикши.

Офицер, упершись ногой в борт машины, записал номер своей части и адрес на клочке бумаги и передал его девушке. Она уселась на тележку рикши. Младший лейтенант взобрался в кабину. Его переполняла радость: он познакомился с прелестной девушкой, дочерью генерала. За годы своей службы в республиканской армии он трижды был на волосок от смерти и один раз чуть не попал в плен. Сегодня ему впервые повезло. Слава тебе господи!

Х-5 велела рикше отвезти ее на улицу Тонг Док Фыонг...

Утром следующего дня специальный груз был доставлен в дом номер 6 по улице Н. на грузовой машине госпожи землевладелицы из Бакльеу.

Группа ТК-1 — Х-5 старалась изо всех сил. Промедление в подобной ситуации грозило осложнениями. Торо-

пился и Старуха Франк. Он понимал, что настало время сообщить советнику по национальной безопасности неприятное известие. Однако он все еще надеялся найти наиболее выигрышный вариант. Он тер себе лоб, размышляя, что следует сказать американцу, чтобы превратить неудачу в успех и выпутаться из невыгодного для себя положения. Он готовил письменный доклад, беспрестанно писал что-то, зачеркивал написанное, рвал бумагу. Надо было передать господину советнику доклад сегодня во второй половине дня.

— Нет! — Он покачал головой. — Лучше я устно доложу господину советнику.

В конце концов он решил, что подготовит проект доклада, а затем позвонит по специальному секретному телефону прямо господину советнику и скажет: «Господин советник, в интересах безопасности США и господ советников срочно сообщаю вам, что резиденции МААГ угрожает опасность, вьетконговцы готовят диверсию. Предлагаю план устройства ловушки для противника. Необходимо скрытно рассредоточить персонал резиденции, устроить засаду, захватить террористов, а затем отправить Двенадцатую Принцессу туда, где уже пребывает душа вашего верного слуги и нашего любимого боевого соратника».

Он кивнул, довольный содержанием своего доклада. Он представил себе тревожную складку на лбу генерала ЦРУ, его одобрительные замечания. Генерал выпьет одним махом вина и прикажет вознаградить Старуху Франк за спасение своей жизни. Франк был настолько доволен собой, что позабыл об унижении, которому его подвергли, отняв секретную записную книжку агента 4Н. Он откинулся на спинку кресла и удовлетворенно рассмеялся, плечи у него затряслись.

— Х-5! — воскликнул он. — На этот раз ты со своими сообщниками не уйдешь от меня!

Он был уверен, что Х-5 уже у него в руках. Скоро он собственными глазами увидит ее. Кто она? Ми Лиен, как считал 4Н, или другая женщина, как утверждал он, Хоанг Фыонг? Он встал, поправил очки и твердой поступью вышел из комнаты.

Бегущие по небу быстрой чередой черные тучи сбросили на крыши домов дождевые капли и растаяли на горизонте. Из-под навесов на улицы выплеснулись людские

реки. Х-5 — женщина-тайна, которую искал Старуха Франк, смешалась с этим людским потоком. Двенадцатая Принцесса и ее добровольный защитник получили боевое задание — прорваться в резиденцию МААГ и нанести сокрушительный удар по организаторам новых авантюр.

Тщательно охраняемая резиденция МААГ выглядела как неприступная крепость. Все было как обычно: американские «эм-пи» охраняли главные ворота, двумя шеренгами обрамляли вход в здание резиденции. На улице одна возле другой стояли машины генералов и полковников. Внешние ворота с четырех углов улицы вокруг здания охраняли патрули сайгонской полиции. Любого проходящего они могли обыскать. Вокруг здания резиденции располагались особняки крупных сановников режима, как бы служа поясом безопасности для резиденции МААГ.

За два дня до этого Туэт Лан, дочь майора генерального штаба марионеточной армии, жившая в особняке, который примыкал к обратной стороне резиденции МААГ, в переулке, расположенном менее чем в двухстах метрах от большой улицы, получила письмо из Далата от Ван, своей школьной подруги. Ван писала, что в ближайшее время вернется в Сайгон и обязательно навестит ее. Через час с лишним после того, как Туэт Лан ушла на занятия, возле ее дома появилась республиканская девушка. К багажнику велосипеда был прикреплен радиоприемник. Девушка доехала до угла и остановилась прямо около полицейского. Она оглядела здание резиденции МААГ, прикинула дистанцию и подумала: «Идеальное место для установки мины. Прежде всего от взрыва пострадает зал заседаний американских советников, расположенный на первом этаже. Но здесь постоянно крутятся вооруженные полицейские».

Стоявший на посту полицейский, увидев, что на него с улыбкой смотрит красивая девушка, смутился и поправил фуражку. Он пожалел, что не приколот в этот день медаль, которую с риском для жизни заработал в столкновениях с буддистами. Девушка была в плотно облегающих джинсах. Он отметил пропорциональность ее фигуры.

Она подъехала к дому майора генерального штаба. Полицейский был уверен, что девушка — родственница или подруга дочери майора. Он решил подождать, когда она будет возвращаться, и познакомиться с ней.

Этой девушкой была Х-5. Она спокойно вошла во двор дома майора, поставила велосипед около входа и загово-

рила с вышедшей ей навстречу служанкой. Минутой позже служанка проводила девушку в комнату хозяйки. На вид хозяйке было около сорока лет. Губы у нее были накрашены, на лице лежал толстый слой пудры. Она с величественным видом восседала на диване и кивком ответила на вежливое приветствие незнакомой девушки.

— Я старая школьная подруга Тует Лан. Наша семья переехала в Далат, сейчас я по делам оказалась в Сайгоне и хотела бы повидаться с вашей дочерью.

— Тебя зовут Ван? — спросила жена майора.

— Да. Я и не думала, что вы меня помните.

— На днях Тует Лан сказала отцу, что у нее есть подруга Ван из Далата, которая скоро должна ее навестить. Дочь сейчас в школе и вернется домой не раньше половины шестого. Если хочешь, пройди к ней в комнату и подожди ее.

Х-5 взглянула на часы — четыре часа двадцать пять минут. В ее распоряжении оставалось двадцать минут. К этому времени мину надо установить в намеченном месте.

Из комнаты дочери майора марионеточной армии с верхнего этажа Х-5 ясно видела полицейского, который нетерпеливо ходил взад-вперед, время от времени останавливался, смотрел на часы и поглядывал в сторону дома майора. Обычно в переулке патруль военной полиции появлялся один раз в час, но сегодня почему-то здесь был этот полицейский. Как она должна поступить в такой сложной ситуации? Можно, конечно, было поставить велосипед с миной возле самых ворот дома, тогда она сумеет спокойно и быстро скрыться, но точность поражения цели не гарантируется. Возникает угроза и для жизни окружающих. Хотя здесь и живет семья высокопоставленного должностного лица марионеточного режима, все-таки лучше избежать жертв среди его родственников.

Х-5 снова подумала о полицейском. Почему он здесь? Если у него возникли какие-то подозрения, то почему он один? Патруль прошел десять минут назад. В чем же дело?

Девушка внимательно пригляделась. Похоже было, что полицейский кого-то с нетерпением ждет. И вдруг Х-5 улыбнулась, ее глаза под длинными ресницами блеснули. Она поняла: он ждет ее! Прирожденная женская интуиция не знает ошибок. У Х-5 возникла идея. Посмотрев на часы, она увидела, что у нее осталось всего десять

минут. Девушка бросила взгляд на книжные полки дочери майора: на сколько процентов американизировалась эта ее «школьная подруга»? По-видимому, Туэт Лан знает английский язык. Множество американских иллюстрированных журналов, фотоальбомы голливудских кинозвезд, портреты гангстеров. Вьетнамские декадентские романы. Шпионские истории Питера Чини, Лоренса Уилкинсона. Похоже, что в книжном шкафу дочери майора собраны все развлекательные произведения. Х-5 посмотрела на фотографию Туэт Лан, стоявшую на столе: красивой девушку не назовешь, но очень привлекательна. На снимке девушка была сфотографирована в полный рост, в декольтированном платье. В руках она держала кольт, направленный в объектив.

Х-5 вздохнула и встала со стула. Полицейский по-прежнему топтался под деревьями. Х-5 решила, что поставит мину на этот угол — его не видно из переулка, он прикрыт верхними этажами нескольких домов. Она спустилась в комнату хозяйки дома и попросила разрешения ненадолго выйти на улицу. Хозяйка кивнула и сказала:

— Возвращайся не позже шести, а то дочка уйдет на урок музыки.

Х-5 проехала по переулку, остановилась на углу улицы, упершись ногой в край тротуара. Полицейский, не скрывая радости, бросился к ней:

— Вы кого-то ждете?

— Да, жду подругу. Ее зовут Туэт Лан. Она такая инфантильная и очень рассеянная... Вы ее знаете? Она дочь майора генерального штаба.

— Конечно знаю. Вам она уступает во всех отношениях, и совсем она не такая приветливая, как вы...

— Благодарю вас за комплимент... А о моей подруге не говорите плохо. Она очень симпатичная. Просто ей не нравятся высокомерие и грубость полицейских.

— Это ошибочное, предвзятое мнение, — рассмеялся полицейский, игриво поводя плечами. — В национальной полиции служат разные люди...

— Такие, например, как вы! — прервала его Х-5 и весело засмеялась. — Вы курите?

Продолжая разговор, Х-5 поставила велосипед в заранее намеченное место и вынула из сумочки пачку «Мальборо».

— Вот, пожалуйста, возьмите себе. Мать Туэт Лан только что меня угостила. Мне достаточно одной сигареты.

Полицейский дал Х-5 прикурить. Девушка украдкой глянула на часы: четыре часа тридцать девять минут. Мина установлена на место раньше намеченного времени. Но как уйти отсюда? Через шесть минут произойдет взрыв... Х-5 сделала недовольное лицо, прошла несколько шагов и повернула в сторону переуллка.

— Подруте пора бы прийти, она сказала, что только поднимется наверх за сумочкой и отпросится у матери, а сама до сих пор не вышла...

Девушка решила оставить здесь велосипед и сделать вид, что идет за подругой. Полицейский наверняка с удовольствием постережет его. Однако он вдруг подошел поближе и положил руку на радиоприемник:

— Здесь ослабла веревка, позвольте, я закреплю.

Х-5 вздрогнула, повернулась, ухватилась за приемник, осмотрела веревку, которой он был привязан к багажнику.

— Не надо, нам ехать недалеко, не упадет!

— И все-таки лучше закрепить. Несколько минут — и все готово.

Девушка могла бы воспользоваться временем, пока полицейский закрепляет приемник на багажнике, и уйти будто бы за дочерью майора, но она понимала, что полицейский может обнаружить мину, и тогда все погубло.

— Хорошо, привязывайте.

Находясь рядом с красивой девушкой, вдыхая аромат ее духов, полицейский терял голову. Ему хотелось продлить эти минуты, и он нарочито долго возился с веревками. Девушка поглядывала на часы и нервничала. Осталось пять минут... четыре... три... а полицейский все еще не кончил свое дело.

— Я и то быстрее привязала бы это, — недовольно сказала она и отошла в сторону.

Оставалось две с половиной минуты. Больше нельзя было задерживаться здесь. Девушка подумала, что в случае ее ухода, даже если полицейский и обнаружит мину, он уже ничего не успеет сделать.

Осталось ровно две минуты. Х-5 сказала полицейскому:

— Вы здесь заканчивайте, а я все-таки пойду поинцу Тует Лав.

В это самое время на северной стороне резиденции МААГ группа ТК-1 закончила устанавливать свою мину.

В расположенном на первом этаже рабочем кабинете генерал-майора, возглавлявшего группу МААГ, зазвонил телефон. Генерала не оказалось на месте, и трубку снял его доверенный секретарь. Откуда-то с другого конца специальной линии послышалось:

— Говорит Старуха Франк...

Агент начал пунктуально излагать содержание заготовленного доклада, но не успел сказать главного... Сильный взрыв оглушил его даже через мембрану телефонного аппарата, и связь прервалась...

«Лисьё логово» развалилось и осело в клубах дыма, обломках кирпичей, облаках пыли. Оставшиеся в живых, спасаясь от гибели, бросились к не заваленному еще выходу. В этот момент такой же мощный взрыв раздался и с северной стороны здания. Осколки изрешетили американцев и сайгонских солдат военной полиции, бросившихся спасать хозяев.

К счастью для американских генералов и полковников, заседание закончилось за пятнадцать минут до взрыва. В зале оставались только краснолицый полковник и штабной офицер, которые и погибли от взрыва, перед смертью не успев издать ни звука. Оба они упали на разложенную на столе карту, которую совсем недавно разглядывал полковник. Кровь их собралась лужицами на карте...

Едва ТК-1 пересек перекресток, как услышал взрыв мины. К юноше на большой скорости приблизилось такси, он быстро вскочил в него, и машина рванулась прочь. Сзади в густых клубах дыма и пыли рушилось «лисьё логово».

ТК-1 спросил шофера, не видел ли он Х-5.

— Нет, не видел. Я ждал ее на пять минут дольше условленного.

Навстречу такси бесконечной вереницей мчались машины американской военной полиции, сайгонской охраны и полиции, грузовики с солдатами. Царила неразбериха, слышалась громкая ругань. Перекрестки вокруг резиденции МААГ были перекрыты. Колонна пожарных и санитарных машин протиснулась сквозь беспорядочную мешанину военных грузовиков.

— Я возвращаюсь обратно! — решительно проговорил ТК-1. — Доложите по прибытии на базу о выполнении задания. Я должен найти Х-5.

— Не надо! Им будет нелегко задержать Х-5, — возразил таксист. — Если кому-то и надо вернуться, то это

лучше сделать мне. Вам еще предстоит выполнить специальное задание, связанное со Старухой Франк.

— Знаю, — сказал ТК-1, и его усталое лицо сделалось задумчивым. — Я никогда не нарушу обещания в отношении Франсуа, — холодно добавил он.

Старуха Франк чувствовал себя совершенно выбитым из колеи. «Звезда, озарявшая его судьбу», померкла. Все шло не так, как он того хотел. В «Арк-ан-сьель» он приехал на этот раз не ради Беллы Лис и не для того, чтобы изображать из себя человека, который открыто критикует американцев. Цель у него была одна — привлечь к себе внимание вьетконговских подпольщиков. Он избегал каких бы то ни было контактов из боязни не сдержат себя, если кто-нибудь начнет рассказывать ему о нападении на резиденцию МААГ, о котором только и говорили повсюду. Старуха Франк из самоуничтожения награждал себя неприличными эпитетами, наиболее мягкими из которых были «самый большой идиот в мире», «дурак, у которого не осталось ни капли разума», «гнусный подонок, получивший по шее от мальчишек, играющих в шпильки». Он пытался отделаться от преследовавших его кошмарных картин: ЦРУ обвинит его в утаивании сведений о нападении, в сообщничестве с вьетконгом, оказании ему содействия в убийстве американцев. Этого было вполне достаточно, чтобы проститься с жизнью.

Сидя в отдельном кабинете ресторана, Старуха Франк бокал за бокалом пил виски. «Я совершил ошибку, которую уже ничем не исправишь. Даже если я добровольно явлюсь с повинной и пообещаю своими делами искупить вину, ЦРУ меня не простит, а у французов не хватит сил, чтобы защитить меня». Однако, сколько Старуха Франк ни размышлял, никакого выхода он не видел. Ему даже показалось, что грозные щупальца ЦРУ сжали его горло смертельной хваткой. Он в ужасе схватился за голову, как бы пытаясь вырваться из этих страшных клещей. Только теперь он впервые ощутил нутром, что такое жестокость. Прежде для него это понятие было весьма расплывчатым. Он, правда, уже не раз убеждался в жестокости огромного аппарата, выпестовавшего его, но считал, что для обеспечения победы США это средство необходимо. И вот теперь эта ужасная необходимость своим угрожающим острием была нацелена прямо в него.

И, впервые глубоко осознав ее, он почувствовал, что ему уготована участь свиньи на скотобойне. Его рука скользнула в карман за бесшумным пистолетом. «Вот единственный выход. Пуля в голову — и я навсегда освобожусь от позора поражения, которое нанес мне противник, знающий меня, но неизвестный мне. Выстрел — и наказания со стороны ЦРУ можно будет не опасаться... Итак, жить мне осталось пять минут, — пробормотал себе под нос Старуха Франк. — Надо проститься с этим светом. — Он посмотрел на часы, перевел взгляд на бутылку виски... — Пять минут. Каждую минуту буду выпивать по бокалу, а последний закушу «медной конфетой»... На этом кончится бутылка, кончится и вся моя жизнь!»

Он налил полный бокал и, запрокинув голову, выпил его.

Вторая минута — второй бокал...

Третья минута — еще один бокал...

Четвертая минута... Выпив до дна предпоследний бокал, он откинулся назад и посмотрел на почти пустую бутылку, взял ее и налил последний бокал, полный до краев.

Тишина. «Почему они молчат там, в зале? Я молчу в ожидании смерти, а они — в ожидании музыки, чтобы пуститься в сумасшедший танец», — недовольно подумал он, с тяжелым сердцем следя за маленькой секундной стрелкой, неумолимо скользящей по циферблату часов, как бы считая шаги, приближавшие его к небытию. Еще почти тридцать секунд — тридцать последних ударов сердца. «Сердце мое, тебе не хочется останавливаться!» — с болью подумал он и снова взял пистолет.

И тут до его слуха неожиданно донеслись музыка и женский мелодичный голос. Это пела Белла Лис — ее голос он узнал сразу. И ему вдруг расхотелось умирать. Старуха Франк жадно вслушивался в каждое слово. Прошла пятая минута, а бокал с виски оставался нетронутым.

«Прерывать молодую жизнь под звуки голоса такой прекрасной женщины, как Лис или, например, Ми Лиен... Это было бы величайшей глупостью. На такое способен только умалишенный, — подумал он, пытаясь оправдать свое стремление избежать смерти, которую он сам себе и выбрал. — Основываясь на догадках и наблюдениях, а также на результатах моих собственных поисков, я могу напасть на след вьетконговской разведывательной сети и тем самым с лихвой искупить свою вину перед ЦРУ».

На какую-то минуту ему стало легче, но... тут он вновь впал в отчаяние: ему вдруг представилась иная картина... А что, если тот ужасный грабитель-коротышка передаст ЦРУ записную книжку до того, как он, Франсуа, совершит «подвиг»? Представив это, он похолодел, и мысли его снова вернулись к смерти. Голос певицы уже не доносился из зала. Начались танцы.

В кабинет, где находился Франсуа, неожиданно вошел строгого вида мужчина с портфелем в руке, похожий на журналиста. Он был в темных очках, слишком больших для его худого лица.

— Здравствуйте, господин Хоанг Фыонг. Пусть мое появление не удивляет вас... Скажу без лишних слов: мне известны ваши переживания, и я действительно хочу вас спасти.

— Кто вы такой и что вам нужно?

— Извините, позвольте мне прежде всего спросить, как к вам обращаться. Называть ли мне вас Хоанг Фыонгом или одним из ваших имен — Франсуа, Франсуаза или Старуха Франк? По-видимому, Хоанг Фыонг — будет удобнее всего, ведь вы сейчас просто сын господина сенатора. Я с уважением отношусь к вашим тайнам.

Франсуа не смог скрыть испуга и в удивлении уставился на странного посетителя.

Незнакомец же, будто не замечая его состояния, неторопливо продолжал:

— Господин Хоанг Фыонг, я принес вам радостную весть.

Франсуа в упор посмотрел на гостя. Сердце его бешено колотилось, однако во внешности незнакомца не было ничего такого, что могло бы насторожить его, а главное — не было примет, сходных с приметами тех двух грабителей. С напускным безразличием Франсуа сказал:

— Я не намерен выслушивать вашу «радостную весть».

Посетитель громко рассмеялся:

— Не надо обманывать самого себя, господин Хоанг Фыонг! Я не собираюсь продлевать ваши переживания. Для полной ясности сообщаю: записная книжка вашего несчастного коллеги, которую вы позволили забрать «двум шпионам», находится в руках бойцов сил безопасности Армии освобождения. Таким образом, ЦРУ до сих пор ничего не известно о сведениях агента под кодовым названием 4Н, предупреждавших о намечаемом нападении

вьетконговцев на резиденцию МААГ, которые вы, как известно, скрыли.

Франсуа с деланным спокойствием ответил:

— В этом вашем сообщении для меня нет ничего радостного. Оба бандита живы, а стало быть, в любой момент могут рассказать о том, что им известно. Хуже всего, что этими сведениями воспользуются вьетконговцы. Им ничто не помешает передать эти сведения ЦРУ, если они захотят навредить мне.

— А вы неглупый человек! — Гость вновь рассмеялся. — К счастью для вас, обе тревожащие вас проблемы разрешены. Бандиты, похитившие записную книжку агента 4Н, были схвачены Армией освобождения и находятся под арестом в освобожденном районе. Что же касается Национального фронта освобождения, то он проводит четкую, последовательную политику, и, если вы будете осмотрительны и больше не совершите преступлений, ваши опасения не оправдаются.

— Чем вы можете доказать, что говорите правду?

Незнакомец извлек из кармана записную книжку.

— Узнаете, господин Хоанг Фыонг? Это та самая книжка, не правда ли? Спокойно! Не опускайте руку в карман. Если вы собираетесь застрелить меня, то это бессмысленно... Руки на стол! Я боец Армии освобождения. Если вы не хотите, чтобы ЦРУ спустило с вас шкуру за то, что вы помогли вьетконговцам, скрыв сведения о предстоящем нападении на резиденцию МААГ, о чем кроме вас знают лишь два задержанных нами бандита, то вам необходимо выполнить только одно совсем нетрудное условие. Вы не должны тайно или открыто участвовать в выслеживании, обысках, задержаниях и арестах бойцов Армии освобождения и своих соотечественников-патриотов, выступающих против американцев и их марионеток. Вы хорошо знаете, что такое Армия освобождения. Даже американская печать называет наших бойцов самыми удивительными людьми двадцатого столетия. Мы располагаем достаточными возможностями, чтобы следить за каждым вашим шагом, и, если вы будете благоразумны, проявим снисходительность. В случае же нарушения нашего условия вы понесете наказание.

Старуха Франк страдал. Ему и в голову не приходило, что в руках у незнакомца лишь обложка записной книжки тайного агента 4Н, а сама она находится в секретном архиве канцелярии освобожденного района. Первым стремлением его было расправиться с посетителем,

чтобы завладеть книжкой, но он взял себя в руки и решил не допускать безрассудных действий. Ведь обладание записной книжкой не сулило ему более никакой выгоды, сведения, записанные в ней, перестали быть его монополией. Но теперь не в его интересах было, чтобы эта книжка из рук незнакомца или его друзей попала в ЦРУ, тогда бы американцы узнали, что он утаил секретные сведения о подготовке вьетконговцами плана нападения на резиденцию МААГ.

— Думаю, у вас нет оснований для возражений, — продолжал гость. — Больше мне нечего вам сказать. Согласитесь, это действительно радостная для вас весть. Можете теперь допить ваш бокал...

Франсуа поднял налитый до краев бокал. «Мог ли я предположить, — подумал он, — что последний бокал в последнюю минуту жизни станет для меня началом возвращения к жизни?»

Посетитель вышел из дансинга столь же незаметно, как и пришел. Это был ТК-1. В машине его с нетерпением ждал шофер.

В доме номер 6 по улице Н. под ярко сиявшими неоновыми лампами сидели три женщины и слушали радио. Кроме Ми Лиен и ее матери здесь присутствовала девушка в длинном национальном платье небесно-голубого цвета. Это была Бархатная Роза. Мать и дочь с замиранием сердца слушали рассказ девушки о напряженных минутах, которые ей пришлось пережить.

— Не успела я добежать до условленного места, как мина взорвалась... — закончила девушка.

Ми Лиен включила радио погромче. Низкий голос американского диктора читал сообщение ЮПИ: «Вьетконговские террористы взорвали в густонаселенном районе города мину. Погибли и получили ранения много женщин и детей». Х-5, сидевшая рядом с хозяйкой дома, громко рассмеялась:

— Под женщинами и детьми, наверное, подразумеваются пять десятков американцев, и в их числе генерал-майор, пославший Ми Лиен букет цветов ко дню рождения, и больше десятка полковников... Вам, матушка, следовало бы нас чем-нибудь угостить!

Женщина улыбнулась:

— Сейчас принесу фруктовый сок.

— Вот это праздник! Теперь и Ми Лиен может со спокойным сердцем сыграть нам вальс Иоганна Штрауса.

Никогда еще Ми Лиен не играла с таким подъемом.

Звучала божественная мелодия вальса, и, казалось, в ней слышался плеск дунайских волн, колеблющихся в едином ритме с биением ее сердца. Девушка в голубом платье, повернув голову, смотрела в окно на стоявший за кирпичным забором дом номер 4. Окна в доме были плотно закрыты. Темные тени на них были похожи на траурные полотнища. Неожиданно для себя Х-5 вспомнила слова ТК-1: «Нет, никогда ему не добраться до тебя». ТК-1 был прав — агент противника со всеми своими замыслами и в компании бывших хозяев оказался в могиле...

По улице Н., ярко освещенной электрическими фонарями, медленно ехала машина. ТК-1 снизил скорость и посмотрел на дом номер 6, из которого доносилась музыка. Он встретился глазами с девушкой в голубом платье, которая, стоя у окна, смотрела вниз. Похоже, она узнала его и повернулась к свету так, чтобы он мог лучше разглядеть ее. ТК-1 увидел знакомый взгляд темных глаз и сказал себе, что не забудет этот взгляд до конца жизни.

— Все идет хорошо, Хонг Нюн, — шепотом проговорил юноша и улыбнулся.

САМОЛЕТ ВЗЛЕТАЕТ С ГАВАЙСКИХ ОСТРОВОВ

Шел уже третий час ночи. Зона Кути была погружена в темноту. Волны реки Сайгон с плеском разбивались об илистую отмель. Ветер с шумом проносился над посадками теваи и садами, где на ветках красовались плоды дурьяна и хлебного дерева. Время от времени с военной базы противника доносились оглушительные залпы орудий, от которых содрогалась земля.

Рабочий кабинет командующего партизанским районом был ярко освещен светом лампы. Сам командующий — мужчина высокого роста, с густой темно шевелюрой — быстро ходил взад-вперед по комнате. Остановившись перед висящей на стене картой, он в раздумье посмотрел на точку в районе Гавайских островов¹, подчеркнутую синим карандашом.

— Гонолулу, — негромко произнес командующий. — Почему же до сих пор нет сообщений от Востока?

Командующий разговаривал сам с собой. Он думал об удивительном человеке, способном помочь ему в выясне-

¹ Архипелаг в Тихом океане. С 1898 года находится под управлением США, Столица — Гонолулу, — *Прим. пер.*

нии одного вопроса, информацию по которому надо было направить в Центр. В этот момент этот человек мог находиться в одном из роскошных отелей Гонолулу или на какой-нибудь из баз острова Оаху. Такому глупцу, как Нгуен Као Ки¹, и его хозяевам и в голову не могло прийти, что на этих райских островах мог появиться подпольщик.

Центр дал ему задание выяснить замыслы противника. Президент-марионетка Нго Динь Зьем не устраивал своих американских хозяев. Что же готовили Кеннеди и ЦРУ? Их эксперимент с «особой войной» в Южном Вьетнаме мог со дня на день закончиться полным провалом. Американцы надеялись опастить положение с помощью жестокого террора и военной силы или замены «особой войны» другой формой военных действий при непосредственном и массированном участии вооруженных сил США. Группы МААГ, в состав которых входили наиболее реакционные деятели Пентагона и ЦРУ, появлялись в Сайгоне, как фигуры на экране в театре теней. Они изучали возможности обоих вариантов.

Специальная оперативная группа ТК-1 — Х-5 под командованием Фи Вана постоянно вела наблюдение за главными действующими лицами этого спектакля. Обычно раз в три — шесть месяцев из Гонолулу в Сайгон прибывала на специальном самолете очередная инспекционная группа МААГ. Каждый раз президент республики устраивал в честь такой группы торжественный прием и направлял с ней подарки в Вашингтон. Неизвестно, что американцы привозили с собой и что увозили, но багаж их тщательнейшим образом охранялся.

На этот раз было решено оказать самый достойный прием инспекционной группе МААГ. Однако время шло, а сведений о группе не поступало. Не было сообщений и от Востока. Группа ТК-1 — Х-5 оставалась в неведении относительно даты прибытия американцев в Сайгон...

Услышав шум снаружи, командующий резко обернулся, распахнул неплотно прикрытую дверь. В кабинет вошли Фи Ван и запыхавшаяся радистка.

— Товарищ командующий!..

Не дожидаясь доклада радистки, командующий взял из ее рук расшифрованный текст радиограммы и прочитал, поднеся к лампе:

¹ Вице-президент сайгонского режима, ярый приверженец фашизма. — *Прим. пер.*

«Благополучно прибыл на юг. Через неделю «гавайская птичка» полетит в Сайгон и спустя некоторое время вернется в Гонолулу. «Тропическая молния» сверкнула, но затем скрылась в неизвестном направлении. Обратите внимание на высокого мужчину в светлых очках с родинкой на правой руке.

Восток».

Усталые глаза командующего осветились радостью, отчего его суровое лицо помолодело и смягчилось. Вот он, удобный случай для выполнения спецгруппой принятого решения. Условия складывались самые благоприятные.

— Спасибо тебе за добрую весть, — ласково сказал командующий, положив руку на плечо радистки. — Иди отдыхать. Завтра напиши письмо отцу, он с нетерпением ожидает его.

Фи Ван проводил радистку, плотно прикрыл дверь, чтобы свет не пробивался наружу, и выжидательно поднял глаза на командующего.

— Ну, что скажешь? — Командующий засмеялся. — Не упустите случай оказать достойный прием непрошеным гостям? Подготовьте «зернышек» для «птички», от этого наши склады не опустеют. Двухсот граммов хватит. Где-то она «запоет» — в небе над аэродромом Таншон-нят, над океаном по пути в Гонолулу или над живописными Гавайскими островами?

— «Зернышки» для «птички» давно готовы, а уж где ей «петь», решать вам, товарищ командующий.

— Хорошо. Где она «запоет» — не столь важно. Вопрос в том, чтобы «накормить» ее досыта и заставить «петь» в нужное нам время. Но... есть и другое важное дело — надо выяснить цель поездки наших гостей. Необходимо уделить внимание американцу с особыми приметами, о которых сообщил в телеграмме Восток. Здесь может найтись ниточка к вопросу, который нас интересует.

В то время АКО-2 еще не имел этого кодового наименования. Не знал он и настоящего имени девушки и обращался к ней так, как она назвала себя: Нгуен Шао Май. Кто дал ей имя самой яркой звезды¹ на небе? Неожки-

¹ Шао Май в переводе с вьетнамского означает Утренняя звезда — Венера. — *Прим. пер.*

данно АКО-2 вспомнил повесть Альфонса Доде «Звезды», которая глубоко потрясла его романтическую, тянувшуюся к познанию душу, когда он был студентом французского лицея. «Самая красивая и яркая звезда покинула величественный путь следования звезд и опустилась на плечо пастуха, погрузившись в глубокий сон». Шао Май тоже казалась ему редкостной сверкающей звездой, но она не покидала величественного звездного пути, и больше того, именно эта девушка направила и его на этот славный путь истины. Здесь велась война без линии фронта, без рубежа, разделяющего друзей и врагов, война не на жизнь, а на смерть; здесь шла борьба умов, борьба исполненных взаимной ненависти противников. И завершиться она могла только сияющим светом зари, которая рассеет ночную тьму, вернет небу его голубизну.

Люди, достигшие сорокалетнего возраста, часто возвращаются мыслями к временам своей молодости. Так было и с АКО-2. Он был благодарен Нгуен Шао Май за то, что она вернула его к той прекрасной жизни, которой ему привелось прожить всего три года. В свое время он участвовал в войне сопротивления против французских колонизаторов. С горячностью и энтузиазмом он, двадцатилетний юноша, влился в мощный поток революционной борьбы. Но через три года в его жизни произошел неожиданный поворот: оказавшись однажды в окружении, он потерял связь со своими боевыми товарищами и, когда вернулся в город, вновь стал жить позорной, рабской жизнью. «Из своих тридцати восьми лет тридцать пять я влачил жалкое существование под пятой французов и американцев. Только три года я жил по-человечески», — проговорил АКО-2 про себя, глубоко сожалея о том, что слишком коротким был тот светлый отрезок жизненного пути, который приносил радость, хотя ему и приходилось преодолевать множество трудностей. Перед глазами проходили картины его жизни в домике на сваях, когда партизаны делились друг с другом последней картофелиной. Он вспоминал радостные песни бойцов, возвращающихся после разгрома вражеского поста, легкую походку девушки-связной, приходившей из оккупированных противником районов, ее блестящие глаза, без страха глядевшие в лицо врага...

Вернувшись в город, АКО-2 стал работать на аэродроме Таншоннят. Американцы сменили французов. Нго Динь Зьем набирал солдат в армию, и АКО-2 попал под всеобщую мобилизацию. Он хорошо знал английский язык

и потому был произведен в офицеры и назначен в группу по приемке военных грузов, поступающих на аэродром.

Материально он был вполне обеспечен: уютная вилла, благоухающая ароматом растущих на газоне цветов, мотоцикл «хонда», телевизор, холодильник. Молодая жена, сынишка-крепыш... Ему казалось, что он доволен своей судьбой, а может, он просто сумел убедить себя в этом?

Сердце АКО-2 обливалось кровью, когда он видел, что Сайгон, его родной город, родина его предков, как буйвол в руках американского погонщика, вынужден тащить плуг в борозде нового хозяина. Город отравляли — яд быстро проникал в его организм. Город оглушали — слышались бешеный рев реактивных двигателей, грохот кованых ботинок, ночной стук в двери, нечеловеческие крики арестованных и подвергаемых пыткам людей. А однажды по улицам города провезли гильотину...

Но коса смерти не коснулась его благоухающего цветами дома. Она обошла этот дом, как и дома других чиновников, и обрушилась на низенькие хижины бедняков в переулке. Кампания «выявления коммунистов» проводилась напористо, беззастенчиво. Головы людей, «не проявлявших национального духа», не доносивших на коммунистов, ждал отливающий синевой стальной нож гильотины.

Сначала нож взметнулся над головой Ты Данга — пятидесятилетнего рабочего с верфи Батшон, которого уважали все жители переулка. Не было здесь дома, куда бы Ты Данга не приглашали, чтобы он помог хозяевам что-либо починить. Но никто не знал в точности, откуда у соседа такое имя¹. В беседе с близкими друзьями он сказал однажды, что это имя ему дано не родителями, но оно тесно связано с его жизнью и благодаря этому имени он будет чувствовать себя увереннее даже на краю могилы... Ты Данг вынес все пытки, не проронил ни слова. А когда настала минута казни, Ты Данг простился с соседями, нашел глазами в многолюдной толпе свою жену — она стояла, поддерживаемая друзьями. Руки его были скованы наручниками, и он не мог даже махнуть в последний раз жене, с которой прожил треть жизни. Глазами и головой он сделал ей знак, как бы говоря: «Держись, наберись мужества. Наш род на мне не пре-

¹ Данг на вьетнамском языке означает партия. — *Прим. пер.*

рвется. Настанет день, и наш сын, уехавший на север, вернется!»

Пожилая женщина поняла, что хотел сказать муж, и отвела глаза. Нож гильотины со стуком опустился на шею Ты Данга.

Много ночей образ стоящего с гордо поднятой головой Ты Данга, в седой бороде которого запеклась кровь, преследовал офицера грушпы по приемке военных грузов. В чем состояло преступление старого рабочего? В любви к родине, в нежелании стать на колени перед иностранцами, в отказе выдать участников войны сопротивления? Но разве это было преступлением?

Вскоре после казни старого рабочего жена офицера, Тхань, работавшая в средней школе учительницей истории, сказала мужу, что хочет бросить преподавание, заняться домашними делами и вести кружок вышивания. Когда он спросил, чем обусловлено это желание, не вызвано ли оно потрясением в связи со смертью Ты Данга, она ответила:

— Я не могу учить предмету, в котором ничего не осталось от истории и все противоречит историческим фактам. Меня заставляют говорить, что Зя Лонг¹ — великая историческая личность, герой, спаситель нации. Что же касается гибели Ты Данга под ножом гильотины, то мне предписывают объяснять ученикам, что американцы таким образом помогают нашему правительству, чтобы наши соотечественники жили свободной и счастливой жизнью... Это издевательство над историей.

«Да, они извращают историю, издеваются над ней», — повторил про себя АКО-2.

Через два с лишним года после того, как был казнен Ты Данг, полиция арестовала еще одного жителя перелука. На этот раз настал черед Тама — бывшего рабочего тоже с верфи Башон, который был лет на пять моложе Ты Данга. Он был вдовцом и жил с дочерью, служившей в гражданской части аэродрома Таншоннят. Соседи говорили, что хотя Там толст и неуклюж, дочь его — редкостная красавица. Девушку звали Хоа, но жители перелука называли ее Киеу Хоа, прибавляя к ее имени имя героини известной поэмы. Те, кто когда-то назвал ее так,

¹ Вьетнамский император (1802—1819), пришедший к власти путем подавления с помощью иностранных наемников народного восстания. — *Прим. пер.*

не могли предположить, что эту девушку ожидает судьба, подобная судьбе литературной героини¹.

Киеу Хоа действительно была красавицей, очень пропорционально сложенная, с безупречным овалом лица, мягкими волнистыми волосами, черными глазами, пунцовыми губами, прямым носом и двумя рядами белоснежных зубов... Ее внешность всегда производила сильное впечатление на мужчин, в частности на американских советников. Американские генералы, французские священнослужители, английские специалисты по стратегическим исследованиям, южнокорейские политические деятели, офицеры сайгонской армии при встрече с ней неизменно с восхищением прищелкивали языком и в частных разговорах не скрывали своего желания познакомиться с ней поближе.

Там и его дочь снимали небольшую квартирку в переулке. В последние годы отец лишился работы на верфи, и оба жили за счет заработка девушки.

Соседи одобрительно отзывались о Киеу Хоа. Она умела вести себя, была скромна, одевалась просто, и традиционное национальное платье лишь подчеркивало ее свежесть и красоту. Самым близким человеком для Киеу Хоа после отца была учительница Тхань, жена АКО-2. Девушка собиралась в скором времени выйти замуж и поделилась с учительницей своей радостью. Жених ее был занят на преподавательской работе в Банметхуоте, а она не могла оставить отца одного, и это отдаляло день их свадьбы...

По дороге на работу Киеу Хоа обычно встречала Као Суана. Из переулка, где она жила, в город вел лишь один путь, и было похоже, что этот парень дожидался, пока она пройдет, где-то в подворотне. Као Суан был известным, по крайней мере в своем переулке, хулиганом. Был он еще совсем молод, но, подражая Нгуен Као Ки, носил на смуглом лице редкие усики. Он всегда был одет в кричаще пеструю рубашку и держал в зубах огромную трубку.

В тот день, издавек заметив его, Киеу Хоа прижалась на своем велосипеде ближе к обочине, но «хонда» Као Суана тем не менее пророскочила от нее буквально в

¹ Героиня поэмы «Стенания истерзанной души» выдающегося вьетнамского поэта Нгуен Зу (1765—1820), девушка редкой красоты и несчастной судьбы, во имя спасения отца, которому за долги грозит тюрьма, продала себя в публичный дом. — *Прим. пер.*

нескольких сантиметрах. Проехав, парень нахально захохотал.

— Сумасшедший! — сердито бросила Киеу Хоа ему вслед.

— Ах, сумасшедший? — Као Суан развернул свой мотоцикл.

Девушка испуганно молчала, оглядываясь по сторонам. Парень подъехал вплотную и с угрожающим видом поднял руку, будто собираясь схватить ее. Но затем, заметив, что она побледнела и дрожит, он молча освободил дорогу и пропустил девушку. Киеу Хоа облегченно вздохнула. Она очень боялась, что он ударит ее.

В другой раз Као Суан пришел к Киеу Хоа в дом. Отец девушки в это время куда-то отлучился. Као Суан нахально пододвинул к себе стул, уселся и заговорил, пересыпая свою речь французскими словами:

— Я зашел к тебе на минуту, чтобы полюбоваться тобой, как любят цветы. Кое-кто из ребят хотел бы подшутить над тобой, но я им велел и носа сюда не показывать. В этом переулке я хозяин.

Не дожидаясь приглашения, Као Суан налил себе стакан фруктовой воды из стоявшей на столе бутылки, выпил его, запрокинув голову. Молча посидев несколько минут, он встал:

— Завтра после обеда я к вам еще зайду. Передай привет отцу.

Когда Киеу Хоа увидела, как его пестрая рубашка скрылась за забором, она облегченно вздохнула.

«Какой-то он странный, — подумала девушка. — В день казни Ты Данга он стоял возле самой гильотины и не отрываясь следил за ножом, который падал на шею старого рабочего. А потом он не отходил от вдовы казненного и даже про свою трубку забыл».

Киеу Хоа не решилась рассказать отцу о Као Суане — не хотелось беспокоить старика. Зная любовь отца к садовым цветам, она однажды где-то достала для него горшок с гортензией. Старый Там был доволен, день за днем ухаживал за цветком и очень обрадовался, когда на нем появились бутоны.

Киеу Хоа пригласила учительницу Тхань с мужем и сынишкой Хангом посмотреть, как расцветет гортензия. Она подала гостям чай... Луна поднялась уже высоко, но бутоны все не раскрывались. Ханг, так и не дождавшись, сладко уснул на руках Киеу Хоа.

Учительница, ее муж, старый Там и Киеу Хоа сидели вокруг цветка и ждали, когда он раскроется. И вдруг бутоны вздрогнули и шевельнулись. Нежные лепестки, как пальцы, медленно разошлись в стороны, и перед взволнованными зрителями возник изумительной красоты цветок, раскрывшийся под светом луны. Нет ничего прекраснее этих белоснежных лепестков! Что может сравниться с их чистотой?

— Какая красота! — воскликнула Киеу Хоа и тихо сказала учительнице Тхань: — Жаль, что жизнь их столь коротка. Я очень люблю гортензию, но никому не желала бы ее судьбы...

Когда старого Тама арестовали, некому стало ухаживать за гортензией, да никому и дела не было до того, цвел ли цветок или увял. Киеу Хоа, обеспокоенная судьбой отца, забыла про гортензию. Учительница Тхань утешала ее, но на душе девушки от этого не становилось легче. Киеу Хоа казалось, будто она видит, как отца ведут на казнь... как голова его отделяется от шеи... Девушка кричала во сне от мучивших ее кошмаров. Киеу Хоа была готова ухватиться за любую спасительную соломинку и решила, что воспользуется любой представившейся возможностью, даже если дело будет весьма сомнительным. И вот некоторое время спустя неожиданно забрезжил луч надежды. У состоятельного владельца дома, жившего в их переулке, якобы были родственники в администрации, и он из «человеколюбия» намекнул, что может добиться освобождения Тама за двести тысяч пиастров. Окрыленная, Киеу Хоа распродала почти все вещи, заняла денег у Тхань и других соседей, но набрала немногим больше семидесяти тысяч. Где же взять недостающую сумму?

Однажды рано утром, придя на работу, Киеу Хоа увидела у себя на столе конверт. В нем была записка: «Вы получите сто пятьдесят тысяч пиастров, если согласитесь сегодня вечером прийти в дом советника Смита.

Майор Тхи».

Киеу Хоа покраснела, ее бросило в жар. Она разорвала записку на мелкие части. Из глаз девушки хлынули слезы, и носовой платок насквозь промок, прежде чем она смогла унять их. Через какое-то время мимо девушки прошел советник Смит, сотрудник компании «Сивил эй-визйшн», входивший в состав группы МААГ. Он кивнул ей в знак приветствия, как будто ничего не произошло.

Минуту спустя в помещение вошел майор Тхи. Над-

менно откинув голову, он уставился на Киеу Хоа широко открытыми бесцветными глазами:

— Ну так как?.. Неужели вы отвергаете такое выгодное предложение? Старика могут спасти деньги, деньги, еще раз деньги, и ничто больше. Поймите, я выступаю как посредник лишь из жалости к вам и вашему отцу. Господин Смит заплатит вам сто пятьдесят тысяч пиастров. Господи! Такая неожиданная возможность получить крупную сумму! Чего здесь раздумывать? Ведь, кроме господина советника и меня, об этой истории никто не узнает!

— Не надо! Оставьте меня! — воскликнула Киеу Хоа и, уронив голову на стол, зарыдала.

Через два дня она увидела на своем столе новый конверт.

В письме говорилось: «Господин советник увеличит вознаграждение до ста шестидесяти тысяч пиастров, если вы согласитесь прийти к нему сегодня вечером. Решайте сразу, иначе можно не успеть. В соответствии с законом 10-59¹ вашего отца через два-три дня постигнет та же участь, что и старика Ты Данга. Судебного разбирательства не будет».

— Та же участь, что и Ты Данга! Господи, иного пути нет! Я ведь умру, если его казнят. Кто же может спасти отца? — Киеу Хоа сникла и смяла письмо в комок.

Затем, как удар грома, последовало сообщение от домовладельца: если он не получит немедленно всей суммы, то ее отца уже ничто не спасет от смерти. Его перевели в камеру, где содержатся вьетконговцы, которых ждет смертная казнь.

Несчастливая девушка проплакала всю ночь. Она совсем пала духом и так и не смогла уснуть. Перед глазами у нее снова и снова вставала картина казни Ты Данга. То же самое ждало в ближайшее время самого близкого ей человека — ее отца.

— Нет, ни за что! Я не дам отца в обиду и любой ценой защищу. Если бы я могла умереть вместо него!

Утром следующего дня на ее столе лежал еще один конверт с письмом: «Господин Смит заплатит вам сто семьдесят тысяч пиастров, если вы придете сегодня вечером. Это последняя цена.

Майор Тхи».

¹ Закон 10-59 предоставлял право специальным военным трибуналам казнить на месте задержанных, подозреваемых в связях с коммунистами. — *Прим. пер.*

На этот раз Киеу Хоа положила письмо в сумочку. Она не думала о том, насколько велика эта сумма. Девушка знала лишь, что она достаточна для спасения отца от смерти.

Вечером, сидя перед зеркалом и приводя себя в порядок, Киеу Хоа не могла сдержатъ слез. Ее черные глаза с длинными ресницами, казалось, стали еще глубже. Девушка поднялась со стула, накинула на плечи пестрый платок, затем бросила его на спинку кровати, снова села. В этот момент она вдруг забыла об отце. С болью в душе она подумала о своем женихе и вспомнила строчку из стихов Нгуен Зу: «Любимому отдай свою непорочность...»

Пробило восемь часов. Киеу Хоа испуганно сорвалась с места, выбежала на улицу, подозвала рикшу и поехала в гостиницу к Смицу...

Домой она вернулась на машине советника в третьем часу ночи. В доме учительницы Тхань были погашены все огни. Из сада возле дома Као Суана раздавалось неугомонное пение какой-то ночной птицы. Неоновые лампы возле самого высокого в переулке дома чиновника, имевшего тесные связи с высокопоставленными лицами в администрации, освещали цветочные клумбы, искрящиеся капельками росы. В девять часов утра Киеу Хоа придет в этот дом, чтобы вручить его хозяину деньги за освобождение отца. «Отца освободят, он вернется домой, но никогда не узнает, что я сделала для его спасения», — подумала Киеу Хоа, входя в свой маленький домик. Физически она чувствовала себя разбитой, но, как ни странно, на душе у нее не было тяжести — ее радовала предстоящая встреча с отцом. Неожиданно вспомнив о гортензии, Киеу Хоа выбежала во двор. Она очень огорчилась, увидев, что листья растения пожелтели, земля в цветочном горшке стала сухой и твердой. Испытывая угрызения совести, Киеу Хоа полила цветок свежей водой, вернулась в дом. Запылившаяся, холодная комната уже не показалась ей неудобной, как раньше. Отец скоро вернется! Эта мысль согрела девушку. Киеу Хоа прилегла на постель и впервые после многих бессонных ночей заснула крепким и спокойным сном.

Рассвело. Киеу Хоа вздрогнула и проснулась, с испугом взглянула на часы — ей показалось, что она проспала, но было немногим более семи часов утра. Она почувствовала, что проголодалась. Последнее время девушка питалась нерегулярно, иной раз ограничиваясь кусочком-

другим хлеба. Поев, она пошла навестить учительницу Тхань.

— Что с тобой, ты так похудела, на тебе лица нет! — всплеснула руками Тхань.

— Зато я достала сумму, нужную для освобождения отца. — Киеу Хоа опустила голову, боясь встретиться взглядом с учительницей.

Тхань все сразу поняла: природа, по-видимому, наделила женщину особым даром предчувствия, остро проявляющимся в трудной ситуации. Учительница молча взяла девушку за плечи и притянула к себе. Слезы потекли по ее щекам. Киеу Хоа уткнулась лицом в плечо Тхань и зарыдала:

— Я не могла допустить казни отца и продала себя Смит! Господи, какой позор, какая мерзость! Вы, наверное, меня презираете? Но даже если это так, я не могу вас осуждать.

— Что ты, Хоа, у меня просто сердце разрывается от боли за тебя. — Учительница прижала ее голову к своей груди. Душу ее наполнила печаль и нежность, будто Киеу Хоа была ее дочерью. В маленькой комнате, куда не проникал шум с улицы, слышалось лишь тиканье настенных часов, которые как бы считали падающие слезинки обеих женщин.

— Неужели вы действительно не презираете меня? — Киеу Хоа полными слез глазами посмотрела на учительницу, и на ее губах появилось подобие улыбки. — Ох, Тхань, наверное, будь моя мама жива, даже она не смогла бы меня утешить лучше, чем вы.

Без четверти девять Киеу Хоа собралась отнести деньги в особняк господина домовладельца. Покончив с этим делом, она намеревалась купить отцу новый выходной костюм, а потом попросить у Тхань саженцы цветов, чтобы посадить их на газоне перед окном.

Неожиданно возле ее дома остановилась машина. Из нее вышел Смит и направился прямо к дому. За ним следовал его денщик, негр по имени Дэвис.

Едва Киеу Хоа увидела Смита, кровь бросилась ей в лицо. Она вспомнила о событиях минувшей ночи, и ужасное предчувствие сжало ее горло. Она распахнула окно и резко спросила:

— Что вам еще от меня нужно?

Смит вошел в дом, ухмыльнувшись, окинул Киеу Хоа с

головы до ног взглядом и, не считая нужным соблюдать хотя бы внешние приличия, которых он придерживался на работе, цинично сказал:

— Мы, американцы, люди деловые. Я приехал, чтобы вручить вам дополнительно тридцать тысяч пиастров.

— Мне ваши деньги не нужны...

— Подождите, — прервал ее американец. — Я сделаю все, чтобы вы, прекрасная Киеу Хоа, были довольны мной. Если вы не примете эти тридцать тысяч, то у вас не хватит денег, чтобы заплатить мне за особый товар, который я для вас приготовил и оцениваю в двести тысяч.

— О чем вы говорите? Я вас не понимаю.

— Ах, извините. Я не очень четко объяснил вам суть дела. — Смит постучал себя пальцем по лоснящемуся лбу. — Действительно, зачем вам еще тридцать тысяч? Просто мы, американцы, любим точность в денежных расчетах, уважаем право собственности, поэтому я и хотел расплатиться с вами. Так что сейчас вы вернете мне вчерашние сто семьдесят тысяч, и мы будем в расчете за особый товар, который стоит двести тысяч пиастров.

— Но я ничего не собираюсь покупать...

— Я уверен, этот товар вы купите... Вот, посмотрите. — И Смит протянул ей пачку фотографий.

Киеу Хоа взглянула на верхний снимок и вздрогнула. Ноги ее подогнулись, и она без сил опустилась на стул.

— Господи, какой негодяй!

Все, что накануне ночью произошло между нею и Смитом, было сфотографировано скрытой камерой.

Американский советник, скрестив руки на груди, не отрываясь, глядел на свою жертву.

— Если вы не купите это, то есть, говоря иными словами, не вернете мне деньги, то... — Смит достал из кармана небольшой рулон пленки, — я буду вынужден послать этот сувенир вашему жениху и показать самый удачный снимок старому вьетконговцу.

Киеу Хоа вскрикнула и уронила голову на руки.

— Эти деньги мне нужны немедленно. Вы меня слышите? Завтра ранним утром я возвращаюсь в Штаты, — равнодушно продолжал Смит.

Киеу Хоа вскочила со стула, с презрением взглянула прямо в глаза американцу. Тот неожиданно опустил глаза, избегая ее острого как нож взгляда, достал сигарету, закурил и сказал, пытаясь казаться невозмутимым:

— Сейчас я продавец, а вы — покупатель. Снимки и негатив переходят в вашу собственность. Я же вновь становлюсь владельцем суммы, которую вчера отдал вам. Сто семьдесят тысяч передано вам, столько же и ни пиаstra больше вы должны вернуть мне. Так что обмен совершенно эквивалентен.

— Циничный негодяй! — воскликнула Киеу Хоа. Она взяла сумочку, достала из нее пачку банкнотов и швырнула в лицо Смиту.

Смит с непроницаемым лицом неторопливо пересчитал деньги, вновь смерил взглядом несчастную девушку и довольно осклабился:

— Спасибо за сговорчивость. Мы совершили выгодную сделку. Ни вы, ни я не остались в убытке. Хотя... — Американец снова ухмыльнулся, пожал плечами, взглянул в наполнившиеся слезами глаза Киеу Хоа. — Хотя это еще не все, красавица. Вы рассчитались пока только со мной, а вам необходимо расплатиться еще по двум счетам. Во-первых, оплатить услуги и дать вознаграждение денщику-негру. Он хорошо знает, что было между нами, но будет молчать об этом. Не правда ли, Дэвис, ты будешь нем? — Офицер обернулся к сидевшему с опущенной головой в углу комнаты денщику, который с самого начала не произнес ни слова. Услышав неожиданный вопрос, негр вскочил и щелкнул каблуками, глядя прямо перед собой равнодушными глазами.

У Киеу Хоа затряслись руки и ноги. Она опустилась на кровать, стоявшую у окна. Ее лицо, до сих пор розовое, как спелый персик, вдруг сделалось восково-белым. Она не могла издать ни звука, ответить на слова американца ни согласием, ни проклятием, ни мольбой. Девушка была похожа сейчас на испуганного ребенка, увидевшего кошмарный сон: дикий зверь вот-вот бросится на него, а он не в состоянии произнести ни звука.

Смит вновь уселся на стул, закинул ногу на ногу и процедил низким голосом:

— Я предоставляю Дэвису право самому договориться с вами о вознаграждении за его услуги. Остается второй долг — перед майором Тхи. У вас на руках имеются наличные деньги, предназначенные для освобождения вашего отца. Возьмите из них небольшую сумму — всего десять тысяч — и отдайте майору Тхи. Тем самым вы заткнете ему глотку, как собаке, которой перед прогулкой надевают намордник. Скажу по правде, ваш отец — опасный вьетконговец, и никакого пути спасения его от гиль-

стины или «тигровой клетки» не существует. После того как вы расплатитесь с майором Тхи и Дэвисом, которого наши благородные союзнические обязательства еще задерживают в этой тропической стране, вы будете совершенно свободны. Итак, запомните, я беру на себя всю заботу о вас и заявляю вам это искренне, как говорится, с открытым сердцем. Вы молчите? Молчание прекрасной женщины — дело воистину святое. Я обязан уважать это святое молчание и посему прощаюсь с вами. До свидания!

Смит положил деньги во внутренний карман пиджака и бросил на Киеу Хоа ленивый взгляд насытившегося волка. Что касается денщика Дэвиса, то он в течение всего разговора сидел неподвижно, и только глаза его перебегали со Смита на девушку и обратно. Получив от хозяина приказ возвращаться, Дэвис беспрекословно поднялся со стула и безмолвно последовал за офицером.

От рева мотора машины Смита Киеу Хоа вздрогнула, будто пробудившись ото сна. Однако, не найдя в себе сил выдержать бремя испытаний, обрушившихся на нее, она рухнула на пол, смяв в руке рулон с пленкой. Ключки разорванных фотографий сквозняком носило по комнате.

Больше месяца Киеу Хоа не видели ни дома, ни на работе.

Затем однажды она появилась так же неожиданно, как и исчезла. Первым делом она нашла учительницу Тхань, бросилась к ней, как к матери, на грудь и долго плакала. Слезы бедняжки, казалось, текли из переполнившегося неиссякаемого источника. Она уже не была похожа на юную и свежую Киеу Хоа прежних дней. Страдания затуманили яркий блеск ее глаз, убили в ней жажду жизни и стремление к счастью. Исчезла и непринужденная улыбка с ее поблекших губ. Лицо девушки стало печальным. После той последней встречи со Смитом Киеу Хоа решила, что у нее остался единственный выход — самой поехать к жениху и рассказать ему все. Она надеялась, что ее горячая любовь вызовет в нем благородное чувство жалости: он поймет ее, несчастье возлюбленной станет его несчастьем, он возненавидит ее обидчиков, простит Хоа и вместе с ней попытается спасти отца...

Домой Киеу Хоа вернулась переполненная отчаянием. Она и не предполагала, что ее ждет такое испытание. Жених девушки, учитель, был мобилизован в армию, затем

по протекции некоего генерала закончил училище психологической войны и получил звание «лейтенант». Жизнь наемного солдата, милитаристское окружение, толстые уставы и наставления сухопутных войск США, стремление к славе отравили его, исковеркали душу и изменили даже внешность. Разрыв с ним оказался неизбежным. И с этого момента Киеу Хоа все чаще стала думать о смерти. Она с готовностью приняла возводимую церковью в культ догму: «Не бойся смерти. Смерть — это окончательное избавление от страданий».

Киеу Хоа не вышла на работу и через два дня после возвращения. Ворота ее дома оставались закрытыми. Позже учительница Тхань корила себя за то, что в течение этих двух дней не навестила соседку. Учительница мучилась сознанием того, что не предотвратила несчастья, хотя могла сделать это, и даже считала себя виновницей того, что случилось.

Неожиданно учительница Тхань получила по почте письмо, адрес на котором, к ее удивлению, был написан рукой Киеу Хоа. «Живем в двух шагах друг от друга, зачем было писать письмо?» — подумала Тхань, похолодев от недоброго предчувствия. Она распечатала письмо, но не смогла дочитать его до конца. Она не сдержала слез. Ведь она думала, что Киеу Хоа уехала из дому, чтобы добиться освобождения отца! Тхань в ужасе позвала мужа, соседей, и они все вместе бросились к дому Киеу Хоа.

Дверь дома и входные ворота были плотно прикрыты и закрыты на замок изнутри. Во дворе стояла тишина. Плетя вьюнка, дотянувшиеся до крыши соседнего дома, роняли на тропинку лиловые лепестки и скрученные в трубочку желтые листья, которые образовали горку возле покрытой зеленым мхом стены. Здесь же был и горшок с гортензией. Листья растения увяли и покрылись темными пятнами, земля потрескалась от сухости.

Когда взломали входную дверь и вошли в комнату, сразу увидели Киеу Хоа. Девушка лежала, будто забывшись спокойным сном, под опущенным на кровать москитником из прозрачного тюля. Ее миловидное лицо, покрытое тонким слоем розовой пудры, было прекрасно. Брови и длинные ресницы казались нарисованными. Легкий сквозняк, проникший через открытую дверь, колыбал москитник и шевелил волосы Киеу Хоа. Их шелковистые пряди разметались по белоснежной вышитой подушке. Учительница обняла Киеу Хоа, но сердце Тхань уже не могло согреть подругу — тело девушки было хо-

лодным как лед. Возле уголков глаз Киеу Хоа виднелись следы высохших слез. Она плакала, когда появилась на свет и лежала на ласковых руках принимавшей новорожденную женщины, плакала она и тогда, когда покидала этот холодный, безжалостный, жестокий мир.

Весть о том, что Киеу Хоа отравилась снотворным из-за ареста отца, быстро распространилась в переулке и на гражданском аэродроме, где она прежде работала. В последний путь бедняжку провожала довольно многочисленная процессия друзей и знакомых. Кого же еще из жителей переулка постигнет участь Ты Данга и Киеу Хоа? За катафалком, усыпанным белыми цветами, шел и Као Суан. Он шел молча, одетый, как и всегда, в пеструю рубашку, но без трубки в зубах. Когда гроб опустили в могилу, окружающие увидели, как он подошел к ее краю и одним из первых бросил на гроб горсть земли.

Смерть Киеу Хоа потрясла учительницу Тхань и ее мужа. Они хорошо знали поэму Нгуен Зу и часто перечитывали ее. Участь несчастной так была схожа с судьбой главной героини этой поэмы или с судьбой Дам Тиен¹. Пожалуй, Киеу Хоа пережила в своей жизни несчастья обеих. Каждый раз, проходя мимо ворот дома Киеу Хоа, Тхань чувствовала, как к ее глазам подкатывают слезы. Комната опустела, стала холодной и необжитой. Не было в ней больше хорошенькой гостеприимной девушки, которая сидела перед очагом, варила клейкий рис и вкусный суп для отца. Ушли в прошлое те лунные ночи, в которые девушка ожидала, когда раскроется какой-нибудь редкий цветок. Она больше никогда не прибежит к Тхань после обеда, чтобы похвастаться радостной вестью о полученном издалека письме...

Кто же убил Киеу Хоа, казнил Ты Данга, принес горе во многие семьи?

Муж учительницы Тхань прежде был уверен, что не стоит ни во что вмешиваться. Лучше всего жить, не принимая близко к сердцу ничего из того, что происходит вокруг. Но вдруг стена отчуждения, воздвигнутая им, рухнула. Многие ночи он провел без сна. Перед его глазами вставали то окровавленная седая борода Ты Данга, то сосед Там со скованными стальными наручниками руками, то мертвая Киеу Хоа... Эти образы заставили его

¹ Дам Тиен в поэме Нгуен Зу — талантливая певица, скоропостижно скончавшаяся во цвете лет. — *Прим. пер.*

покинуть башню из слоновой кости, которую он соорудил для себя. Канонада в окрестностях Сайгона, взрывы мин, уничтожавших американцев в театрах, дансингах, барах и клубах, звучали в его ушах призывным колоколом, побуждали к действию.

Он был немногословен и малоулыбчив, его лицо всегда оставалось серьезным и задумчивым. Американские офицеры ценили его за честность, хвалили за умение организовать работу, отмечали прекрасное знание английского языка. Каждый раз, слыша похвалу, он чувствовал стыд, как будто совершил преступление перед родиной, перед президентом Хо Ши Мином. Он делился с женой своими сокровенными мыслями, вспоминал старых друзей, которые продолжали с оружием в руках бороться против американцев или уехали на север. Его манил и притягивал к себе Ханой, привлекал высокими идеалами социализма — нового для него понятия, в котором ему так не терпелось разобраться. Сайгон же с его растущими небоскребами, ресторанами, пестрыми нарядами, тяжелыми танками, реактивными самолетами, с улицами, полными проституток и нищих, был в его представлении антиподом Ханоя, города, в котором здоровый образ жизни стал общечеловеческим принципом. Вспоминая о радостном трехлетнем периоде своего безрадостного в целом прошлого, он сделал для себя вывод: только оказавшись в болоте, можно оценить прелесть гор и равнин; лишь пройдя испытания в жизненных бурях, пережив жестокие духовные страдания, можно приобрести ясное представление о правильном жизненном пути. Он мечтал установить связь с Армией освобождения.

Вот тогда-то он и встретился с X-5. А произошло это так.

Через несколько дней после смерти Киеу Хоа супруги Тхань вместе с сынишкой Хангом навестили ее могилу. Был воскресный день. На небосклоне тяжело нависали темные тучи. Могила Киеу Хоа находилась рядом с другими захоронениями, холмики на которых были еще рыхлыми. Над могилами стояли деревья, листва которых целый день шумела на ветру. Время от времени в небе проносились реактивные самолеты, ревом нарушая строгую тишину кладбища. Казалось, что самолеты не хотят оставить в покое мертвых, преднамеренно тревожат их сон.

Супруги Тхань очень удивились, увидев возле могилы Киеу Хоа девушку в голубом платье. Над могильным хол-

миком Киеу Хоа курился легкий дымок¹. Услышав приближающиеся шаги, незнакомка обернулась. В ее глазах блестели слезы. Они сверкали, как капельки росы на только что раскрывшихся бархатных лепестках розы. Тхань вздрогнула и сжала руку мужа.

— Господи, мне показалось, что это Киеу Хоа. Своей молодостью и красотой они похожи друг на друга как две капли воды.

Тхань замедлила шаг. Она не отрывала взгляда от незнакомки: такая же изящная фигура, такие же красивые пунцовые губы, прямой правильный нос, и главное, такие же глаза с длинными ресницами под дугообразной линией бровей, делавшие эту девушку привлекательнее красавиц с обложек модных журналов.

— Кто это? — негромко спросила Тхань мужа. — Похоже, мы встречали ее в доме Киеу Хоа...

— Мне тоже так кажется. Ростом она немного меньше Киеу Хоа, но выглядит интеллигентнее.

Незнакомка вытерла глаза, склонила голову в приветствии и сказала:

— Здравствуйте. Я подруга Киеу Хоа со школьных времен. Меня зовут Нгуен Шао Май.

Учительница Тхань положила на могилу Киеу Хоа букет белых роз рядом с уже лежавшим там букетом. Она зажгла палочку благовоний и ритуальным жестом — ладонь к ладони — сложила руки перед грудью.

— Киеу Хоа, дорогая! Твоя подруга, мы с мужем и маленький Ханг пришли навестить тебя...

Голос ее прервали рыдания. Все стояли молча. Ветер шелестел листьями деревьев. От благовоний поднимался ароматный дымок.

Так в тот день Бархатная Роза познакомилась с супругами Тхань. Через несколько дней она посетила их дом. Тхань начала учить ее вышиванию. Вскоре они сдружились, и девушка стала для них столь же близкой подругой, как когда-то Киеу Хоа.

Учительница принесла в свой дом принадлежавший Киеу Хоа глиняный горшок с гортензией, ставшей напоминанием о девушке, жизнь которой можно сравнить с цветком — короткий расцвет и быстрое увядание... Тхань поставила фотографию Киеу Хоа на столик рядом с гортензией. Девушка была сфотографирована в полный рост

¹ Во Вьетнаме существует обычай зажигать на могиле близкого человека палочки благовоний. — *Прим. пер.*

на фоне цветника, мягкие черные глаза ее были устремлены вдаль. О чем она думала в этот момент? О будущем, о любви, о счастье? И все это теперь исчезло, остались следы кованных ботинок, растоптавших жизнь несчастной девушки. А сколько еще будет таких же, как Киеу Хоа?! Х-5 смотрела на снимок, и тяжело становилось на душе. Она сама будто испытывала мучения, которые выпали на долю ее подруги. Х-5 перечитала длинное предсмертное письмо Киеу Хоа, посланное учительнице. Каждая страница его была обвинительным актом, написанным кровью сердца, и говорила о неизбежности трагического финала. В письме описывались события с того момента, как Киеу Хоа попала в ловушку, подстроенную Смитом, и до самого конца — флакона со снотворными таблетками.

...Не знаю, долго ли я находилась в беспмятстве, но, когда очнулась, в моей руке по-прежнему были зажаты несколько разорванных снимков. Негодяй Смит и его чернокожий денщик уехали. Мне захотелось умереть от позора и стыда... Но тут взгляд мой упал на фотографию жениха — для меня это было как сигнал помощи. Только эта фотография и не дала мне умереть сразу. Я подумала, что остается единственный выход — поехать к нему и рассказать, ничего не скрывая, все — от моих сокровенных мыслей до бесчеловечных действий Смита. Я была уверена: он разделит со мной горе, возненавидит моего обидчика, как ненавижу его я, простит меня и еще сильнее полюбит, вместе со мной будет бороться за спасение отца... Решение мое было твердым: ехать в Банметхуот. Я даже не успела попрощаться с вами. Но, Тхань, какой суровой оказалась действительность! Наверное, мечтам и надеждам несчастных не суждено сбываться! В моем женихе не осталось и тени от человека, которого я знала когда-то. Он совершенно изменился. Теперь он офицер и работает в службе психологической войны — с упое-нием проводит обыски, участвует в арестах и казнях мирных людей, подобных Ты Дангу и моему отцу. Я встала перед ним на колени и рассказала ему всю правду, как на исповеди. Но он не разделил со мной моего горя и ненависти. Произошло обратное тому, на что я надеялась. Напрасно я умоляла его, припала к его стопам, как к спасителю. Он остался безучастным к моим мольбам и грубо изгнал меня из

своей жизни, как прогоняют нищего от порога дома...

Все кончено. Матери у меня нет, остался лишь отец, но и его увезли неизвестно куда. Нет больше со мной и того, кого всю жизнь я считала близким человеком. На этой земле для меня нет больше места. Там, где с жестокостью тиранов правит союз денег, преступников и американцев, простому человеку не дано испытать счастья. Смерти я не боюсь. Для меня она — избавление и начало вечной жизни.

...Прощайте! Ваши теплые чувства ко мне навсегда останутся со мной. Если вы будете вспоминать обо мне, то прошу вас не забыть мое последнее желание в этом мире: надо полностью уничтожить таких мерзавцев, как Смит, чтобы больше ни одну девушку не постигла моя участь.

Киеу Хоа.

Нгуен Шао Май опустила на стол письмо, на котором сохранились следы слез, и лицо ее вспыхнуло. Сдерживая волнение, она прерывающимся голосом обратилась к учительнице:

— Тхань, вы слышите? Киеу Хоа призывает нас: «Отомстите за меня! Не забудьте о судьбе безвинно пострадавших!»

— Отомстите за меня, — повторила Тхань. — Мне тоже кажется, что я слышу этот призыв, но как отомстить? Не бесплодные ли это мечты?

— Нет, — покачала головой Шао Май, — это не мечты, а реальность. Я в этом убеждена.

Муж учительницы Тхань внимательно прислушивался к их разговору, не сводя глаз с Шао Май. В его душе вспыхнул огонек надежды: в Шао Май было что-то необычное. Она привлекала к себе внимание не только своей красотой, но прежде всего мягкостью и обходительностью, серьезностью и отсутствием жеманства, необычно широкой для девушек ее возраста эрудированностью. Сынишка учительницы был в восторге от тети Май. Он донимал ее просьбами рассказать сказку. И в этот день после разговора с Тхань девушка рассказала очередную сказку мальчику, но, как поняли супруги Тхань, она предназначалась не только для их сынишки.

— В былые времена, — рассказывала девушка, — в одном лесу случилась засуха. Высохли деревья, в ручьях не осталось ни капли воды. Целое племя людей умирало

от жажды. Добрая фея поведала людям, что виновник их несчастья — властвующий в лесу дракон, а единственный способ спасти племя — заменить сердце в его груди сердцем человека. Самая красивая и самая добрая девушка в племени, уступившая последний глоток воды маленькому ребенку, сказала, что готова во имя спасения племени отдать свое сердце, чтобы заменить им сердце дракона. Получив ее жаркое, как солнце, сердце, дракон полюбил. Прохладная, сладкая, как материнское молоко, вода вновь наполнила русла ручьев и рек, зазеленели деревья, распустились цветы. В воздухе снова закружились бабочки и пчелы, над лесом стали летать птицы, в водах реки начал купаться добрый золотой олень... Но девушка не захотела, чтобы в ее груди билось черное сердце дракона. Она предпочла умереть...

Дракону было не по себе: сердце девушки не подходило ему. Он разыскал племя людей и потребовал назад свое сердце. Но люди ответили ему: «Сначала верни нам сердце девушки». Тогда он вынул сердце и протянул его людям. И в тот же миг сердце девушки превратилось в меч. Этим мечом люди и убили дракона. А погибшую девушку они стали почитать как богиню любви, и в ее уста вложили такие слова: «Любовь может жить только в сердце человека, и сила этой любви всепобеждающая».

Муж учительницы вспомнил, как его сынишка, выслушав сказку, с горящими глазами по-детски наивно спросил у Шао Май:

— Значит, эта девушка из лесного племени осталась жива?

Нгуен Шао Май слегка растерялась от неожиданного вопроса мальчика и после небольшой паузы ответила:

— Да, конечно. Она навеки осталась жить в душах людей племени и никогда не умрет. Она стала феей.

Ханг захлопал в ладоши и радостно засмеялся. Глядя на его маленькие ручки и головку, прижавшуюся к груди девушки, глаза которой взволнованно блестели, супруги Тхань прониклись еще большей симпатией к Шао Май, которую узнали совсем недавно, но очень полюбили.

Велика была их радость, когда они узнали, что Шао Май — боец Армии освобождения. Одним из лучших дней своей жизни муж учительницы считал тот, когда Шао Май привезла его в освобожденный район Кути. Здесь он после первых минут замешательства перестал чувствовать себя чужим. Он слышал радостный смех детей —

ровесников своего сына, видел оживленную встречу возвратившейся в отряд партизанской группы, на минах которой подорвались вражеские бронетранспортеры, посмотрел выступление партизанского ансамбля. Добродушие и простота командира отряда Фи Вана быстро расположили его к себе, и они разговорились.

— Вы, наверное, приехали с севера? — спросил муж учительницы. — Вы говорите на северном диалекте.

— Да, — ответил Фи Ван. — В 1945 году мои родители приехали сюда. Они нанялись рабочими на плантации. Прожив здесь два месяца, отец с матерью умерли, я же остался жив... Потом я стал бойцом Армии освобождения. Для меня родина — весь Вьетнам.

Муж учительницы Тхань долго смотрел на портрет президента Хо Ши Мина. Лицо вождя вьетнамского народа было добрым и приветливым... Вернувшись домой, муж учительницы, не скрывая волнения, рассказал жене о своей поездке.

Теперь супруги начали поддерживать связь с Армией освобождения. Они с увлечением читали передаваемые им книги и газеты, знакомились с социалистическим Северным Вьетнамом, колыбелью революции, надеждой всей страны. Офицер группы по приемке военных грузов, поступающих на сайгонский аэродром, с радостью взялся за порученную ему работу. Вот тогда-то он и получил новое имя, боевой подпольный псевдоним — АКО-2. Он воспринял это так, будто в руки ему дали меч, в который превратилось сердце девушки, о чем и рассказывала им Нгуен Шао Май.

Через два часа после того, как самолет инспекционной группы МААГ, прилетевший с Гавайских островов, совершил посадку на аэродроме Таншоннят, Х-5 получила сообщение от АКО-2:

«Гавайская птичка» прилетела. Всего 15 человек, в том числе высокий, стройный американец лет пятидесяти, в очках, с родинкой на правой руке». АКО-2 отметил, что ему знакомо лицо этого американца, который неоднократно посещал Сайгон в составе инспекционных групп МААГ. Его с особым почтением приветствовал вице-президент Нгуен Нгок Тхо, приехавший на аэродром. Судя по всему, в составе прибывших была группа молодых технических экспертов, находящаяся под командованием высокого американца. В разговоре этих экспертов со-

встречающими удалось услышать часто повторяющееся слово «ферма».

Выйдя из самолета, американец, внешность которого была описана в донесении АКО-2, вместе с Эдвардом Лэнсдейлом сразу отправился осматривать военную зону аэродрома. Их сопровождал американский архитектор, докладывавший о сооружаемых объектах.

Среди прилетевших были замечены вновь прибывший в Сайгон советник Смит (его имя АКО-2 подчеркнул в донесении) и вьетнамец лет тридцати, в штатском, с усами причудливой формы.

Х-5 была довольна важными сведениями, которые передал Восток. Какую же роль играет американец, о котором он сообщил, в инспекционной группе МААГ? Примечательно, что высокого стройного американца встречал полковник Лэнсдейл, резидент ЦРУ в Сайгоне, что ему оказал «особое почтение» вице-президент Нгуен Нгок Тхо. И кто этот молодой вьетнамец с усами? Какова цель приезда технических экспертов? Что такое «ферма»? Ответа на эти вопросы пока не было. Казалось странным, что и Смит опять вернулся в Сайгон. Х-5 грустно улыбнулась, увидев, что АКО-2 подчеркнул его имя. Смит не имел такого значения, как другие американцы, но девушка понимала чувства своего товарища.

Х-5 анализировала детали, пытаясь выявить взаимосвязи, которые могли бы прояснить картину. Ее внимание привлек вьетнамец с усами.

Вице-президент Нгуен Нгок Тхо устроил для инспекционной группы МААГ прием после того, как члены группы удостоились аудиенции у президента. Сын сенатора, которого все считали возлюбленным Ми Лиен, настойчиво добивался того, чтобы эта девушка и ее подруги присутствовали на приеме.

Узнав об этом, Х-5 искренне обрадовалась.

— Вот удачный случай — они сами помогают нам! — сказала она Ми Лиен. — Жаль, что я не певица. Небо одарило голосом одну тебя, поэтому тебе надо представиться господину советнику МААГ, описание внешности которого ты знаешь.

Ми Лиен улыбнулась, кивнула.

— Хоанг Фыонг сказал, что этот американец — необычайно талантливый архитектор, специалист в области современного строительства в США.

— То есть в области, в которой сильна ты. Еще одна удача! — воскликнула Х-5. — Но остается еще один чело-

век, с которым ты должна познакомиться, чтобы затем привести его в условленное место, где он встретится со мной. Сегодня вечером на приеме ты его увидишь: у него необычной формы черные усы, он пользуется доверием этого американца. Наверняка это отпрыск именитых родителей, потому что любимый сын сенатора Хоанг Фыонг знаком и с ним.

...На приеме Ми Лиен без труда узнала «талантливого архитектора». Она подняла бокал и очаровательно улыбнулась.

— Господин советник, — произнесла она звонким голосом, — позвольте поднять этот бокал за ваше здоровье.

Американец поднял свой бокал, чтобы чокнуться с ней, и Ми Лиен отчетливо разглядела большую родинку на его правой руке.

За его спиной стоял вьетнамец, исполнявший обязанности переводчика. Одет был в светло-серый костюм. На его одутловатом лице выделялись узкие черные усы, похожие на скрученный и наклеенный над верхней губой жгут из трубчатого табака. Парень с интересом приглядывался к красивой девушке.

Она слегка пригубила вина, и щеки ее еще больше порозовели. Переводчику показалось, что девушка посмотрела в его сторону, и он ответил ей учтивым поклоном.

— Господин советник! — вмешался в разговор сын сенатора. — Разрешите представить вам певицу и пианистку Ми Лиен. Она любит музыку и обожает архитектуру.

— Вот как? — Советник высокомерно дернул головой. — Никогда бы не подумал, что вас интересует не только музыка, но и строительство домов на цементном растворе.

— О, господин советник, музыка — это только мое увлечение, а вот строительство — и увлечение, и работа. Я обожаю архитектуру, и мне очень нравится американская манера строить прочные и величественные здания. К сожалению, мои познания об американском зодчестве не слишком обширны.

Советник пожал плечами с самодовольным видом петуха, стоящего среди кур. Он указал рукой на молодого человека с причудливыми усами:

— Могу порекомендовать вам своего ученика. Он прекрасно знает нашу архитектуру и сможет помочь вам. Вы хорошо говорите по-английски, это также облегчит дело...

— Очень вам благодарна, господин советник. — Ми Лиен с радостным видом слегка поклонилась американцу и переводчику, и те подошли к вице-президенту и полковнику Лэнсдейлу. Молодой человек о чем-то негромко спросил у советника. Тот кивнул, и переводчик направился в сторону Ми Лиен.

— Смотри, он идет к нам, — негромко сказал ей Хоанг Фыонг. — Он родственник нашего президента и окончил колледж в США.

— Ты с ним знаком?

— Да, но не близко. Он чересчур заносчив и считает, что стоит выше нас, не учившихся в США. Будь его рот не столь широким, как у рыбы, его можно было бы назвать симпатичным. Усы ему не идут, они лишь привлекают внимание к его лицу.

— А как его зовут? — тихо спросила Ми Лиен.

— Не знаю. Слышал лишь, как его называли Аркбутаном¹, и он с удовольствием отзывался на это имя.

Аркбутан подошел к группе членов кружка современной музыки и фамильярно похлопал сына сенатора по плечу:

— Я очень рад за тебя — у тебя такая прелестная подруга.

Ми Лиен молчала, чувствуя на себе жадный взгляд молодого человека с усами. Когда закончилась очередная мелодия, она повернулась к нему и улыбнулась.

— Вы удостоились похвалы господина профессора, — сказал ей Аркбутан. — Он редко жалует кого-нибудь такой милостью.

— Спасибо. Что касается меня, то я очень рада, что господин профессор позволил мне рассчитывать на вашу помощь. Мои друзья по учебе и я хотели бы показать вам несколько наших архитектурных проектов, чтобы узнать ваше мнение. Мы были бы вам очень благодарны, если бы вы не отказались удовлетворить нашу просьбу.

Аркбутан пообещал, что навестит Ми Лиен и ее друзей, как только завершится официальная миссия, в которой ему предстоит сопровождать господина советника.

— Я свяжусь с вами через вашего друга, — посмотрел он на сына сенатора, прищурив глаз.

Ми Лиен не рискнула задать вопрос, куда он собира-

¹ Arc-boutant — подпорная арка в архитектуре (франц.). — *Прим. пер.*

ется ехать с советником. Она боялась, что это вызовет подозрение Аркбутана. Кивнув ему, она проговорила:

— Я скажу друзьям, чтобы они готовились к встрече. Огромное вам спасибо.

Чан Куанг с радостью встретил приказ об изготовлении «подарка», который будет направлен в Вашингтон вместе с дарами от президента Нго Динь Зьема. Это будет сотая мина, изготовленная им по особому заказу для американских советников. В оружейной мастерской Армии освобождения его называли постоянным поставщиком Пентагона.

— Ну, кормилец, — шутливо обратилась к нему Х-5, — «птичка» «проголодалась», перестала «петь» и ждет не дождется, когда ты «накормишь» ее.

Чан Куанг прищурил смешливые глаза и засопел, будто не расслышав шутки девушки. Он был умелым и опытным специалистом по части изготовления мин замедленного действия.

В сообщении АКО-2 было сказано: «В следующий четверг «гавайская птичка» улетит из Сайгона в Гонолулу. Особый груз должен быть доставлен в среду или, самое позднее, рано утром в четверг».

Всю ночь Чан Куанг провел в оружейной мастерской. В четыре часа утра в понедельник он закончил последнюю часть работы — монтаж часового механизма. Изготовленную мину он поместил в небольшую красивую коробку, перевязанную тесьмой так, чтобы часовой механизм можно было незаметно пустить в ход, не снимая тесьмы. Минер полюбовался делом своих рук, как художник любит произведением искусства, еще раз все проверил и передал коробку посыльному...

В первые дни после зарплаты АКО-2 часто заходил в аэродромный клуб. Поэтому его появление в баре клуба не привлекало внимания любопытных. Теперь же ему предстояло встретиться здесь с незнакомым человеком и получить по условному знаку особый груз от Чан Куанга.

В зале ожидания толпились пассажиры, вылетающие в Пномпень, Бангкок и другие города, а также встречающие и провожающие. Ожидалось прибытие рейсового самолета французской авиакомпании «Эр-Франс» из Вьентьяна.

В зал вошел коммерсант в темных очках с массивной оправой, в светлом элегантном костюме, белом в синюю

крапинку галстуке. В руках он держал черный кожаный портфель, такой же, какой был в руках АКО-2. Рядом с коммерсантом шагал майор морской пехоты с пистолетом на боку. Они подошли к стойке бара и уселись на соседних с АКО-2 табуретах. Коммерсант, вдруг заметив соседа, радостно воскликнул:

— О-о! Это ты? Здравствуй, как поживаешь?

— Спасибо, хорошо. Ты что, летишь в Бангкок?

— Нет, мы встречаем родственника из Вьентьяна.

— Сейчас во Вьентьяне еще жарко. Без привычки к тамошнему климату можно и заболеть.

— Это точно. Нам повезло — здесь у нас круглый год дует ветер с моря. Климат в Сайгоне легче переносится, чем во многих других столицах.

Все трое чокнулись бокалами. Лица у них посветлели.

Самолет из Вьентьяна совершил посадку и покатился по бетонной полосе. Майор и коммерсант заторопились, попрощались за руку с АКО-2, и коммерсант, взяв его портфель, быстрым шагом пошел за майором к выходу из зала. АКО-2 тоже поднялся. И тут он заметил сидящего в левом углу бара Као Суана, парня с их улицы. Вот это была неожиданность! Као Суан посмотрел на соседа и хитро подмигнул.

АКО-2 ничего не оставалось делать, как подойти к нему.

— Вот не ожидал встретить тебя здесь. Ты что, улетаешь?

— Нет. Зашел немного выпить и посмотреть, как люди зарабатывают на жизнь, — пожав плечами, ответил парень.

— Сейчас пойдешь домой?

— Нет еще.

— Кого-нибудь ждешь?

— Смита! — Као Суан залпом выпил бокал виски.

АКО-2 купил в баре бутылку вина, положил ее в портфель и вышел из зала, тревожно раздумывая: «Давно ли Као Суан сидит в баре? Видел ли он что-нибудь? И зачем ему нужен Смит?» Вскоре он был уже у себя, в военной зоне аэродрома. «Как бы то ни было, «подарок» из освобожденного района для инспекционной группы МААГ получен. «Корм» готов, и теперь пришла пора отдать его «птичке».

...Као Суан, не вынимая рук из карманов, шел по коридору в густой толпе встречающих. В какое-то мгновение он увидел Смита, быстрым шагом направляющегося в

аэродромный клуб, и последовал за ним. Навстречу американцу поднялся майор службы безопасности Тхи, сложившийся пополам в приветственном поклоне. Смит и Тхи устроились в конце зала, довольно далеко от Као Суана.

— Несчастливая у меня судьба, господин советник, — удрученно проговорил майор. — Когда дело дошло до меня, ничего не получилось.

— Почему же? — Смит искоса взглянул на Тхи и выпустил струйку табачного дыма через уголок рта.

— Вам досталось все, а мне ничего... Да, господин советник, та девица покончила с собой.

— Покончила с собой? — равнодушно переспросил Смит. Лицо его осталось бесстрастным, каким было тогда, когда он считал деньги на глазах несчастной Киеу Хоа.

Као Суан быстро огляделся, прикинул, куда лучше всего встать и как выбраться отсюда потом, когда он выполнит свой план. Он решил любой ценой отомстить Смицу за Киеу Хоа.

Као Суан был моложе Киеу Хоа примерно на год. Он всегда считал себя героем и не раз со своими друзьями устраивал охоту на пьяных американцев, пристававших к женщинам. Он неоднократно врвался в круг пьяных бандитов и спасал их жертвы от насилия. Но, увидев однажды, как нож гильотины опускается на шею Ты Данга, Као Суан понял, что больше не может так жить. С болью в сердце он признал свое бессилие.

Као Суан не знал точно, кто такие коммунисты, и не верил тому, что о них твердили власти. Но вьетконговцы его всегда интересовали. Убедившись, что американские генералы, сайгонские чиновники и военные до смерти боятся вьетконговцев, он утвердился в желании познакомиться с членами этой организации.

— Да, вот это действительно настоящие парни! — говорил он своим друзьям. — Уничтожают тайных агентов, американских советников в ресторанах, кафе и клубах, проникают в строго охраняемые небоскребы — какие же для этого нужны способности!

Много ночей Као Суан провел в размышлениях о том, что происходит. Власти говорят о жестокостях вьетконговцев, а сами каждый день повсюду казнят на гильотинах стариков и девчонок. Их родственников, совсем не коммунистов, заковывают на рыночной площади в цепи и увозят туда, откуда еще никто не возвращался. В чем

состояло преступление Ты Данга, за что старику отрубили голову? Неужели он был коммунистом?

Као Суан навсегда запомнил одну из встреч с Ты Дангом. Старый рабочий частенько заглядывал в бедные дома жителей переулка, помогал устанавливать и чинить электропроводку и никогда не брал ни гроша за свой труд. Однажды он зашел к матери Као Суана починить радиоприемник. Когда мать предложила ему деньги за работу, Ты Данг отказался и с улыбкой сказал Као Суану:

— Мы же соседи, живем рядом, и если мы немного помогаем друг другу, то разве за это можно брать деньги, не правда ли, сынок? Хочу лишь дать тебе один совет: брось ты свою трубку, «американский образ жизни» нам не подходит!

Као Суан тогда не послушался совета старого человека и продолжал разгуливать с трубкой в зубах. Однако после смерти Ты Данга Као Суан перестал курить трубку.

«Дядюшка Ты был такой добрый, — заключил для себя Као Суан. — Он не был настоящим вьетконговцем, и все-таки его казнили. Каковы же тогда настоящие вьетконговцы?» Юноша испытывал неодолимое желание собственными глазами увидеть настоящего вьетконговца. Он, конечно, должен быть высоким и сильным, с глазами яркими, как звезды; уметь на полной скорости управлять мотоциклом и стрелять одновременно из двух пистолетов, владеть дзюдо и каратэ в десятки раз лучше, чем американские гангстеры. В поисках вьетконговцев Као Суан обошел все кафе, лавочки и магазины, в которых постоянно бывали американцы. Он полагал, что там, где много американцев, должны быть и вьетконговцы. Но, наверное, вьетконговцы умели становиться невидимыми и бесследно исчезать — в машинах, в рабочих кабинетах американцев, в их домах и в американских клубах рвались мины, американцы гибли или получали ранения, оглашая воздух дикими воплями, а вьетконговцев никто не видел. Тем не менее радио Сайгона все время передавало сообщения о пойманных коммунистах. Ими оказывались крестьяне, ремесленники, школьники, монахи, такие обычные люди, как Ты Данг, как Там — отец Киеу Хоа, как мать самого Као Суана, но они ничем не были похожи на коммунистов.

Один специалист по психологической войне как-то разъяснил Као Суану:

— Всякий, кто выступает против властей, против

американцев, кто скрывает вьетконговцев или отказывается доносить на них, — коммунист.

На это Као Суан ответил:

— Да, и если вы упускаете вьетконговцев, то сами оказываетесь коммунистами.

— И еще: если ты отбиваешь девушку у американца, то ты тоже вьетконговец.

Тут уж Као Суан не выдержал и расхохотался:

— В таком случае мы все уже давно вьетконговцы! Надо же, я — вьетконговец!

Специалист по психологической войне тоже рассмеялся, обозвал парня дьявольским отродьем и велел ему убраться, сказав напоследок:

— Такие, как ты, годятся лишь на то, чтобы подавать тапочки вьетконговцам.

— Подавать тапочки вьетконговцам, умеющим, как Сунь Укун, передвигаться на облаке и взнуздывать ветер, — что ж, я не отказался бы от такой чести! — вслух подумал Као Суан и рассмеялся.

Потеряв надежду на встречу с вьетконговцами в кафе и магазинах, Као Суан придумал другой способ — следовать по пути перемещения гильотины. Теперь он постоянно оказывался в тех местах, куда привозили это орудие казни.

Как-то в одном из пригородных районов Као Суан с друзьями неожиданно услышал передаваемое через громкоговоритель объявление о предстоящей казни важного вьетконговца. Вместе с местными жителями они бросились к месту казни.

Вьетконговца доставили под конвоем. Им оказался высокий молодой человек с темно-смуглым лицом и ясными глазами. На щеке у него был синяк, правая рука безжизненно висела, левая нога распухла и плохо сгибалась. Као Суан пробрался поближе к шеренге военной полиции. Даже избитый, юноша был симпатичным: густые волосы с запекшейся кровью возле виска, прямой нос, довольно большой рот с полными губами, два ряда белоснежных зубов. Преодолевая боль, он без помощи конвойных подошел к гильотине, обернулся и взглянул на толпу. Као Суану показалось, что глаза приговоренного к казни на мгновение задержались на нем. Подняв здоровую левую руку, вьетконговец сказал собравшимся:

— Прощайте, соотечественники!

— Эй, послушайте! — крикнул ему командир отряда полиции. — У вас еще есть шанс получить помилование,

Достаточно будет, чтобы вы заявили согражданам о своем отречении от коммунизма и возвращении к национальным идеалам.

— Коммунисты готовы пожертвовать жизнью во имя отечества и никогда не встанут на колени перед грабителями и предателями родины. Революция победит, и Южный Вьетнам будет освобожден!

— Заткнись сейчас же! — как бешеный буйвол, заревел полицейский и грубо выругался. — Заткните ему глотку и завяжите глаза!

— Не надо мне завязывать глаза, я хочу видеть, с какой жестокостью вы убиваете людей. Долой американский империализм! Да здравствует независимый Вьетнам! Да здравствует президент Хо Ши Мин!..

Нож гильотины со стуком опустился, и из многолюдной толпы донеслись рыдания. Последние слова юноши продолжали звучать в сердце Као Суана. «Это настоящий коммунист, — подумал он. — Подавать такому тапочки и значит самому быть коммунистом».

Вскоре после этого не стало Киеу Хоа. Као Суан узнал истинную причину гибели девушки. Он воспринял ее смерть как приказ рассчитаться с убийцей, пусть даже ценой собственной крови. В день когда до него дошла эта печальная весть, Као Суан пошел в последний раз взглянуть на Киеу Хоа. Он молчал и не уронил ни слезинки, и это только усилило его мучения. Он смотрел на миловидное лицо девушки, на прядь волос, колеблемую ветерком над ее лбом, и терзался воспоминаниями. Ему казалось, что он вновь разворачивает свой мотоцикл, намереваясь толкнуть девушку, и видит ее сердитые и в то же время умоляющие глаза...

— Прости меня, Киеу Хоа!

Бросив горсть земли на гроб девушки, он поклялся перед ее могилой: «Смит должен умереть, и он умрет от моей руки!»

Но надежды Као Суана рухнули, когда муж учительницы Тхань сказал, что советник Смит улетел в США.

Через какое-то время муж учительницы, встретив парня, сообщил ему, что Смит с группой МААГ вернулся в Сайгон. Као Суан воспрянул духом. Теперь он выполнит свою клятву! Беспокоило его только одно — как уничтожить американца. Заколоть ножом? Но пробраться к нему — дело почти невозможное. Подложить мину? Вьетконговцы неоднократно расправлялись так с американцами. Но где взять взрывчатку? Оставалось лишь бросить

в него гранату или застрелить из пистолета. Као Суан раздобыл небольшой пистолет, целиком умещавшийся на ладони, и выжидал, когда можно будет действовать наверняка. Спустя два дня после прибытия инспекционной группы МААГ Смит оказался на гражданском аэродроме. Он работал под крышей «Сивил эйвизэшн» — американской транспортной авиакомпания, принадлежавшей в действительности ЦРУ. Майор службы безопасности Тхи был ближайшим помощником Смита. Оба они были причастны к крупной контрабанде наркотиков из Лаоса.

Увидев в этот день обоих своих врагов в аэродромном клубе, Као Суан подумал: «Двоих одним ударом! Они поплатятся за свое преступление и погибнут от моей руки!»

Он локтем прикоснулся к лежащему в кармане пистолету. Ему хотелось подойти еще ближе. Као Суан был неважным стрелком, но рассчитывал попасть наверняка. На двоих понадобится четыре пули, еще одна предназначалась полицейскому и последняя, если не удастся уйти, — ему самому...

Едва АКО-2 вернулся в военную зону, как на гражданском аэродроме завывали полицейские сирены. К зданию аэропорта промчались мотоциклы и машины военной полиции. Здание было оцеплено, все выходы перекрыты. Главное управление полиции получило секретное донесение о готовящейся диверсии вьетконговцев и решило устроить облаву на аэродроме.

Смит и Тхи скрылись, прежде чем Као Суан успел выстрелить. Решающий шанс был упущен. Полиция перекрыла вход в клуб и в зал ожидания. Группа полицейских начала обыскивать пассажиров, вызывавших у них подозрение, осматривать их багаж. Као Суан пожалел, что не может превратить свой пистолет в ножку жареной курицы, которую разжевал бы и проглотил. Он не боялся смерти и был готов встретить ее так же достойно, как тот вьетконговец, которого недавно казнили. Однако ему было обидно, что он попадет в руки полиции, не отомстив за Киеу Хоа. «Знал бы, что так случится, — подумал Као Суан, — сразу же начал бы стрелять». Люди заторопились к выходу из клуба. Као Суан втиснулся в густую толпу, чтобы пробиться к бару. Там он надеялся незаметно засунуть пистолет в ящики, полные бутылок с пивом или фруктовой водой.

Но его усилия оказались безуспешными, к бару пробиться не удалось. Толкая друг друга, люди рвались к

выходу. Среди пассажиров было немало жен высокопоставленных военных разных родов войск, вернувшихся «из деловой поездки». Они не думали о наркотиках, спрятанных в их дорожных сумках. Их беспокоило сообщение о мине, подброшенной в аэропорт «вьетконговскими террористами». От ужаса лица у многих из них посерели, на них сквозь толстый слой косметики выступил холодный пот. Эти женщины хватали за руки мужей, угрожая их поскорее покинуть опасное место.

В густой толпе Као Суан заметил коммерсанта — это был знакомый мужа учительницы Тхань, шедший с майором морской пехоты и нарядной красивой женщиной с золотым браслетом на запястье. В руке эта женщина несла черную сумочку, «молния» которой, видимо по недосмотру, оказалась до половины расстегнутой. Стоящие впереди двое полицейских обыскивали всех подозрительных. Као Суан был уже почти возле них...

Неожиданно со стороны стоянки машин раздался взрыв. На аэродроме поднялась паника. Полицейские и парашютисты бросились туда, где пылала машина. Это был автомобиль Смита. В толпе началась давка. Воспользовавшись этим, Као Суан, будто нечаянно толкнув женщину, идущую рядом с майором морской пехоты, сунул пистолет ей в сумочку.

После взрыва мины, решив, видимо, что целью диверсии вьетконговцев была стоянка машин, принадлежащих американцам, полицейские стали уже не так строго обыскивать подозрительных в зале ожидания и в аэродромном клубе. Один из них остановил Као Суана, прошелся руками по его груди, по бедрам и, пробормотав грязное ругательство, толкнул парня к выходу. Као Суан вышел за кольцо оцепления, вскочил на свой мотоцикл и помчался в город.

«Кто же меня опередил? — подумал он. — Но Смит у опять повезло. Его в тот момент не было в машине».

В доме номер 6 по улице Н., принадлежавшем землевладелице из Бакльеу, вновь собрались гости. Хозяйка дома готовилась к встрече своей дорогой дочери и ее нескольких самых близких друзей с учеником выдающегося американского архитектора из инспекционной группы МААГ.

Гость приехал одновременно с сыном сенатора. Это был высокомерный молодой человек, кичащийся дипломом американского колледжа и близкими родственными свя-

зиями с семьей президента Нго Динь Зьема. Но прошло несколько минут, и от его спесивости ничего не осталось. Справа от очаровательной Ми Лиен сидела ее двоюродная сестра Бать Иен, величественная, как королева, и прелестная, как цветок лилии. (Это была Х-5.) Слева от Ми Лиен сидела другая девушка, с правильным овалом лица и полными яркими губами, свежая, как цветок граната. Присутствие этих девушек очень смутило Аркбутана. Он в растерянности, кивая, один за другим машинально посмотрел эскизы, лежащие на столе. В такт кивкам дергались и его жуткие усы над рыбьим ртом. Через несколько минут он взял себя в руки и снова стал беспардонным и высокомерным.

— Скажите, почему у вас такое странное имя? — спросила одна из девушек.

— Его мне дали в архитектурных кругах еще в годы моей стажировки в Уильямсберге.

— Уильямсберг — это в штате Нью-Йорк? — спросила девушка, представившаяся двоюродной сестрой Ми Лиен.

— Нет, в штате Вирджиния.

— Я плохо разбираюсь в географии США, — засмеялась она. — Путаю один штат с другим. Извините, продолжайте, пожалуйста.

— По-моему, всякая профессия имеет свои характерные особенности. Поэтому я, как архитектор, тоже должен иметь какую-нибудь особенность... связанную с моей профессией.

— И вы выбрали для имени архитектурную форму подпорной арки, которая по форме напоминает ваши усы? — с улыбкой сказала Ми Лиен.

— Да, — кивнул он. — Так назвал меня один мой французский друг, праправнук всемирно известного инженера Густава Эйфеля, построившего башню на Марсовом поле в Париже. Простите меня, — засмеялся он. — Такой уж у меня профессиональный пунтик.

— Если придерживаться вашей теории, — сказала Бать Иен, — то и у вашего профессора тоже должен быть какой-то символ.

Хмыкнув, Аркбутан немного смутился:

— Его обычно называют архитектором по части колючей проволоки.

— И ему нравится ваше имя?

— Нет, что вы! — протестующе замахал руками Аркбутан. — Если он услышит об этом, то заткнет мне рот колючей проволокой!

— Как странно! По-видимому, у вас с господином советником совершенно разные характеры, — сказала Ми Лиен, не сводя внимательного взгляда с усов молодого человека.

Аркбутан согласно покачал головой, провел тонким белым мизинцем по усам, описав таким образом полукруг.

— Профессору следовало бы отпустить длинные бакенбарды в форме колючей проволоки. Но, к сожалению, у него никогда не было бакенбард.

Все рассмеялись. Х-5 сказала ему на французском языке:

— Мало того, что вы на редкость одаренный архитектор, вы, кроме всего прочего, обладаете также талантом искусного рассказчика.

— Вы и французский знаете? — с удивлением и восторгом воскликнул Аркбутан, польщенный ее комплиментом.

— Да, в детстве, при французах, я учила французский, а когда их сменили американцы, стала учить английский. Каждому времени — свой язык. А вы, наверное, знаете много иностранных языков, может быть, даже и русский?

— Нет, русский — язык коммунистов, и я его не учил. Мой же родной язык слишком беден. Я на нем редко говорю и кое-что уже забыл.

— Вы считаете, что вьетнамский язык беден? Позвольте не согласиться с вами! Скажите, на какой язык можно перевести, целиком сохранив смысл, поэму о Киеу? Какой язык может образно и интонационно передать богатейшие сочетания слов и рифм?

— Судя по всему, вы незаурядная лингвистка, — сказал Аркбутан по-французски и добавил по-вьетнамски: — Вас можно сравнить с Франком Боном, известным немецким лингвистом прошлого века.

— Да, но Франк Бон не знал вьетнамского языка, и это было его слабым местом, — засмеялась Х-5 и вернулась к прежнему разговору: — Итак, ваше имя имеет свою историю происхождения. Наверняка история, связывающая вашего профессора с колючей проволокой, не менее интересна.

Аркбутан был рад, что она помогла ему выбраться из затруднительного положения. «Эта миловидная девушка очень умна, — подумал он. — Она ведет беседу, будто сидит на боевом коне, то загонит его в тупик, то вновь выведет на широкую, ровную дорогу и пустит во весь опор

вперед». Молодой человек решил попытаться перехватить инициативу, направив беседу в удобное для него русло. Поэтому он поспешно и не раздумывая ответил:

— Там, где требуется колючая проволока, нужны и архитектурные способности профессора.

— То есть в «стратегических деревнях», военных лагерях, тюрьмах для коммунистов, на аэродромах...

— Да, исключая разве только военно-морские базы... В море заборы с колючей проволокой не нужны... Так вот, это занятие приносит профессору колоссальные ба-рыши...

— Вы — любимый ученик господина профессора. Наверное, многие вьетнамцы и даже американцы завидуют вам. Вы станете самым талантливым из вьетнамских архитекторов по части колючей проволоки. Ведь, кроме вас, профессор никого не берет с собой в поездку?

— Я — единственный вьетнамец, который поедет с ним в Бьенхоа¹. Вот где действительно огромный аэродром! Военная архитектура США — поистине вершина современной цивилизации, так же как архитектура Вавилона — первая веха в цивилизации Древнего мира.

Не желая ударить в грязь лицом, Аркбутан без умолку говорил об истории архитектуры, о сооружениях Вавилона и Ниневии в Месопотамии, гробницах и пирамидах Египта, великолепных дворцах древней Персии и Индии, построенных задолго до нашей эры, и закончил он свою тираду рассказом о современном строительном искусстве США, которое считал высшим достижением человечества.

— Вы прочитали нам интересную лекцию по истории мировой архитектуры, — заметила Ми Лиен. — Но на протяжении многих веков до нашей эры колючей проволоки не существовало. То была всего лишь эпоха обожженного кирпича, из которого были созданы замечательные архитектурные памятники междуречья Тигра и Евфрата — колыбели ассирийской цивилизации, из которой вышла вся мировая архитектура.

— Месопотамия находилась в Азии, — сказала девушка, сидевшая слева от Ми Лиен, — стало быть, в Азии находится и колыбель человеческой цивилизации.

— Да, это так. Усыпальницы и храмы, башни Вавилона, древнеиндийские храмы и японские пагоды — все

¹ Город к северу от Сайгона, где в годы интервенции США в Южном Вьетнаме располагалась крупная американская военная база. — *Прим. пер.*

эти первые архитектурные сооружения в истории человечества выросли на земле Азии.

— Но эти сооружения все-таки были созданы в далекое от нас время, носили религиозный характер и не могут сравниться с современной архитектурой, особенно американской, — возразил Аркбутан и повернулся к Хоанг Фыонгу, надеясь найти в нем единомышленника: — А вы как думаете?

С самого начала разговора сын сенатора еще не сказал ни слова. Он молча записывал их беседу на крохотный магнитофон, спрятанный в карман пиджака. Услышав вопрос Аркбутана, Хоанг Фыонг вежливо ответил:

— Я не знаток современной архитектуры, но мне нравится французская готика. Она монументальна и в то же время не лишена изящества.

— Эпоха поклонения готическому стилю прошла. Сейчас настало время американской архитектуры, — высокомерно заявил Аркбутан.

— У каждого свой вкус, но ваша точка зрения мне кажется очень оригинальной, — сказала Бать Иен, повернув голову в сторону Аркбутана и бросив на него выразительный взгляд. — Если символом самой передовой в мире американской архитектуры является колючая проволока и эта архитектура побуждает людей к размышлениям, то памятники древнего Вавилова задевают какие-то иные струны в сердце человека. — Девушка поняла, что обмен мнениями зашел слишком далеко и продолжать разговор с Аркбутом на эту тему не стоит. Она подвинула к нему лежавшие на столе эскизы и продолжила: — Посмотрите, до вашего прихода мы обсуждали проект особняка, который подходил бы для тропического климата нашей страны.

Девушки, смеясь про себя, выслушали высокомерные замечания и поучения собеседника. Они не могли не согласиться, что он имеет довольно широкие профессиональные знания и хорошо разбирается во многих вопросах современной науки и техники. Было только жаль, что он по дешевке продал и тело, и душу своим американским хозяевам.

Затем разговор перешел на музыку...

Утренние лучи солнца озарили аэродром. Отливающий серебром самолет с изображенным на борту звездно-полосатым флагом, казалось, обнял своими крыльями бетон-

ную полосу. Рассвет рассыпал по фюзеляжу ярко-розовые блики, длинная черная тень машины отпечаталась на гладком бетоне. В воздухе стоял рев двигателей взлетающих реактивных истребителей и вертолетов, отправляющихся на выполнение очередных «воздушных рейдов».

Инспекционной группе МААГ через несколько часов предстояло отправиться на Гавайские острова, ставшие с конца 80-х годов прошлого столетия заповедником империализма США. Истинные хозяева островов — гавайцы, носящие в душе образ своей родины, превратились в наемных рабов американских фруктовых и кофейных королей. Выхлопные газы боевых и гигантских транспортных реактивных самолетов окутали бирюзовые острова, замутили чистый и прозрачный воздух. Здесь, под безмятежной лазурью неба, посреди океана, среди кущ деревьев, притаились в своих зловонных логовах воздушные и морские пираты. Когда члены инспекционной группы МААГ вернутся сюда, они сбросят свой фальшивый камуфляж и предстанут в подлинном обличье или напялят новый наряд, чтобы направиться в другую страну и подтвердить делом известное изречение директора ЦРУ Аллена Даллеса: «Там, где появились признаки отхода той или иной страны от нашей орбиты, где есть угроза захвата власти коммунистами, мы не должны дожидаться приглашения».

В инспекционную группу, выезжавшую на этот раз в Сайгон, входили многие деятели, причисленные к «лику святых» в разведывательном управлении. Это были профессионалы ЦРУ, специалисты по тайным операциям, люди, которые, по признанию разведчика из госдепартамента США Джона Маркса, «должны по традиции создавать такой мировой порядок, при котором роль США как международного лидера была бы неоспоримой». С этой группой в Сайгон выехали также молодые офицеры, о которых в США не говорят правду общественности, представляя их как сотрудников «форта Пери». В Южном Вьетнаме этих офицеров именовали сотрудниками группы МААГ. Кто они были на деле и зачем выезжали во Вьетнам, никому известно не было.

Тайна, абсолютная тайна — таков решающий фактор в деятельности ЦРУ. Какие же рапорта привезут в Гонолулу члены инспекционной группы МААГ, а в действительности — люди ЦРУ и Пентагона?

Но Вьетнам следил за ними через огромную разведывательную сеть всего народа, сеть, какой у Вашингто-

на никогда не будет. Специальная оперативная группа ТК-1 — Х-5 получила приказ: ликвидировать «прижизненных святых» из ЦРУ, прибывших в Сайгон, которые еще не оправились от эйфории в связи с убийствами повстанцев на Филиппинах и государственным переворотом в Иране.

По намеченному патриотами плану, инспекционная группа МААГ должна была увезти с собой «особый подарок», который АКО-2 скрытно вложит в ящик с дарами от президента Нго Динь Зьема. Взрыв произойдет в момент, когда самолет сделает прощальный круг над аэродромом Таншоннят в небе Сайгона.

АКО-2 воспринял это поручение как самое серьезное в его жизни испытание. Выполнение этой задачи требовало безграничной преданности, смекалки и огромного мужества. Выполнение ее могло стоить ему даже жизни. АКО-2 гордился выпавшей ему честью, горел желанием совершить этот подвиг...

В восемь часов утра на аэродроме царило необычное оживление. Повсюду мелькали ярко-желтые, с тремя полосками, флажки американской военной полиции. Патрули марионеточной полиции и охранявших аэродром парашютистов перекрыли все проходы. По приказу президента Нго Динь Зьема проводы группы МААГ должны были пройти торжественно, с речами и тостами. Багаж, который грузился в самолет, подвергался многократному техническому контролю и подлежал тщательной приемо-сдаточной процедуре. Погрузку вели исключительно американцы, а кроме них — несколько особо доверенных вьетнамцев.

В это число входил и АКО-2, офицер по приемке военных грузов. Он и вьетнамец из технического персонала регистрировали каждое место багажа перед погрузкой на открытую машину, на которой американские солдаты отвозили ящики к самолету.

Демонстрируя свое усердие, АКО-2 особое внимание уделял коробкам с подарками президента, отмеченным специальной маркировкой. Он собственной рукой ставил на них номера и относил коробки к машине. Улучив момент, он большим и указательным пальцем взвел часовой механизм мины, спрятанной под дном одной из коробок. Вместе с помощником он отнес груз к трапу самолета и там передал его американским офицерам, отправляющимся вместе с группой МААГ в Гонолулу. Он дал им распи-

саться в грузовой декларации и не забыл пожелать счастливого полета.

В это время на аэродроме, в особняке для почетных гостей, американские генералы и советники, некоторые министры сайгонского правительства, развалившись в креслах, курили американские сигареты, потягивали американские напитки и вели разговоры о делах, об обменном курсе валют, о мелкой и крупной торговле наркотиками. Они ожидали отлета группы. И вдруг поступило неожиданное сообщение: «Отлет группы МААГ переносится на другой день».

Все с шумом поднялись, обменялись прощальными рукопожатиями. Сверкающие лаком «мерседесы», «фиаты», «фольксвагены», «пежо» вереницей выехали с аэродрома.

АКО-2 с трудом сдерживал волнение, граничащее со страхом. До взрыва мины оставалось примерно полчаса. Таким образом, инспекционная группа МААГ избежит гибели, дело сведется к сгоревшему самолету и доскопальному расследованию. Никакой возможности изъять мину из секретной коробки, стоявшей в самолете рядом с кабиной пилота, не было. Ни один вьетнамец или даже американец, кроме членов экипажа, не имел права приближаться к самолету после подписания приемо-сдаточного акта. АКО-2 мысленно приготовился оказать отпор. Здесь потребуются умение себя защитить, твердость, ясность ума, спокойствие и решимость. Иного пути для спасения в его положении не было.

АКО-2 взглянул на часы: оставалось менее получаса. Американцы считают, что находятся в тыловой зоне абсолютной безопасности. Когда прогремит взрыв, «лисы» из инспекционной группы МААГ, у которых волосы на голове от ужаса встанут дыбом, преклонят колени перед распятиями, благодаря всевышнего за спасение от ужасной катастрофы. Они будут выражать признательность профессору архитектуры, специалисту по колючей проволоке, который отложил отъезд из-за «незавершенной работы группы».

АКО-2 уселся за свой письменный стол и начал просматривать документацию, с замиранием сердца ожидая взрыва.

— Разрешите доложить! — вбежал в кабинет его подчиненный из технического персонала. — Господин советник приказал немедленно разгрузить самолет!

— Хорошо! Зови всех, и пусть поторопятся!

АКО-2 вновь взглянул на часы. Удача или провал?

Время еще оставалось. Но кто мог дать гарантию, что мина не сработает раньше? Надо было как можно быстрее разгрузить самолет, найти коробку, остановить механизм, незаметно извлечь мину и передать ее в мастерскую для срочной перерегулировки.

Но как взять мину на глазах полицейских? Она, кстати, вполне может взорваться в момент разгрузки или при перевозке на склад. В любом случае АКО-2 должен при этом присутствовать, даже если и существует опасность погибнуть.

АКО-2, захватив на бегу из ящика стола кусачки для проволоки, последовал за своим помощником. Приказ господина советника они выполнили с невероятной быстротой и усердием. Американские офицеры вернули АКО-2 грузовую декларацию. Ящики и коробки сгрузили на машину. АКО-2 положил руку на коробку с миной. На глазах американцев и полицейских он попытался незаметно остановить механизм, но не смог порвать провод. Часовое устройство продолжало отсчитывать время. Каждая уходящая минута приближала его к смерти, и никто, кроме него, не знал об этом.

«Лучше уж пусть она взрывается здесь: по крайней мере вместе со мной погибнут несколько американцев, да и самолету будут нанесены повреждения, — подумал АКО-2 и сам себе ответил: — Осталось еще десять — пятнадцать минут. Коробку надо срочно отвезти на склад!»

Машина остановилась перед воротами склада. Возможно, до взрыва оставалась последняя минута. АКО-2 был вынужден скомандовать:

— В склад никому не входить!

Группа технических работников с радостью подчинилась этому приказу.

АКО-2 с сожалением думал, что если мина сейчас взорвется, то слегка пострадает лишь часть складского помещения. Он перевернул коробку со специальным грузом и замер, услышав шаги. Оказалось — мимо склада проходила охрана. АКО-2 быстро достал из кармана кусачки и перекусил провод, соединявший мину с часовым механизмом. Только после этого он мог с облегчением вздохнуть. Мина теперь стала простым куском железа. Дождавшись, когда охрана склада отойдет подальше, АКО-2 раскрыл дно коробки, достал мину, вес которой не превышал двухсот граммов, положил ее в карман брюк и вновь осмотрел коробки...

Время стлета «гавайской птички» по-прежнему сохранялось в строгой тайне. Было объявлено лишь, что вылет откладывается самое маленькое на сутки. Он может состояться завтра, послезавтра или через несколько дней. Даже доверенным офицерам из аэродромного обслуживания об этом будет сообщено за тридцать шесть часов до отлета.

Надо было, не теряя времени, восстановить мину! Командир отряда Фи Ван лично взялся за выполнение приказа командующего. Он принял решение вызвать Чан Куанга в город и произвести ремонт на месте.

После обеда на город обрушился неожиданный ливень. Дождевые капли постукивали по жестяным крышам приземистых домиков в переулке, будто отбивая барабанную дробь. Решетки уличной канализации с шумом втягивали в себя мутные, пенящиеся потоки воды с плавающим на их поверхности мусором.

Мать Као Суана все дни с раннего утра до вечера проводила на рынке. В обязанности сына входило дважды за день провезти ее на «хонде» на рынок и обратно. Као Суан бросил учебу, не закончив средней школы, несмотря на протесты матери. Свой поступок он объяснял так: оставаясь дома, ему легко удастся избежать мобилизации в армию. В доме у него был тайный закуток, из которого наружу вел узкий, словно мышиная нора, лаз, заканчивающийся возле кучи мусора. Као Суан был очень непоседливый человек, и в городе не осталось ни одного переулка или тупика, где бы он не побывал со своими друзьями...

Струи дождя хлестали в окно, однако Као Суан не стал закрывать створки. Он не обращал внимания на то, что уже весь вымок, и не отходил от окна. Сегодня он был печален и задумчив, чего почти не случалось с ним. Подойдя к столу, он выдвинул ящик и достал трубку. Он давно уже не брал ее в руки, и за это время трубка покрылась слоем зеленоватой плесени. Као Суан вынул из кармана платок, протер трубку, полюбовался ею, взял в рот, со свистом потянул воздух. Вспомнив, что давно не покупал табака, он вздохнул, молча швырнул трубку в стол и услышал, как она ударилась о стенку ящика.

Као Суан снова подошел к окну, прислушался к стуку дождевых капель, и постепенно на душе у него стало легче. Неожиданно он расхохотался, представив себе, как побледнеет и испугается жена майора, когда увидит не-

понятным образом попавший в ее сумочку пистолет. Уже-то полицейский наверняка не решился обыскивать!

Однако вспышка веселья была короткой, как взрыв хлопушки. Он снова помрачнел: отомстить врагу Киеу Хоа не удалось, а пистолета он лишился!

Као Суан взглянул на светло-зеленый домик в начале переулка... В глубине переулка виднелась высокая крыша другого дома, с плотно закрытыми стрельчатыми окнами. Погиб ли Там так же, как и Ты Данг, об этом во всем переулке, по-видимому, никто не знает, кроме хозяина этого фешенебельного особняка. Ведь это он подсказал Киеу Хоа, что надо дать взятку, чтобы добиться освобождения отца. Никто не знал настоящего имени этого человека, и все привыкли называть его старым громким титулом, который он получил во времена правления французских генерал-губернаторов Катру и Деку: управляющий департаментом юстиции, или сокращенно — господин управляющий. Ходили слухи, что господин управляющий пользовался весом в персоналистской партии¹, вел там какую-то работу. Говорили также, что он носит чин полковника республиканской армии, но предпочитает ходить в штатском. Особняк господина управляющего всегда тщательно охранялся. Он стоял массивный, как блокгауз, другой стороной выходя на широкий проспект. После того как власти казнили Ты Данга и арестовали Тама, господин управляющий злорадно полагал, что переулок полностью очищен от коммунистов и здесь более никто не решится и слово сказать против государства. Тем не менее, всякий раз уезжая из дому, он брал с собой громилу охранника с покрытыми шрамами лицом и шеей.

В своем доме господин управляющий часто принимал много американцев и старших офицеров сайгонской армии. Одно время у него бывали Смит и майор Тхи. Даже чрезвычайный и полномочный посол США Кэбот Лодж и полковник Эдвард Лэнсдейл как-то заехали к нему в дом на десять — пятнадцать минут.

Као Суана господин управляющий никогда не приглашал, но парень нашел способ проникнуть в особняк. Не для того чтобы полюбоваться одетой, как принцесса, дочерью хозяина — по мнению Као Суана, эта девушка, даже если осыпать ее бриллиантами, не стоила и мизинца

¹ Реакционная организация, существовавшая в Южном Вьетнаме при Нго Динь Зьеме. — *Прим. пер.*

Киеу Хоа. Као Суану хотелось узнать, кто окружает господина управляющего, подурочить его дочь, а главное — поинтересоваться судьбой Тама.

Дождь начал ослабевать, а затем и совсем прекратился. Солнечные лучи хлынули через окно, заиграли на стене, на листьях цветов, осветили грустное лицо Као Суана. Он часто-часто заморгал, высунул голову на улицу и прислушался. Около ворот его дома, скрипнув тормозами, остановилась военная машина.

Као Суан инстинктивно отпрянул от окна, быстро достал из стола нож и положил его в карман брюк.

Из машины вышли майор морской пехоты и юноша, одетый в форму республиканской молодежи. Као Суан растерялся, узнав в майоре того человека, который шел рядом с красивой женщиной, в чью сумку он подложил пистолет в день обыска на аэродроме Таншоннят.

— Здравствуй, молодой друг, — сказал майор и широко улыбнулся. — Не узнал?

— Узнал, — стараясь не показать волнения, ответил Као Суан, не вынимая рук из карманов. — Ведь таких, как вы, каждый день полно на улицах. Садитесь. — Он вынул из кармана левую руку и указал на стоявшие в комнате стулья.

— Молодец! У тебя есть все данные для того, чтобы стать героем. Но, — неторопливо продолжил майор, — дело это не такое простое...

Устремленный на Као Суана взгляд майора был необычным, но вовсе не похожим на злобные, волчьи взгляды сотрудников тайной полиции.

Офицер искренне улыбнулся и продолжил:

— Моя супруга хотела бы вернуть тебе подарок, который ты ей преподнес на аэродроме. Она говорит, что тебе он нужнее, чем ей.

— Какой еще подарок? — спросил Суан, пожимая плечами.

— Да вот этот. Разве не так? — Майор достал пистолет, вставил в него обойму, торжественным жестом отдал Као Суану и скрестил руки на груди. На губах его по-прежнему играла улыбка, и ничего настораживающего в его действиях Као Суан не почувствовал.

— Вы не боитесь, что я вас перестреляю?

— Нет. Во-первых, я боец Армии освобождения. Во-вторых, я твердо уверен, что ты не будешь стрелять в человека, который тебя спас. — Заметив изумление Као Суана, майор продолжал: — Не веришь? Не обращай вни-

мания на нашу форму, не каждый носящий ее — подлец и убийца. Мы бойцы Армии освобождения. Народ — уши и глаза нашего фронта, поэтому наши люди есть везде. Ты думаешь, что твой пистолет случайно попал в сумочку «госпожи майорши» и мы этого не заметили? — Он весело рассмеялся и покачал головой. — Да ведь она специально приоткрыла «молнию» на сумочке, чтобы ты опустил туда пистолет и спасся.

Као Суан положил пистолет на стол, крепко пожал руку незнакомцу:

— Вот это да! Вы меня восхищаете!

«Майор», конспиративное имя которого было ТК-1, обнял Као Суана за плечи и радостно рассмеялся:

— Ты не против, если мы станем побратимами? Уничтожение Смита в той обстановке было бы равнозначно самоубийству. Надо избегать случайностей, авантюризма — тебе это понятно?

Као Суан покраснел и кивнул:

— Но я все-таки должен ему отомстить! Подскажите мне, как это сделать.

— Обсудим это позже, — ответил ТК-1. — Сейчас же позволь этому человеку, — указал он на юношу в республиканской форме, — зайти в твою комнату на несколько минут. У него свои дела, у нас с тобой — свои... Продолжим разговор о Смите...

Чан Куанг разложил инструменты на столике в комнате Као Суана. Он начал разбирать мину, возвращенную АКО-2. Холодок пробежал у него по спине: механизм был остановлен менее чем за минуту до взрыва. АКО-2 вырвался из объятий смерти, когда у него оставались считанные секунды.

— Чуть было не погубил товарища, — проговорил Чан Куанг. Он не знал АКО-2 в лицо, но дал себе обещание, что в случае встречи расцелует его и скажет: «Теперь тебя можно бить молотом по голове — однажды избежав смерти, ты будешь жить долго!»

Не прошло и пятнадцати минут, как Чан Куанг закончил ремонт мины и придал упаковке первоначальный вид. В соседней комнате Као Суан в это время подробно рассказывал «майору» о доме управляющего.

Отлет инспекционной группы МААГ на Гавайи вновь был отложен на несколько дней. Советник-профессор, специалист по части колючей проволоки, после опасной по-

ездки в Камрань, Дананг, Коншон¹ неважно себя чувствовал. Ему надо было хорошенько отдохнуть.

Президент Республики Вьетнам пригласил его в Далат. Он был уверен, этот американский архитектор, уставший от работы с колючей проволокой и цепями, любясь пейзажами Далата, сможет развеяться и отдохнуть душой. Это ему столь же необходимо, как перемена меню — например, тушеной говяжьей печени на мозги барашка. Эту идею Нго Динь Зьему подсказал его брат Нго Динь Нью. Советнику понравилось это предложение. Он надеялся, что в этом самом красивом городе-курорте Вьетнама ему станет легче.

В Далате для американского гостя был подготовлен величественный особняк с видом на озеро Суанхьонг, расположенный на склоне холма, как бы застланного бархатистым ковром зеленой травы. Вокруг особняка целый день шелестели на ветру ветки елей. Здесь, если гость проявит желание — а от этого еще никто из господ не отказывался, — всегда найдется симпатичная «туземная красotka»...

Желания профессора, однако, несколько отличались от желаний братьев Нго. Ему нужен отдых? Да! Но у него есть более важное дело. Он на деле беззаветно служит своему президенту, для него интересы Уолл-стрита превыше всего. Он прибыл сюда, чтобы вместе с «живым святым» ЦРУ в Сайгоне Эдвардом Лэнсдейлом проверить, как готовятся в военном училище Далата верные США люди, и сторговаться с японской фирмой, расположенной в гостинице «Палас», об одном весьма специфическом и деликатном товаре.

Сопровождать профессора в Далат было разрешено Аркбутану. Проведя тонким и белым, как у девушки, мизинцем по своим дикой формы усам, он похвастался при встрече Ми Лиен и Бать Иен:

— Господин советник будет выступать на далатской «ферме».

«Ферма»! Х-5 вспомнила непонятное название, упоминавшееся в донесении АКО-2 в день прибытия инспекционной группы МААГ на аэродром Таншоннят.

— Что это такое — название новой гостиницы в Далате? — спросила Ми Лиен с наивным видом.

¹ Камрань — военно-морская база США во Вьетнаме, Дананг — город, где располагались военно-морская и военно-воздушная базы, Коншон — каторга для политзаключенных. — *Прим. пер.*

Аркбутан расхохотался, однако тут же прервал хохот и небрежно ответил:

— Так называют военное училище в Далате. Мы едем туда вместе с профессором. Я тоже выступлю с лекцией перед курсантами училища.

— На какую тему? — поинтересовалась Ми Лиен.

— Тема лекции: «Архитектура США — вершина современного зодческого искусства».

— Как интересно! — воскликнула Бать Иен и повернулась к Ми Лиен. — Вот бы нам с тобой послушать выступление господина советника и особенно лекцию нашего друга!

— Для меня не составит труда устроить это. Ваше присутствие поможет мне выступить интереснее или... — Аркбутан хитро улыбнулся: — ...или провалиться.

— О! — засмеялась Х-5, слегка пожав плечами на американский манер. — В таком случае мы просто не осмелимся поехать.

— Что вы, что вы! — поспешно замахал руками собеседник. — Я вас приглашаю и сам проведу на лекцию как своих учениц.

В Далат они вылетели вместе — Х-5, Ми Лиен, Хоанг Фыонг и Аркбутан.

Постороннему человеку было непросто попасть в это военное училище. Но Аркбутан представил двух своих новых учениц дяде — полковнику политической службы, которого называли господином управляющим департаментом юстиции. Оказалось, это был тот самый человек, который жил в фешенебельном особняке в начале переуллка и к которому обращалась Киеу Хоа с просьбой помочь в освобождении отца. Этот полковник был влиятельным доверенным лицом в папской семинарии и училище психологической войны в Далате. Он считался ведущим преподавателем лекционного курса, составленного по американским программам. Господин управляющий разрешил девушкам присутствовать на лекции с демонстрацией фильма, которую должен провести американский профессор.

Глаза офицеров были направлены на двух красивых девушек, сидевших среди гостей. Профессор — специалист по колючей проволоке — узнал певицу, обожавшую архитектуру, которую он встречал на приеме, кивнул ей.

Это вызвало некоторое недоумение собравшихся в зале. Любопытство в их глазах сменилось почтительностью. Ми Лиен улыбалась, будто не замечая окружаю-

щих. Она взглянула на ряд кресел, где сидели молодые эксперты, сопровождающие инспекционную группу. Просторная, величественная аудитория была оборудована по современному, в чисто американском духе: каждое место для слушателей было снабжено наушником, имелось оборудование для демонстрации кинофильмов.

До просмотра фильма перед собравшимися выступил профессор. В полном молчании аудитория внимала каждому его слову, произносимому раздраженным, хрипловатым голосом. Профессор коснулся философских вопросов и особо подчеркнул тезис: «Справедливость жестокости». Он говорил:

— Бойцы форпоста свободного мира! Запомните, ваша миссия заключается в решительной борьбе с передовыми отрядами мира безбожников. В этой огненной схватке жестокость с нашей стороны является справедливой. — Профессор на мгновение остановился, вытянул шею, высоко поднял руку и медленно проговорил, чеканя каждое слово: — Все, что содействует нашей победе, справедливо, даже если это звериная жестокость.

Эти слова профессора были встречены шумными аплодисментами.

— Помните, — продолжал он, — что американцы на вашей стороне. Они всегда готовы помочь. История свидетельствует, что, когда американцы идут в бой, они одерживают победу! — Чем больше распалялся профессор, тем громче он говорил. — Во имя благоразумных целей свободного мира, во имя национальной справедливости, во имя священных идеалов всевышнего и победы нам не должна связывать руки никакая мораль! Вы должны идти вперед, ни на минуту не поддаваясь сомнениям, окропляя кровью врага ваши почетные награды. Будьте такими, как Нгуен Као Ки, который выступил со ставшим всемирно известным заявлением. Он сказал, что преклоняется перед Гитлером, считает его своим идеалом, и выразил мнение, что для победы во Вьетнаме надо четыре Гитлера. Одним из них, естественно, он считает себя. Кто из числа офицеров Республики Вьетнам, прошедших подготовку в этом специальном учебном центре, станет вторым, третьим и четвертым? Я желаю, чтобы никто из вас не стал вторым, третьим и четвертым. Почему? — Профессор выдержал паузу. — Вы наверняка удивлены. — Он широко развел руки перед аудиторией, сидящей с изумленными глазами, с приоткрытыми ртами, и оглушитель-

но крикнул, почти проревел: — Потому, что все вы будете гитлерами.

Слушатели подскочили, словно подброшенные пружинами. Только Лэнсдейл, который вообще редко улыбался, скривил губы в усмешке. Все шумно приветствовали остроумное пожелание советника. Х-5 незаметно дернула Ми Лиен за рукав, и обе девушки вскочили, аплодируя не менее остальных. Профессор, дядя Аркбутана, деканы факультетов и генералы, увидев это, одобрительно закивали и еще громче зааплодировали. Профессор, указывая на Х-5 и Ми Лиен, сказал что-то своему соседу и знаком подозвал Аркбутана. Через минуту Аркбутан с сияющим лицом подбежал к девушкам:

— Господин профессор интересуется, не хотите ли вы, девушки, тоже стать гитлерами?

— Боимся, что у нас не хватит способностей, но вам мы этого искренне желаем, — ответила Х-5.

Когда в аудитории восстановилась тишина, профессор продолжил:

— Господин Лэнсдейл попросил меня напомнить вам, что каждый из офицеров, проходящих здесь подготовку, должен наводить ужас на вьетконговских партизан. Но об этом не надо говорить открыто, как это сделал Ки, особенно перед журналистами: враг может использовать такие заявления в своих интересах. При необходимости нам надо быть даже иллюзионистами: наносить по врагу удар железным кулаком, но, выставляя этот кулак на всеобщее обозрение, скрывать его под лайковой перчаткой.

Все вновь шумно зааплодировали, и только Лэнсдейл опять скривил губы и закивал.

Фильм начался с дикторского текста, ясного и недвусмысленного: «Вы видите концентрационные лагеря гитлеровцев в Польше... Чехословакии. Давайте сравним их с сайгонскими тюрьмами, Коншоном и «стратегическими деревнями», которые отрезали вьетконг от его «рисового мешка».

На экране возникли места содержания политических заключенных — «тигровые клетки», «коровники»... Диктор продолжал: «Такова современная архитектура, позволяющая превращать жестокость в искусство, которое смягчает железные сердца коммунистов. Она делает ненужным немедленное массовое уничтожение заключенных в крематориях, к которому прибегал Гитлер. Она сочетает физическое уничтожение с уничтожением духовным. Иначе говоря, духовное уничтожение — цель, а фи-

зическое уничтожение — средство. Цель достигается, когда заключенный превращается в животное».

Ми Лиен сжала губы, боясь расплакаться. Х-5 твердым взглядом смотрела на экран, на котором был виден длинный ряд «тигровых клеток». Каждая клетка насчитывала три метра в длину, три в ширину и несколько десятков метров в высоту. Ее цементный пол служил узникам и постелью, и отхожим местом. Заключенные, в одних трусах, вповалку, скорчившись, лежали на полу. По ночам их мучил холод, ветер проникал до самых костей. Узников терзали голод и жажда. На экране возникли худые тела — скелеты, обтянутые кожей, которые двигались в полумраке. Они смотрели вверх, на мостки над «тигровыми клетками», по которым взад-вперед ходили часовые. Заключенные не знали, когда им сверху плеснут ведро холодной воды. Они вздрагивали и ежились под потоками воды, неожиданно обрушившимися на их тела, или под ледяными каплями, которые всю ночь методично, как иголки, вонзались в израненную плоть.

Диктор продолжал: «Давайте заглянем в их сердца! Кипят ли они? Нет, они обледенели! Заключенные стонут и кричат». В фильме были кадры о том, как один из узников, не выдержав мучений, согласился дать показания. Диктор заключил: «В конечном счете размягчаются даже железные сердца».

Зрители снова зааплодировали.

Когда кончился фильм и Х-5 и Ми Лиен вышли под голубое небо и вдохнули прохладный и свежий воздух Далата, им показалось, будто они сами только что вырвались из «тигровой клетки». Девушки в сопровождении Аркбутана и Хоанг Фыонга объехали на машине озеро Суанхьонг, остановились около Озера вздохов — места, откуда немало девушек, отчаявшихся в жизни, бросились в волны. Наверное, именно поэтому некоторые называли это озеро Озером последнего вздоха.

Приближался вечер. Грациозные силуэты ив, словно девушки с распущенными волосами, склонились над кристально чистыми водами озера. На склонах холмов под покрывалом белоснежных облаков, освещенных розовыми лучами, и лазурью неба виднелись великолепные виллы, похожие на дворцы. «О, Далат! Земля народной мечты, жемчужина, попавшая в руки злых драконов!» — думала Ми Лиен, очарованная красотой пейзажа. Повсюду кишели республиканские солдаты, военнослужащие спецвойск в маскировочной пятнистой форме, десантники в

красных беретах. Огромное, занявшее почти целый холм здание папской семинарии неподвижными глазами окон смотрело на паству, следя, как она выполняет догмат о «справедливости жестокости», который, видимо, внесен в одну из глав священного писания. В окнах мелькали силуэты монахов; какой-то пастор, погруженный в размышления, медленно тащился по дороге в семинарию.

Навстречу девушкам шли трое молодых американцев. Когда они приблизились, Аркбутан был вынужден познакомиться с девушками.

— Это мои ученицы, — сказал он.

Американцы переглянулись, улыбнулись и обменялись с девушками крепкими рукопожатиями. Аркбутан заметил, что симпатичный американец с вьющимися каштановыми волосами задержал руку Бать Иен в своей руке дольше чем положено. Это ему не понравилось, и он, разозлившись, сказал Бать Иен на своем родном языке:

— Пойдем, ну их к черту!

Сын сенатора поспешил повести девушек в кафе.

— Это ваши знакомые? — спросила Ми Лиен у Аркбутана. — Наверное, как и вы, они хорошо разбираются в архитектуре?

— Эти? Да они полные профаны! Только и умеют стрелять исподтишка да вести дьявольскую игру.

— Вы очень смелый человек, если решились сказать, что эти господа способны лишь вести дьявольскую игру, — рассмеялась Х-5. — Из одной компании с вами — и вдруг не разбираются в архитектуре?

— Мы из разных компаний. Эти — из «форта Пери». Пользуются расположением начальства и возомнили, что они — соль земли. На деле же у них талант только к ночным прыжкам с парашютом.

— Но они тоже близки к профессору?

— У них своя работа, у меня — своя, — уклончиво ответил Аркбутан.

Их разговор прервал автомобильный сигнал...

Многочисленный рынок Далата, расположенный на уступах холма, вдруг пришел в смятение. Люди бросились куда-то бежать, расталкивая окружающих. Послышались испуганные крики. Все в ужасе шарахалось от джипа, в котором ехал майор в пятнистой маскировочной одежде. На штыре над капотом машины торчала отрубленная человеческая голова. Кожа на ней посерела, волосы были в запекшейся крови, пятна крови виднелись и на капоте машины. Майор громко объявлял в мегафон:

— Посмотрите, посмотрите! Такая участь ждет каждого вьетконговца! Пусть посмотрят те, кто их скрывает!

Под эти часто повторяемые слова и дьявольский хохот майора, усиленные мегафоном, машина продвигалась вперед. Майор был еще молод. Он оскаливал зубы, хохотал, пытался придать себе величественный вид... Автомобиль промчался по улицам, проехал и перед папской семинарией. Прогуливающийся около нее священник поднял глаза, бросил равнодушный взгляд на машину и спокойно и безразлично пошагал дальше, как будто не увидев ничего заслуживающего внимания. Потом машина направилась к Долине любви. Здесь майор остановил джип на еловой аллее, вышел из машины, встал одной ногой на подножку, другой — на переднее колесо, ухватил отрубленную голову за волосы правой рукой и приказал солдату-водителю сфотографировать его на память. Затем машина продолжила путь. Сигналя, она подъехала к Озеру вздохов.

Ми Лиен прикрыла глаза рукой и спряталась за спину Хоанг Фыонга. X-5 не двинулась с места, продолжая смотреть на майора. Аркбутан скрестил руки на груди и, улыбаясь, сказал Бать Иен:

— Этот тип не хочет быть вторым гитлером после Нгуен Као Ки. С точки зрения архитектуры, следовало бы укрепить на машине две головы вьетконговцев, для симметрии.

X-5 слегка вздрогнула и отодвинулась от него. Глядя вслед машине, она, склонив голову, мысленно попрощалась с неизвестным товарищем. Джип постепенно растворился в начавшем опускаться тумане. Белое облачко укрыло вершину горы Амбьян, накинуло траурное покрывало¹ на холмы и деревья. Слезы росы сделали расплывчатым свет только что зажегшихся фонарей.

Вечером того же дня, слушая в аудитории училища лекцию Аркбутана, X-5 и Ми Лиен не смогли запомнить ничего из того, что он говорил. Совсем другое занимало их. Ко многим тайнам надо было найти ключ. В чем состоят планы врага? Этот вопрос задал командующий отрядами особого назначения района Сайгона — Зядиня. Поисками ответа на него был занят и командир отряда Фи Ван. Какие выводы можно сделать из сегодняшних событий в военном училище Далата? По сообщению Востока,

¹ По вьетнамской традиции, цвет траура — белый. — *Прим. пер.*

американская дивизия «Тропическая молния»¹ к чему-то готовилась. Профессор, которому девушки дали кличку Колючая Проволока, говорил об американских войсках, находящихся в полной готовности. К тому же здесь были и молодые американские эксперты, которые, по словам Аркбутана, умели лишь вести дьявольскую игру, и это были люди из «форта Пери». Затем слово «ферма», произнесенное Аркбутаном и совпавшее с донесением АКО-2... Являются ли МААГ, «форт Пери» и «ферма» тремя звеньями одной цепи или это только оболочка, лживый камуфляж, разные лица одного и того же подлека — дяди Сама?

...Лишь вернувшись к себе в комнату и оставшись наедине, девушки смогли немного расслабиться. Как только они расстались с Аркбутаном и сыном сенатора, проводившими девушек до лестницы, Ми Лиен сказала подруге:

— Как трудно было заставить себя громко хлопать в ладоши, когда Колючая Проволока пожелал всем им стать гитлерами!

— Мы с тобой аплодировали их горячему желанию разделить судьбу Гитлера, правда?

Ми Лиен негромко засмеялась, но потом снова загрустила, вспомнив отрубленную голову погибшего патриота на капоте машины садиста-майора. Об этом же подумала и Бархатная Роза.

Наступила поздняя ночь, и столбик термометра опустился до пятнадцати градусов. Весь Далат окутался густым покровом тумана. Именно в этот момент Колючая Проволока договорился наконец с японцами в гостинице «Палас» насчет приобретения особого товара. Какого товара? Обе стороны взяли обязательство хранить это в полной тайне.

Ми Лиен и Х-5 пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим спальням. Только добравшись до постели, Ми Лиен смогла наконец освободиться от напряжения. Слишком много испытаний пришлось ей пережить за этот день. Она заплакала, плечи ее затряслись... А в своей комнате рыдала Бархатная Роза. Обе они думали о погибшем безвестном товарище... Свободно лившиеся слезы облегчили их души, и девушки почувствовали себя так, будто только что оправились от приступа тяжелой болезни.

¹ Кодовое название 25-й дивизии армии США, расквартированной на Гавайях. — *Прим. ред.*

Не успела новая партия грузов прибыть на склад аэродрома Таншоннят, как начался ливень. На улице потемнело.

Раскат грома совпал с раздавшимся в помещении специального склада резким звуком выстрела. Военные полицейские и парашютисты из охраны склада бросились на звук выстрела. Через некоторое время они вынесли из склада труп офицера аэродромного обслуживания, человека лет сорока. Тело его было навывлет пробито пулей, вошедшей в спину. По их словам, на складе они застали коллегу убитого офицера, который с приходом полицейских спокойно вложил пистолет в кобуру. Он проявил бдительность: при исполнении служебных обязанностей пристрелил на месте незнакомца, пытавшегося тайком проникнуть на склад с целью хищения груза. Действия этого человека были высоко оценены американскими должностными лицами.

Смерть некоего офицера не вызвала каких-либо потрясений в жизни аэродрома Таншоннят. По-прежнему взлетали и садились гигантские вертолеты. Пьяные заспанные американцы все так же сломя голову мчались на машинах по дороге из города на аэродром.

Офицер аэродромного обслуживания, получивший поощрение со стороны начальства, на следующий день прибыл на работу ранним утром вместе с несколькими американскими техниками и чиновниками Республики Вьетнам. Рабочие на аэродроме оглядывались на него и вполголоса обсуждали его поступок. Одни говорили: «Внешне, выглядит добродушным, а человека убил». Другие отвечали: «Во времена доллара и Будда переродится». Третьи равнодушно роняли: «Да пусть они все перебьют друг друга».

В восемь часов тридцать минут парашютисты и «эм-пи» выстроились вдоль дороги, ведущей на летное поле. Груз был полностью погружен в самолет. Сверкающие зеркальным блеском лака автомобили остановились перед залом для почетных гостей. Из машин вышли члены инспекционной группы МААГ. Вице-президент Республики Вьетнам приветствовал их низким поклоном, затем поспешно поднял голову и обеими руками начал пожимать протянутые к нему руки «защитников справедливости» — господ советников.

Загремели медные трубы. Журналисты, кино- и телеоператоры засуетились. Члены группы пожали руки министрам, генералам и чиновникам, приехавшим на про-

воды. Министр иностранных дел от имени президента разразился тирадой на английском языке, в которой восславлял США и желал высоким гостям успешного возвращения. Однако делегация возвращалась домой не в полном составе — не хватало молодых американцев из «форта Пери». Рядом с полковником Эдвардом Лэнсдейлом, человеком, сыгравшим главную роль в сколачивании режима Нго Динь Зьема, стоял Колючая Проволока.

Архитектор, цедя слова, говорил:

— В психику наших людей, занимающихся тайными операциями, надо глубоко внедрить веру в то, что человеческая мораль и социальные нормы не имеют для нас никакого значения. Во имя высших целей глобальной безопасности мы в нашей работе не должны сдерживать себя никакой этикой. Господин Лэнсдейл! Президент высоко ценит успехи, достигнутые вами. Именно на основе этих замечательных результатов мы должны в еще большей степени закрепить понимание того, что решающее значение в тайных операциях имеют чисто практические факторы: нужно ли нам это? выполнимо ли это? может ли быть операция сохранена в тайне?

Что имел в виду Колючая Проволока? Хотел ли он оправдать проектируемое им строительство ужасных «тигровых клеток» или пытался убедить Лэнсдейла в необходимости определенной для Нго Динь Зьема и его брата судьбы?

Члены группы поднялись и направились на летное поле. Господа советники шли медленно и чинно. Поднявшись по ступенькам трапа, они исчезали в чреве стального красноклювого чудовища. Заработали двигатели, оглушая ревом воздух. «Гавайская птичка» прилетела с Гавайев и сейчас улетала обратно. Она тяжело пробежала по взлетной полосе и, набрав скорость, поднялась вверх. Множество рук махало ей вслед. Прощаясь с Сайгоном, «птичка» должна была сделать три круга.

Километрах в десяти от аэродрома, в доме одного из активистов Фронта освобождения, Бархатная Роза смотрела в окно в сторону аэродрома, с трепетом следя за тем, как самолет группы МААГ поднимается к пелене белых облаков. Судьба его скоро решится. Когда он зайдет на второй круг, мина разнесет пилотскую кабину, самолет окутается черным дымом, и вся банда вместе с ее теорией «справедливой жестокости», вместе с особым грузом презратится в ничто. Миниатюрный фотоаппарат девушки за-

печатлеет этот момент. «Птичка» закрутится, закувыркается и с грохотом врежется в землю...

Самолет прошел над головой Х-5. Отчетливо был виден его длинный фюзеляж, сверкающий в лучах солнца. Самолет пронзил нижний слой облаков и послал к земле дикий рев двигателей. Казалось, самолет требует, чтобы все с трепетом и замиранием сердца следили за ним, задрав голову, поражались его мощи. Однако даже детишки на улицах не обращали на него внимания. Куда больше их интересовали собственные игры. Девушка подумала, что, кроме нее, никому, похоже, и дела нет до этого самолета. А он пошел на второй круг... потом на третий... Волнение девушки переросло в тревогу. Самолет набрал высоту, стал растворяться в голубом небе... Бархатная Роза разочарованно глядела ему вслед, пока он не превратился в маленькую сверкающую точку на западной части неба свода. Американская «птичка» безнаказанно продолжала полет. Она несла в своем чреве документы, по которым будут разрабатываться новые стратегические планы. После посадки на авиабазе в Гонолулу профессор Колючая Проволока, чин из командования инженерных войск и их приспешники начнут изобретать новые методы политики геноцида в отношении вьетнамского народа... Эта мысль потрясла Бархатную Розу.

«Птичка» получила «корм», но почему она не «запела»? Наверное, через двадцать — тридцать минут такой же вопрос задаст ей и Фи Ван. Как на него можно ответить? Подумав, Х-5 пришла к определенному выводу.

Во-первых, «птичка» могла и не получить «корм». Со вчерашнего дня Х-5 не удалось связаться с АКО-2. Ей стало известно, что на закрытом складе кого-то застрелили — уж не об АКО-2 ли шла речь? Но кто стрелял и почему? Возможно, что план провалился и мина была обнаружена до погрузки контейнера в самолет.

Во-вторых, мина могла не сработать из-за неполадок в подрывной части или в часовом механизме. Однако этот вариант маловероятен: Чан Куанг — способный и опытный минер, отлично сознающий свою ответственность за судьбу организации, за жизнь товарищей.

В-третьих, мина еще может взорваться с задержкой из-за неточности часового механизма.

Анализируя все три варианта, Х-5 так и не смогла решить, какой же из них худший. Ее одолевали тревожные мысли и предчувствия, на глаза набегали слезы. Бы-

ло бы лучше всего, если бы сбился третий вариант. Это было единственное, что еще могло утешить Бархатную Розу.

Чрезвычайный и полномочный посол США в Сайгоне Кэбот Лодж, подойдя на негнувшихся ногах к дворцу Зя Лонга, вдруг круто развернулся и направился назад, к своей резиденции. Высокий и костлявый, он слегка сутулился — то ли под грузом лет, то ли под бременем забот. Проходя через приемную в кабинет, он оставил без внимания приветствие голубоглазой секретарши. Посол рывком поднял телефонную трубку, дрожащей рукой набрал номер и коротко спросил:

— Как там дела, полковник?

На другом конце провода раздался низкий голос полковника Лэнсдейла. От его слов лицо Кэбота Лоджа сморщилось, как резиновая камера, из которой выпустили воздух. Посол бросил трубку и тяжело опустился в кресло. Заглянувшая в кабинет секретарша по лицу шефа поняла, что тот получил неприятное известие...

В это время Х-5 выезжала из города. Ее шифровкой срочно вызвали в освобожденный район. В Кути, сильно пострадавшем от американской авиации, медленно выветривался запах распыленных американцами гербицидов. Желтые, скрученные листья кокосовых пальм бросали уродливые тени на зеркальную гладь реки. Тем не менее повсюду раздавался звонкий детский смех, в школах шли занятия. Приметой новой жизни была и проходившая здесь свадьба. Невеста была известным минером, а жених — снайпером.

В обстановке общего веселья у Бархатной Розы немного притупилось не оставлявшее ее в последние дни чувство беспокойства. Ей впервые не удалось выполнить задание, нанести ощутимый удар по врагу. Командующий не раз говорил ей: «В нашей работе удача приходит не всегда, иной раз и крупно не везет», однако Х-5 считала эти слова простым утешением. Сейчас она переживала, что не справилась с заданием, и не знала, что сказать Фи Вану.

В черном брючном национальном костюме, с наброшенной на плечи полосатой косынкой, разведчица ничем не выделялась среди девушек Кути. Трудно было узнать в ней сайгонскую красавицу, один взгляд которой способен усмирить волка и превратить его в покорную овечку.

Нелегко было увидеть в ней и антикоммунистически настроенную студентку, которая только что побывала в особом учебном центре Далата.

Подойдя к дому, скрытому под густой тенью деревьев, Х-5 услышала доносившийся изнутри смех. Прислушавшись, она с удивлением различила северовьетнамский говор Фи Вана и удивилась: Какое может быть веселье в такой ситуации?

Навстречу девушке из дома стремительно вышел Фи Ван.

— А, это ты! Очень, очень хорошо! — Он крепко пожал ей руку.

Следом за ним вышел еще один пожилой мужчина, с густой шевелюрой, в зеленой защитной форме Армии освобождения. Х-5 не сразу узнала в нем командующего.

— Здравствуй, дочка, не очень устала с дороги? — проговорил он и, тепло взяв девушку за руку, провел ее в дом.

«Товарищ командующий, — хотела было сказать Х-5, — я никак не пойму...»

Но командующий понял ее без слов:

— Знаю, ты волнуешься и переживаешь. Можешь успокоиться: «гавайская птичка» спела свою «песенку».

— Неужели это правда?

— Да, но не в нашем небе. Самолет взорвался во время посадки на Окинаве.

— Как на Окинаве? Ведь он шел на Гонолулу!

— По дороге он залетел на Окинаву. В семь часов вечера мы узнаем свежие новости.

— Но почему взрыв произошел с такой большой задержкой?

— Это все из-за Чан Куанга. Не знаю, что с ним сделать: наказать или объявить благодарность. Ущерб, нанесенный противнику сейчас, конечно, меньше, чем если бы взрыв произошел при взлете или во время полета на большой высоте. Чан Куанг вмонтировал в мину механизм, реагирующий на атмосферное давление. На высоте он не включается и срабатывает только при посадке самолета. — Командующий замолчал. На его добродушном лице не было признаков недовольства. Выпив чашку крепко заваренного чая, он вновь повернулся к девушке и продолжил: — Теперь твоя очередь давать разъяснения. Какие новости у АКО-2?

— Он в безопасности. Товарищ Фи Ван узнал, что в отношении АКО-2 подозрений не возникло.

— Кто был застрелен?

— Убит осведомитель, агент ЦРУ, о котором нас неоднократно предупреждало население. Он следил за АКО-2 и неожиданно столкнулся с ним на спецскладе.

— Товарищ Фи Ван! Почему мне не докладывали об этом осведомителе? У нас есть по нему данные?

— Мы как раз готовили материалы для доклада вам, — ответил Фи Ван.

— Хорошо, — кивнул командующий. — Как на это реагировал противник? — спросил он у Бархатной Розы.

— Из полицейских никто не знал, что он агент ЦРУ. Американское командование объявило АКО-2 благодарностью...

— А ЦРУ пришлось проглотить горькую пилюлю, — рассмеялся командующий и заговорил о другом: — Товарищ Фи Ван сказал, что парней с «форта Пери» не было в составе возвращавшейся на Гавайи группы. Не в Далате ли они остались?

— По словам Аркбутана, часть их осталась в Далате, остальные направились в Сайгон и Вунгтау.

— Аркбутан... Какое странное имя! Расскажи-ка про вторую встречу с ним.

— После того как мы просмотрели учебный фильм и прослушали лекции, Аркбутан обещал показать нам чертежи городского кинотеатра «До Тхань». Он лично участвовал в работе над его проектом...

— Этот кинотеатр предназначен исключительно для американских советников и летчиков, — продолжал за девушку Фи Ван. — Завершение его строительства приурочено к Тэт — празднику Нового года по лунному календарю.

— Хотите мне напомнить о вашем плане в отношении этого кинотеатра? — с улыбкой спросил командующий. — Но я о нем не забыл...

Он снова обратился к Х-5. Его очень интересовало, не говорил ли Аркбутан чего-либо еще об аэродромах.

— Ничего особенного, если не считать того, что он восхищался образцовым с точки зрения современного военного строительного искусства аэродромом в Бьенхоа.

— Это тоже очень интересно. Ты ведь пока не знаешь, что происходит в Бьенхоа. Восток уже сообщил, что американцы намерены создать здесь региональное командование тихоокеанских ВВС. Вопрос сейчас в том, как получить общую схему аэродрома и системы его охраны.

В комнату вошел связист и вручил Фи Вану бланк радиоперехвата. Х-5 издала замечание, что один из абзацев текста отмечен красным крестиком. Фи Ван зачитал его вслух:

— «По сообщению ЮПИ, на самолете инспекционной группы МААГ, летевшем по маршруту Сайгон — Голонлулу, при посадке на аэродром неожиданно произошел взрыв. Самолет загорелся, но пожар был вскоре потушен. Два члена делегации погибли. Остальным оказана медицинская помощь. Причины взрыва неизвестны...»

— Причины неизвестны! — повторил командующий и, рассмеявшись, спросил у девушки: — Как, по-твоему, мы должны были бы прокомментировать это сообщение?

— Не знаю. Я никогда не занималась этим.

— Давай попробуем вместе. Можно сказать, что Чан Куанг сумел нанести удар по врагу в его собственном логове. Правильно?

Отважная и решительная в трудной обстановке, Х-5 растерялась. Однако мягкий, отеческий тон командующего ободрил ее, и девушка ответила:

— Я думаю, что тут все ясно и без лишних слов.

— Будем хранить молчание?

— Да.

— Верно, — кивнул командующий. — Нам нельзя позволить ищейкам напасть на наш след. АКО-2 и другим еще предстоит нанести врагу новые удары... Товарищ Фи Ван! Пожалуй, мы можем сделать ряд предварительных выводов. Сообщения Востока и сведения, собранные Х-5, в какой-то степени помогают нам разгадать новые коварные стратегические планы Вашингтона. Итак: «Тропическая молния» к чему-то готовится; во Вьетнам приезжал «специалист по колючей проволоке»; в далакском военном училище выступают фашиствующие молодчики; парни с «форта Пери» остались в нашей стране; в Бьенхоа создается региональное командование ВВС США. Эти факты в сумме важнее, чем уничтожение самолета с группой инспекторов. Это нити, ведущие нас к разгадке темных замыслов «прижизненных святых» из ЦРУ, и мы не должны выпускать их из наших рук. Задача трудная, но выполнить ее надо.

Фи Ван проводил Х-5 на конспиративную квартиру, выделенную для девушки на время ее пребывания в освобожденном районе. Указывая на озерцо перед домом, он с улыбкой сказал:

— Вот и наше Озеро весенних ароматов. А Озера вздохов здесь нет.

— Нет еще и гостиницы «Палас», и папской семинарии, — шутливо подхватила Х-5. — Для меня дни в освобожденном районе — это дни отдыха, без тревог и нервного напряжения.

Фи Вана глубоко тронули эти слова. Он понял, что Хонг Нюн не нуждается в утешениях, и замолчал. Девушка правильно истолковала молчание этого человека, которого она очень уважала. Она обиделась бы, если бы он обращался с ней как с ребенком.

— И все же, Фи Ван, меня беспокоит одно дело.

— Наверняка история с сыном сенатора, не так ли?

— Да, он чрезвычайно умело маскируется...

— Но ведь мы о нем многое знаем, тогда как о нас он не знает почти ничего. Так что мы по-прежнему в выгодном положении. Пусть он продолжает разыгрывать спектакль. Для нас сейчас самое важное — соблюдать строгую конспирацию и не выпускать и его, и Аркбутана из поля зрения.

— Соблюдать конспирацию, — повторила девушка. — Кстати, вы очень умело изменяете свою внешность.

— Да уж стараюсь, — со смехом ответил Фи Ван.

— Даже АКО-2 сначала не понял, что эlegantный коммерсант, прибывший, чтобы встретиться с ним и передать ему мину, и командир отряда, принимавший его на партизанской базе, — одно и то же лицо.

— Так же, как никто не заподозрил, что студентка, аплодировавшая желанию курсантов училища стать новыми гитлерами, — боец Армии освобождения. В одном пункте, Хонг Нюн, мы полностью единодушны с Лэнсдейлом и Колючей Проволокой — в том, что «сохранение тайны — это один из важнейших и решающих принципов практической деятельности». — Смуглое лицо Фи Вана осветилось улыбкой.

...Оставшись одна в пустом доме, Бархатная Роза залюбовалась вечерней панорамой Кути и заметила, что здесь она чувствует себя гораздо лучше, чем в самом фешенебельном особняке Сайгона или Далата. С реки налетел порыв ветра, затерявшийся в зарослях арековых пальм. Здесь не было гор, заслонявших горизонт, или тумана, скрывавшего окрестности. Девушка как бы расправляла крылья, грудь ее наполнялась ощущением простора земли и неба, и Бархатной Розе казалось, что она

поднимается ввысь в теплом воздухе Кути, летит над золотистыми кронами гевей, манговых и сливовых деревьев, отягощенных созревающими плодами.

БАРХАТНАЯ РОЗА

Хонг Нюн остановилась на берегу, у песчаной дюны. Она с грустью смотрела туда, где воды впадающей в море бурной реки смешивались с его волнами. Вот так всегда: в душе человека непременно встрепенется что-то доброе, теплое, когда он вновь оказывается в знакомых местах. Сердце Бархатной Розы сжималось от грустных воспоминаний... Здесь она впервые встретила человека, который навсегда вошел в ее сердце. Память о нем помогает ей жить, придает сил.

Сегодня вода в реке была теплой. Она как бы несла в себе лучи солнца и аромат рисовых полей, раскинувшихся по ее берегам. Этот аромат был таким сладким, словно материнское молоко. Казалось, он исходит из самых недр родной земли, бескрайней, как и это море. Ветер нес его дальше, к манговым и сливовым садам, к чайным плантациям и тунговым лесам.

И это море, и эта река, и этот аромат вот уже несколько дней лечили сердце девушки, заживляли ее ноющие раны, сближали ее с родной землей. Память уносила девушку в прошлое... Однажды здесь темной ночью она и ее боевые друзья вытащили на берег погибшего партизана. Его застывшие глаза смотрели в вечность. Друзья похоронили его в дюнах. Это был неизвестный солдат. Девушка теперь не помнила, в каком месте находится его могила. Она лишь знала, что погибший покойся где-то здесь. Может быть, его могила ближе к реке. А может, она на том поле, где колосится рис... Он шел здесь, по этому рисовому полю, останавливался на этой дороге, бегущей вдоль реки. Они проходили по одним и тем же местам, но судьбой не было суждено, чтобы они встретились...

Хонг Нюн была первым и единственным ребенком в семье, на долю которой выпало не так уж много счастья.

Двадцать лет назад живший в маленькой деревушке в районе Кути молодой парень Нгуен Ван Фук, которого

позже люди стали называть Нам Фыюком, бросил родные края и отправился на поиски счастья. Придя в Сайгон, он устроился работать на судоверфь Башон. Он встретил и полюбил девушку по имени Нюнг, торговавшую цветами на рынке Бентхань. Счастье пришло к ним вместе с бедностью. Это было еще во времена господства французов, превративших Южный Вьетнам в свою колонию. Самым счастливым для молодых был день, когда родилась дочь. Это было ровно за год до победы во Вьетнаме Августовской революции 1945 года. Молодые счастливые супруги долго обсуждали, как назвать ребенка.

Нам Фыок, смеясь, сказал тогда жене:

— Ты торгуешь цветами, так что знаешь в них толк. Какой цветок тебе больше всего нравится? Давай так и назовем дочь.

Нюнг догадалась, как Нам Фыок хочет назвать девочку. Он не раз говорил ей о своем любимом цветке. Но сейчас она сделала вид, что не понимает, о каком цветке идет речь, и предложила:

— Давай назовем ее Лилией. Люди обожают ее за чистоту и аромат.

Муж заулыбался, но промолчал. А жена продолжала:

— Можно назвать ее Орхидеей. Этот цветок изыскан и изыскан. Чье сердце не становится добрее, когда летней ночью в комнате чувствуется аромат орхидеи?!

Нам Фыок по-прежнему улыбался, но молчал.

— Можно, конечно, назвать ее и Цветком Сливы. Не зря ведь в народе говорят: кто любит мужа, тот варит ему кашу на бульоне из дичи, готовит суп на отваре из цветков сливы, а чай заваривает с зернами лотоса. Аромат цветков сливы нравится всем...

Муж по-прежнему смеялся, но ничего не отвечал.

Жена пристально посмотрела на него. В ее глазах светилась задорная, таинственная улыбка. Она знала, как называется цветок, который ее муж любит больше всего. И знала, как он обрадуется, когда она скажет ему это.

— Назовем ее Хонг Нюн — Бархатная Роза. Тебе нравится?

Он радостно засмеялся и, согласно кивая, сказал:

— Роза — королева цветов. Мы с тобой простые, трудовые люди и не мечтаем стать королями. Но этот цветок прекрасен. Он обладает особым ароматом, и, удивительное дело, когда он увядает и его лепестки опадают, они все еще источают прекрасный тонкий аромат...

Девочке не было еще и трех лет, она только-только

научилась говорить и следом за матерью начала повторять буквы, когда отец, вступив в отряд самообороны города, ушел из родных мест с бойцами Сопротивления¹. Роза постепенно забыла лицо отца. В ее памяти сохранился лишь образ высокого стройного человека с широкой улыбкой. Таким он был и на фотографиях, которые хранила у себя ее мать. Иногда мать исчезала из дому на одну-две недели, оставляя дочь на соседней — семью Ты Данг. Роза не знала, с каких пор их семьи дружат, а когда стала старше, узнала, что дядюшка Ты Данг работал вместе с ее отцом на судовой верфи Бапхон, а его жена, как и мать Бархатной Розы, была продавщицей цветов.

У супругов Ты Данг был сын. В детстве это был пухленький круглолицый мальчик с крепким подбородком и упрямым лбом. Он был старше девочки лет на восемь. Розу он учил читать, рисовать и никому из ребят не позволял дразнить ее. Он называл ее младшей сестрой. Когда ему исполнилось одиннадцать лет, он ушел в отряд самообороны, вступил в армию юных бойцов...

Однажды мать повезла девочку на машине на свою родину. Так впервые Роза оказалась в районе Кути. Девочка растерялась от неожиданности, когда мать показала на стоящего рядом мужчину и часто-часто заморгала.

— Ты что? Не узнаешь отца? — спросила мать.

Действительно, это был человек, изображенный на фотографиях матери, только в жизни он выглядел гораздо старше. Роза бросилась к нему:

— Папа!

Мать заплакала.

Эта сцена навсегда запомнилась девочке... Сегодня ей уже больше двадцати лет, но она не забыла ни одной детали той далекой встречи с отцом.

В 1955 году Нам Фыок вновь встретился с женой и дочкой, когда Бархатной Розе было одиннадцать лет. Еще никогда, пожалуй, в жизни Хонг Нюн не было таких радостных дней.

Отец по-прежнему был немногословен. Он рассказал матери Розы, какой подвиг совершил его друг — облил себя керосином, весь охваченный пламенем, ворвался он в помещение вражеского склада с боеприпасами.

¹ Франция оккупировала Сайгон 23 сентября 1945 г., а 20 декабря 1946 г. началась война Сопротивления вьетнамского народа против французских колонизаторов, продолжавшаяся до 1954 г. — *Прим. пер.*

Девочка бегала по песчаным дюнам, затем стала рвать колосья риса, пахнувшие парным молоком. Через некоторое время она оказалась в роще гевеи. На деревьях красовались огромные гроздья цветов, от которых шел изумительный аромат.

Для встретившихся после долгой разлуки супругов те дни были, пожалуй, не менее счастливыми, чем день их свадьбы. Да и что может принести большую радость, чем встреча с любимым человеком, с которым так долго тебя разлучила судьба?

Нам Фыок с удивлением смотрел на дочь.

— О, она как две капли похожа на тебя! — сказал он жене. — В ее лице нет ни одной моей черты.

Но мать Розы возразила, смеясь:

— А чей у нее взгляд? И упрямство у нее твое!

Недолгими оказались дни счастья. Пришло время, и Нам Фыок должен был уехать в Северный Вьетнам¹. В одно время с ним уезжал на север и сын соседа Ты Данга. Парень старался казаться взрослым. Он важничал в своей военной форме. Но черты его лица, весь его облик были полны юношеской свежести. На прощанье он грубовато, совсем как взрослый мужчина, крепко пожал руку Розе.

Мать Розы и соседская семья Ты Данг стояли в толпе провожающих на пристани. И у тех, кто уезжал, и у тех, кто оставался, на глазах блестели слезы. Люди жали друг другу руки. Кто-то поднял вверх два пальца — всего два года! Подумаешь, два года. Они пролетят быстро, как ласточка в небе. И все же мать Розы заплакала, когда корабль, вздрогнув, отошел от пристани. Она смотрела вслед уходящему вдаль кораблю, пока он не скрылся в голубом просторе океана.

Люди, оставшиеся ждать, считали дни и месяцы до встречи. Но прошло два, а потом еще два раза по два года. Американцы и их марионетки заявили, что они отказываются выполнять подписанные соглашения, и начали шуметь о «наступлении с севера». Мать с Розой по-прежнему жили в Сайгоне. Но им пришлось перебраться жить на другую улицу. Американцы и их марионетки развязали настоящий террор в отношении тех семей,

¹ В соответствии с Женевскими соглашениями по Индокитаю 1954 г. на период до воссоединения страны в 1956 г. подразделения вьетнамской Народной армии эвакуировались на север Вьетнама, а части французского экспедиционного корпуса — на юг. — *Прим. пер.*

члены которых уехали на север. Бархатной Розе пришлось сменить имя. Теперь ее звали Хонг Бан. Она твердо помнила наказ матери, которая учила ее: «Если кто спросит тебя, кто твой отец, ты должна отвечать, что у тебя нет отца с детских лет».

Однажды сайгонский полицейский, прельстившись красотой матери Ровы, захотел взять ее в любовницы. Получив отказ, он ее арестовал. Ее подруги, такие же цветочницы, как и она, собрали денег и дали полицейским. Нюнг оказалась на свободе. Она сразу же включилась в борьбу за освобождение из тюрем других женщин. Ее снова арестовали. Из тюрьмы Нюнг вышла страшно истощенной, изменившейся. В тюрьме ей пришлось вынести жестокие побои и издевательства. Ничего не осталось от ее бывшей красоты. Вскоре она тяжело заболела. Пока Нюнг была в тюрьме, соседи взяли девочку к себе. Теперь они помогали Нюнг лекарствами. Но болезнь не отступала...

Шесть лет прошло с тех пор, как отец уехал на север. Был март. Рожи гевей в Кути покрылись желтыми цветами. Розе было уже больше четырнадцати лет.

Она подошла к матери, которая уже не вставала с постели, уткнулась, словно маленькая, в ее грудь. Капли алой крови выступили на губах у Нюнг. Она стерла кровь платком, внимательно посмотрела на дочь. Слабеющими руками обняла ее и спросила:

— Дочка, ты помнишь отца?

— Да, конечно.

— Он обязательно вернется. Я назвала тебя Хонг Нюн — Бархатная Роза, потому что роза — любимый цветок отца... — Голос матери в этот момент звучал необычно громко. Роза с болью смотрела на нее. Под глазами матери залегли черные тени. Глаза горели болезненным светом. Щеки ее вдруг вспыхнули, на какую-то минуту озарив светом молодости ее уже угасшее лицо.

— Твой отец любил говорить, что, когда роза увядает, ее опавшие лепестки долго сохраняют тонкий аромат. Как бы мне хотелось быть одним из таких лепестков...

Той ночью девушка задремала, сидя возле матери, держа в ладонях ее руку. Когда она проснулась, то почувствовала, что рука матери крепко сжимает ее пальцы. Она была холодной как лед.

С тех пор Хонг Нюн осталась сиротой. Одна супружеская пара крупных торговцев, якобы состоявшая в дальнем родстве с Нам Фыоком, отцом девочки, вяла Розу

на воспитание. Соседи Ты Данг очень удивились этому. Они никогда не слыхали, что у родителей Розы есть такие богатые родственники. Неожиданно для всех бедная девочка оказалась племянницей состоятельных людей.

Новоиспеченная тетушка без конца повторяла Розе: «Ах, как я беспокоюсь за тебя! Ведь капля девичьей крови дороже целого озера воды». Люди меж собой поговаривали, что раньше эту женщину называли кровопийцей, потому что во времена французского господства она сколотила состояние на торгах домашнего имущества разорившихся людей, а затем, выйдя замуж за крупного китайского коммерсанта, сменила фамилию и стала зваться Ми Ле. Теперь она торговала имуществом людей, арестованных американцами и попавших в тюрьму. Ее доходы зависели от того, сколько человек арестуют оккупанты. Поэтому, чем больше проходило в городе арестов, тем лучше было для ее бизнеса. Ну а были это коммунисты или некоммунисты, Ми Ле не касалось.

Кроме распродажи имущества заключенных коммерсант и его жена надеялись еще валяться на продаже строительных материалов для концлагерей. Этот источник доходов был гораздо выгоднее.

У супругов было трое детей. Одну дочку звали Ми Ханг, другую, она была еще маленькой, в честь супруги тайваньского президента Чан Кайши называли Ми Линь. У супругов был еще сын-первенец. Сейчас он находился на учебе в США.

Однажды некий американский советник, которому была представлена семья коммерсантов, даже пошутил:

— В вашей семье одни американцы!

Хозяйка дома ответила на шутку:

— Да, мы все американцы. — Ей явно понравилась эта мысль, и она добавила: — Достигнув совершеннолетия, девочки станут красивыми, будто цветочки — орхидея, роза, мимоза... — Она рассмеялась, явно довольная своим сальным намеком.

— Ого-го! — вторя ее смеху, захохотал советник. — Ну что ж, выпьем за здоровье стопроцентной американской семьи!

Бархатная Роза теперь получила другое имя — Ми Чинь. Жила она в отдельной комнате, правда, не такой большой, как комната Ми Ханг, но зато в своей. Девочка продолжала ходить в школу. Кроме того, матушка Ми

¹ Игра слов: на вьетнамском языке имя Ми означает Америка. — *Прим. пер.*

Ле наняла для нее и своих дочерей учителя английского языка. Но Ми Ханг больше любила брэнчать на гитаре, чем учить иностранный язык.

Ми Чинь носила старые, поношенные платья или те, которые почему-то не припились по вкусу Ми Ханг. С каждым днем она становилась все краше, расцветала, как бутон прекрасной розы.

Прошло несколько лет. Девочка превратилась в красавицу. Черные глаза, загнутые вверх ресницы, брови дугой... Когда улыбка появлялась на алых губах девушки, становился виден ряд ослепительно белых зубов, а на левой щеке появлялась ямочка. Все в девушке дышало свежестью и чистотой. Ми Ханг испытывала жгучую зависть, видя, как расцвела Ми Чинь.

Что же касается хозяйки дома, то она втайне уже подсчитывала, сколько сможет получить за этот «товар» у американских советников. Она заставила Ми Чинь учиться музыке и танцам, с готовностью платила за обучение девушек благородным манерам. В то же время она старалась изолировать Ми Чинь, оберегала от встреч с друзьями. В этом отношении Ми Ле была намного строже с ней, чем со своей дочерью.

Ми Чинь делала все так, как учила ее Ми Ле. Но черные глаза девушки были полны грусти. В доме кровопийц все время было полно гостей. Главе семьи, похотливому старику с рыбьим ртом, люди дали кличку Повеса, хотя он носил фамилию Нгуен Ми Тхуат. В кругу коммерсантов и местных политиканов он был известен как «шеф». Этот заядлый картежник, дебошир, сутяга втайне от жены даже имел наложниц. Но на поприще бизнеса он был весьма ловок, и потому Ми Ле восхищалась им. Он был тесно связан с крупными спекулянтами, «королями риса», «королями сахара». Он безжалостно разорял и пускал по миру своих конкурентов. Философия его была проста: для достижения цели все средства хороши. Если можно свернуть шею конкуренту, — значит, это надо сделать. Если нужно убить, посадить человека в тюрьму, — значит, надо сделать и это. Сунуть кому-то взятку, подкупить, обмануть — все это не составляло для него труда.

В это время он как раз проворачивал аферу со строительными материалами, поступившими во Вьетнам в качестве американской помощи. Он рассчитывал, что за счет этой сделки и продажи с молотка имущества политзаключенных ему удастся кое-что получить. Доход семьи увеличивался и за счет темных делишек самой Ми Ле,

которая продавала рис, перемешанный с опилками, поставляла в тюрьмы протухшую рыбу, объедки, остававшиеся на кухне американской армии, консервы, срок хранения которых уже истек. Чтобы достать такие консервы, нужно было дать взятку крупным чиновникам и американским советникам. Легче всего было договориться с советником Робертом Фостером. Однако тот в качестве платы за сделку кроме долларов попросил познакомить его с Ми Чинь.

Похотливый старик уговаривал жену:

— Ты посчитай как следует, слышишь!.. Если мы отдадим ему Ми Чинь, этого будет достаточно. Посмотри, какая она стала красавица в свои 18 лет. Ну прямо бутончик! Я думаю, этого ему хватит за глаза. Надо торговаться. — Он захихикал. Его рыбий рот жадно раскрылся, словно заглатывая приманку. — Ну что, согласна?..

Ми Ле, конечно, согласилась с ним и приказала Ми Чинь выйти, чтобы познакомиться с советником Фостером. Однако девушка заперлась у себя в комнате. Она горько рыдала, но о ее слезах знала лишь прислуга.

— Как бы я хотела сейчас умереть! — говорила девушка старой женщине, убиравшей в доме.

Старушке от души было жаль Ми Чинь. Она очень хорошо представляла себе, что испытывает эта девушка, и была бы рада ей помочь. Она любила эту красивую добрую девушку, которая была совсем не такой, как заносчивые и грубые хозяева. С прислугой Ми Чинь всегда разговаривала приветливо и искренно.

— Ты еще очень молода, разве можно в твоём возрасте желать смерти? — успокаивала девушку старушка. — Надо искать собственный путь в жизни...

Ми Чинь внимательно прислушивалась к словам этой старой женщины, которая не умела даже читать, но была по-житейски мудрой. Слова старушки поддерживали ее, помогли успокоиться...

Ми Чинь, появившись в танцевальном зале, затмила своей красотой всех других девушек. Ми Ле и ее муж, улыбаясь, переглянулись с советником: мол, все идет так, как вы того хотели. Так что держите ваше слово. Посмотрим, что будет дальше...

Фостер хорошо понял смысл их улыбки. Он улыбнулся в ответ, одобрительно покачивая головой. Они разговаривали только взглядами, улыбками, но хорошо понимали друг друга.

Советник пригласил **Ми Чинь** на танец. Он, уже основательно нагрузившись виски, крепко прижимал девушку к себе...

Танцы продолжались долго. Но **Ми Чинь**, сославшись на усталость, собралась идти домой. **Ми Ле** и ее супруг сразу же поддержали девушку. У них был свой расчет. Для них было главным разжечь страсть американца. Если это удастся, то он согласится на любое их требование.

Роберт Фостер вызвался отвезти девушку домой на своей машине. Как только автомобиль оказался в темной улочке, американец остановил его. Мотор продолжал работать. Выпустив руль, советник набросился на девушку. Ей в лицо пахнуло винным перегаром. Она с отвращением оттолкнула американца от себя. Но он снова схватил ее, прижал к себе. Изловчившись, девушка вытащила пистолет из кобуры на его боку и выстрелила несколько раз подряд прямо в грудь американца. Потом она хладнокровно осмотрела его карманы. Найдя в одном из них зажигалку, зажгла ее и поднесла язычок пламени прямо к сиденью, на котором лежал американец. Затем она вышла из машины и быстро исчезла за поворотом. Через несколько минут вся машина была охвачена пламенем.

В это же время на одной из улиц, неподалеку от гостиницы «Каравелла», был убит еще один американский офицер. Говорили, что за несколько минут до убийства он вышел из гостиницы с какой-то девушкой...

Подобные истории стали довольно частыми в Сайгоне.

Ми Ле и ее супруг после случившегося пребывали в страхе, тревоге и сожалениях. Еще бы! Из их рук уплыла такая добыча! Исчезла **Ми Чинь**, на красоте которой они рассчитывали сделать хороший бизнес. Теперь они всего боялись. Они были уверены, что девушка не могла убить американца, что ее похитили террористы. Об этом **Повеса** и его жена говорили при встрече с военными советниками и политическими консультантами. Они объявили, что уплатят несколько сот тысяч пиастров тому, кто найдет девушку.

После того как власти **Нго Динь Зьема** казнили старого **Ты Данга**, его жена перебралась жить на другую улочку. День и ночь она жила мыслью, которая придавала ей силы: недалек день, когда вернется ее сын. Гибель мужа, арест старика **Тама**, смерть его дочери **Киеу Хоа**, смерть соседки **Нюнг**, жены **Нам Фюока**, — все это

подкосило ее силы. Она ругала себя за то, что не взяла девочку к себе, пока не вернется ее отец. Но кто мог подумать, что неожиданно у Розы объявятся родственники и заберут ее к себе? Порой бедной женщине казалось, что сердце ее не вынесет всех страданий. Со смертью мужа она потеряла опору в жизни. А теперь не было вестей от сына... Все это не давало ей покоя.

И вдруг однажды пасмурным утром для нее как бы взошло солнце, озарив яркими лучами ее безрадостную жизнь. Женщине сообщили — вернулся ее сын Зунг. Правда, он был на нелегальном положении и не мог жить дома, однако время от времени они могли встречаться. Мать узнала, что уже полгода как он вернулся в Южный Вьетнам. Он несколько раз проходил мимо лавки, где мать продавала цветы, однако она не могла узнать Зунга. Быть может, она и по сей день не догадалась бы, что сын вернулся, если бы с партизанской базы, где он скрывался, по надежным каналам ей не передали эту радостную весть. «Ах, какой же он отчаянно смелый! — думала мать. — Весь в отца!»

Встретившись с сыном, она рассказала ему о последних минутах жизни отца и твердо заявила, что готова помогать сыну в борьбе... Впоследствии она стала связной отряда Фи Вана.

Однажды вечером, часов около одиннадцати, она, как всегда, сидела в одиночестве. Мысли ее вновь и вновь возвращались к Бархатной Розе — Хонг Нюн, которую теперь звали Ми Чинь... Девушка давно уже не появлялась в ее доме. А старушка хотела сообщить ей радостную весть, которую услышала от сына: Нам Фюок также вернулся на юг и занимается организацией партизанских баз. Женщине так хотелось, чтобы Роза встретилась с отцом на одной из этих баз. Матушка улыбнулась неожиданно пришедшей ей мысли: «Какая бы это была прекрасная встреча!»

Вдруг в дверь торопливо постучали. Женщина прислушалась.

— Кто там? — тихо спросила она, подойдя к двери.

— Это я. Откройте, пожалуйста!

— О господи, Роза, это ты?

Девушка тяжело дышала. Задыхаясь, она сказала:

— Я только что застрелила американца, пытавшегося обесчестить меня. Как вы думаете, нельзя ли мне как-нибудь пробраться в освобожденный район? Там я бы постаралась найти отца.

Старушка, обняв девушку, внимательно выслушала ее.

«Американцы могут прийти сюда, — подумала она. — Нельзя, чтобы Роза попала в их лапы. Нет, пусть я погибну, но жизнь наших детей не должна оборваться! Необходимо спрятать Розу в надежном месте. Но для этого мне придется отвести Розу на квартиру, где живет сын. Как же быть? Ведь нельзя нарушать конспирацию! Но у меня нет выбора! Зато как они обрадуются, когда увидят друг друга!»

Старушка не ошиблась. Ее сын и Роза ждали этой встречи. Но, когда встретились, вели себя так, будто только что познакомились. Ведь с их последней встречи прошло долгих восемь лет. За это время они превратились в молодых людей. Роза стала милой восемнадцатилетней девушкой, куда более кривой, чем представлял себе Зунг. Он обрадовался встрече, но не посмел взять девушку за руку. Зунг очень смутился. Щеки Розы зарделись. Она потупила взгляд. Ей было немного странно видеть его. Он очень вырос, возмужал. А ведь Ми Ле постоянно твердила, что все вьетконговцы бледные, словно листья ростков банана. Если три вьетконговца, говорила она, залезут на дерево папайи, под тяжестью их тел не обломится ни один лист. Зунг был смуглым, с высоким лбом, ясным, глубоким взглядом. Он показался девушке чем-то похожим на араба.

— Как счастлива твоя мать, что ты наконец-то вернулся! Я очень рада за нее. Но она долго скрывала от меня, что ты здесь. Теперь ты стал северянином? — пошутила Роза.

— А ты вышла в аристократы Республики Вьетнам! — улыбнулся в ответ Зунг. — Хотела бы ты уехать на север? — переменял он тему разговора.

— Это моя самая большая мечта. Ты что-нибудь слышал о моем отце?

— Мне известно, что он несколько позже меня также пришел в Южный Вьетнам и сейчас работает где-то восточнее Сайгона.

— Я непременно должна разыскать отца! — воскликнула она. — Зунг, помоги мне найти его.

Роза вернулась в родные места восемь лет спустя после того, как покинула отчий дом. Последний раз она была здесь за несколько месяцев до того, как ее отец

уехал в Северный Вьетнам. И вот она снова в родной деревне в Кути. Правда, уже нет в живых ее матери.

Роза радовалась, как радуются дети наступлению праздника Тэт. Еще бы! Она скоро вновь увидит своего отца. И эта встреча будет первой после его возвращения в родные места.

В ее воображении отец рисовался ей то худым и изможденным, то плотным, здоровым и смеющимся. Она обязательно расскажет ему о последних днях жизни матери. Для Хонг Нюн образ матери навсегда остался святым и чистым. Она запомнила их последний разговор с матерью от слова до слова. Может быть, отец и не узнает ее? В том, что она обязательно узнает отца, девушка не сомневалась. На его руках сохранились мозоли — следы непосильного труда. У него был пронизывающий взгляд, и все, на кого он внимательно смотрел, не выдерживали и отводили глаза.

Девушка поставила несколько роз в вазу, сделанную из гильзы снаряда. За забором стрекотала сорока, и сердце девушки замирало от радости: сегодня утром... может быть, вечером или завтра на заре придет отец. Каждый раз, проснувшись, она с беспокойством думала, как бы не пропустить встречи с отцом. Днем она ждала вечера, вечером вновь ждала утра... Ее нервы начали сдавать. Неужели он не придет?

Командование отряда также начало проявлять беспокойство. Оно выслало разведчика туда, где должен был находиться Нам Фыок. Ведь с того времени, как Нам Фыок ушел, минуло две недели. Он ушел на разведку во главе группы из трех человек в район военной базы противника в Бьенхоа, чтобы собрать необходимые данные для проведения крупной операции спецподразделения.

О том, что произошло с Нам Фыоком, девушке рассказали бойцы из его отряда...

Группа Нам Фыока выполняла задание командования. Им удалось пройти через все контрольные пункты противника и проникнуть в самый центр Бьенхоа. Изучив обстановку, они начали отходить. Вот-вот должно было взойти солнце. Планировалось, что они на время укроются в подвале одного из домов. Это была явочная квартира бойцов Армии освобождения. Там жили мать с дочерью: матери было лет под сорок, а дочери — не больше десяти. Проводив Нам Фыока и его бойцов в подвал, хозяйка ушла работать в поле. В доме осталась девочка. Чем больше Нам Фыок смотрел на нее, тем силь-

нее она напоминала ему Бархатную Розу, какой она была лет восемь назад. У девочки были черные, красивые глаза. Она быстро, словно яркая птичка, порхала между кустами сливы, прыгала на одной ножке под кокосовой пальмой над самым погребом, в котором скрывались партизаны. Девочка играла с курами, бегавшими по двору, преграждала дорогу маленьким цыплятам, пытавшимся выпорхнуть со двора.

И вдруг раздался оглушительный треск автоматной очереди. Бежавшая по двору курица сразу юркнула под куст, следом за ней бросились цыплята. Девочка не успела убежать, как во двор ввалилась группа солдат в пятнистых, как змеиная шкура, формах. Один из них грубо схватил девочку за руку:

— Говори, где прячутся партизаны! Только быстрее, а то расстреляем.

— Я не знаю. Дома никого нет.

— А ну, показывай скорей! — приказал ей старший группы.

Но девочка молчала, и тогда он в ярости толкнул ее на кучу сухих листьев.

Другой солдат помог ей встать и сладким голосом проговорил:

— Девочка, скажи, а я дам тебе конфету. Покажи нам убежище партизан — мы тебе дадим и денег...

Они уговаривали ее, угрожали, пинали ногами, но она не показала им погреб, где находился Нам Фыок с товарищами. Старший группы снова швырнул девочку на кучу листьев, подошел к ней и заорал:

— Показывай, где скрываются партизаны, иначе я сожгу тебя живьем!

Девочка трясла головой и говорила:

— Я не знаю! Не знаю!

Лицо вояки стало красным. Он зажег спичку и поднес ее к листьям, на которых сидела девочка.

Змейка огня быстро побежала вверх. Огонь разгорелся. Густой дым пополз по земле. В погребе, где сидели Нам Фыок и его товарищи, стало трудно дышать. Пламя добралось до девочки...

Она всегда любила смотреть на огонь. Ведь на огне ее мать варила рис. Огонь согревал их в холодные дни... Сейчас он с треском поднимался по листьям, сбитым в кучу. Он окрашивал все в алый цвет. В эти секунды он был отвратителен, словно чудовище. Его красные языки окружали ее со всех сторон...

Нам Фыока и партизан, находившихся с ним, лихорадило от гнева. Они слышали, как шипит, разгораясь, огонь, как трещат в пламени сучья. До них донесся душераздирающий крик девочки...

Этот крик подхлестнул Нам Фыока. Он дал товарищам сигнал приготовиться к бою. Они мгновенно выскочили из погреба. Это было полнейшей неожиданностью для солдат. Нам Фыок нажал гашетку, и несколько солдат, стоявших у костра, замертво упали на землю. Партизан, прикрывший Нам Фыока, бросил гранату в самую гущу парашютистов и полицейских, стоявших чуть поодаль. Трое из них были убиты наповал. Другой партизан бросился к костру спасать девочку. Пламя уже охватило ее платице. Он сбил огонь с ее одежды, крепко прижал девочку к себе и побежал с ней к соседнему дому. Опомнившиеся вояки бросились за ним. Партизан, прикрывавший его отход, метнул в них гранату. Нам Фыок громко крикнул убегавшему с девочкой на руках партизану:

— Спасай ее, беги! Я задержу их!

Он укрылся за стволом кокосовой пальмы и открыл огонь из автомата. Солдаты боялись приблизиться к нему.

Однако несколько человек, обогнув угол дома, зашли Нам Фыоку со спины. Он оказался в кольце. Их командир с багровым шрамом на лице приказал им взять его живым.

У Нам Фыока в стволе автомата остался последний патрон. «Эта пуля для меня», — пронеслось в его голове. Кольцо окружения сжималось. Пули свистели у него над головой. Он был ранен. Кровь, просачиваясь сквозь рубашку, капала на траву.

Обстановка сложилась критическая. И тогда Нам Фыок переменил решение: «Нет, последняя пуля будет не для меня, а для главаря шайки!» Он поднялся во весь рост, направил дуло автомата прямо в грудь командира сайгонских солдат и выстрелил. Тот взмахнул руками и рухнул на землю. Полицейские и парашютисты все приближались к Нам Фыоку. Прикладом автомата он ударил по голове одного из солдат, потом другого... И тут Нам Фыок почувствовал, что теряет равновесие, будто споткнулся о булыжник. Один из солдат вонзил ему в спину штык. Нам Фыок упал у самой пальмы, и она прикрыла его своей тенью.

Так на поле боя погиб Нам Фыок. Но, погибая, он отомстил за смерть близких людей...

Товарищи по отряду, рассказав его дочери эту историю, дали ей выплакаться. Порой слезы куда лучше утешают, чем любые слова... Спустя некоторое время Бархатная Роза попросила о встрече с командиром подпольщиков. Когда они встретились, командир стал уговаривать ее уехать в Северный Вьетнам. «Ты сможешь учиться в одной из братских социалистических стран», — говорил он. Но она попросила оставить ее в отряде. Ненависть к врагу давно кипела в ее сердце, ненависть острая, словно лезвие меча. Это чувство еще усилилось теперь, когда погиб отец девушки. Когда-то мать рассказывала ей сказку о девушке и драконе. Этот меч был выкован из сердца целомудренной и чистой как родник девушки. Крепче не было на земле металла, чем металл, из которого был сделан меч. Он был выкован из любви, высокой, словно скала, и ненависти, глубокой, будто море. Роза и не собиралась просить кого-либо взять в руки этот меч. Она сама хотела поднять его высоко над головой и вонзить в самое сердце врага. Тогда-то девушка и записала в своем дневнике:

«...6 мая 1962 года отец сложил голову. Его могила затерялась где-то на рисовом поле, недалеко от реки. Мне хочется громко крикнуть и позвать его, но я боюсь, что в ответ услышу лишь эхо собственного голоса. Я так надеялась встретиться с отцом — это был бы самый счастливый день в моей жизни. Но я потеряла отца. У меня не осталось никого. При жизни отец и мать, жертвуя своим счастьем ради борьбы, часто были вынуждены подолгу жить в разлуке. Они умерли, и их прах покоится в разных местах. Навсегда останутся они в моем сердце. Я буду достойна их. Я буду бороться! Я слышу твой голос, отец! Я знаю, что ты хотел мне сказать, погибая: «Борьба — это жизнь».

Хонг Нюн была принята в группу Зунга (кодовое наименование ТК-1) отряда особого назначения, которым командовал Фи Ван. Она стала бойцом незримого фронта, линия которого проходила через ее сердце. Девушка получила подпольное наименование Х-5. Теперь она появлялась в городе то под видом цветочницы, как когда-то ее мать, то под видом студентки, танцовщицы из бара или горничной. Х-5 всегда была готова выполнить любое задание.

Много дней спустя она запишет в своем дневнике: «16 июня 1963 года я вернулась в родные края моего отца. Пусть немного, но я отомстила за отца, за мать,

за себя... 20 июня 1963 года я иду в Сайгон с новым заданием. Постояла несколько минут на песчаных дюнах посреди широких рисовых полей, где покоится прах отца...»

В один из дней второй половины 1963 года в канцелярии господина Лэнсдейла, в разведывательном управлении США в Юго-Восточной Азии и в американском посольстве царил необычный ажиотаж. «Специалист по переворотам» Кэбот Лодж и Лэнсдейл готовили новый, выражаясь на их жаргоне, «цирковой трюк». Нго Динь Зьем и его братец, которых несколько ранее сам же Лэнсдейл вывел на политическую арену, теперь оказались неугодными американцам. Президент Кеннеди и ЦРУ взяли линию на смену лошадей.

Восток наблюдал за манипуляциями дяди Сэма, выбирающего лошадей, и за «цирковыми аттракционами» Лоджа. «Ангелы» ЦРУ в Сайгоне и Юго-Восточной Азии неодобрительно встретили эту ватею. Лодж рассчитывал совершить переворот, надеясь на свои магические способности. Он поручил разработать операцию одному из своих доверенных людей. Лодж тайно встретился с генералами Зыонг Ван Минем, Нгуен Кханем, Нгуен Тянь Тхи и Нгуен Ван Тхиеу... На каждую встречу он отвел по десять минут. И всем советовал:

— Следует прикрыть это так называемое «независимое государство». Нельзя оставлять у руля правления эту пешку, этого тайного агента французской разведки!

Что касается Лэнсдейла, то он гостей не принимал. Его делом было «кроить карту переворота», разрабатывать «план двух рук». Он поспешно схватил портфель с планом развертывания психологической войны и реорганизации государственного аппарата и помчался в Вунгтау...

Аркбутан, талантливый ученик профессора Колючая Проволока, сообщил своей матери, которая занимала в Вунгтау виллу, что он хочет пригласить в гости двух девушек. Одна из них Ми Лиен, певица, а другая — Бать Иен, ее двоюродная сестра, дочь знатных родителей.

Рассветало. Солнечный диск поднимался прямо из морской пучины. Ласково плескались розовые от утреннего солнца волны. Набегая одна на одну, они словно золотой дракон стремились к нависающей над морем го-

ре, своими очертаниями напоминающей белого буйвола. Эта земля называлась Вунгтау. Здесь любили отдыхать американцы и их сайгонские приспешники.

«Вот и ночь прошла, — думала Бархатная Роза. — Тихо, плавно плещут волны, издавая звук, подобный мелодии колыбельной, которую пела мне когда-то мама». Х-5 широко распахнула окно в просторной спальне гостиницы «Палас», где она остановилась. Ее взгляд невольно устремился далеко в море, над которым поднималась утренняя заря. Свет шел как бы откуда-то из глубины. Через какие-то доли секунды солнце вынырнуло из морской пучины, промчавшись своими лучами по гладкой поверхности моря и разогнав последние остатки ночной мглы, прятавшейся в складках прибрежных скал. Будто по мановению волшебной палочки, виллы и гостиницы из серых превратились в розовые. Это было прекрасное зрелище.

«Какая жалость, — думала Х-5, — что такое изумительное по красоте соединение моря с небом можно наблюдать лишь какое-то мгновение, когда утренняя дымка еще не растаяла над Вунгтау, когда обжигающий зной еще не обрушился на прибрежные скалы, когда эти исчадия ада, называющие себя людьми, еще спят, устав после бурной ночи, после пыток и казней».

Поднимающееся солнце все ярче освещало здание, в котором американцы разместили свое учреждение по тайным делам. Сначала из серого полумрака появились стволы четырех огромных, длиною более десяти метров, допотопных орудий, прятавшихся у самой подошвы морского маяка, сооруженного на горе Но. Девушка вспомнила, как накануне Аркбутан назвал этот уголок историческим, достопримечательным... Она оборвала его тогда:

— Ты хочешь сказать об этих двух сооружениях, облепивших гору, не правда ли? Они напоминают французского леопарда и американского тигра рядом с этой горой, похожей на белого буйвола!

— Очень интересное сравнение! — воскликнул Аркбутан и хвастливо продолжал: — Стоя здесь, на этой горе, откуда открывается вид на Вунгтау, я ощущаю себя великой личностью, подобной Наполеону!

Девушка внимательно посмотрела на него. В эту минуту у него был ужасный вид, надменный и воинственный. С каким удовольствием она осадил бы этого выскочку, ударила бы по его отвратительному рыбьему рылу!

Для вьетнамского народа этот край был пядью родной земли, обогрелой кровью еще в 1859 году, когда сюда впервые ступила нога французских колонизаторов. И сколько бы ни прошло лет, сколько бы ни сменилось поколений, народ Вьетнама никогда не простит тех, кто еще в прошлом веке установил эти огромные пушки, кто построил этот маяк, освещающий путь морскому флоту агрессоров XX века.

Х-5 влюбленно смотрела на Вунгтау. Солнце светило с небосвода и как бы говорило девушке: смотри внимательнее, замечай скорее все, что укрывала от твоих глаз ночная тьма... Вот казармы парашютистов, а здесь станция электронного слежения, а на той высокой горе — американская радарная установка. Вот военный порт Катло, а это аэродром для реактивных самолетов. Здесь же здания центра психологической войны, казармы полицейских, диверсантов. Не одна тысяча их уже вышла из этих стен... А вот американские боевые корабли... А вот там, еще дальше, пляж. Скоро на него выйдут загорать американцы. Еще немного, и на дороге Во Тань, что шестикилометровым кольцом опоясывает гору Но, засуетятся советники, жены сайгонских чиновников, дети важных господ.

«Надо слиться с этим потоком людей, стать как бы человеком их мира, — подумала Х-5. — Такая задача стоит передо мной».

Накануне с ней произошла неожиданная история. Она чуть было не встретилась с женщиной, очень хорошо знающей ее биографию. Тогда встречи удалось избежать. Однако обстоятельства сложились так, что сегодня вечером она уже не сможет отказаться от приглашения на ужин, на котором непременно будет и та женщина.

С первой же встречи с Аркбутаном Х-5 не могла отделаться от ощущения, что она уже встречала его у кого-то из своих знакомых. Его не назовешь красивым. Этот рыбий рот, эти страшные усы, тонкие губы очень не вязались с его округлым и розовым, как у девушки, лицом. Аркбутан был очень похож на хозяина дома, где она вынуждена была прожить почти десять лет. Может быть, он сын супругов Ми Ле? Девушка знала, что у Ми Ханг был старший брат. Звали его Хоанг Ми Куок. Он прислал из Америки свое фото младшей сестре. Тогда он писал в стихах о своей жизни в штате Вирджиния, о прогулках вдоль побережья Атлантического океана. Этот парень имел одну наследственную особенность. У него был та-

кой же, как у отца, рыбий рот. Густые брови и глубокие глаза он унаследовал от матери. Х-5 вспомнила: когда Аркбутан познакомился с ними, он сказал, что учился в штате Вирджиния. Все совпадало...

Стояла прекрасная лунная ночь. Х-5, Ми Лиен и Аркбутан прогуливались у подножия горы Но. На обратном пути к гостинице «Палас» Аркбутан пригласил девушек навестить его мать, которая жила в уютной вилле на берегу моря. Машина остановилась у самых ворот виллы родителей Аркбутана. Бархатной Розе было очень хорошо известно это место. Несколько лет назад она, тогда Ми Чинь, не один сезон отдыхала здесь с Ми Ханг. Сейчас она слегка склонила голову и, стараясь скрыть волнение, сказала Аркбутану:

— Спасибо вам за приглашение. Давайте договоримся так: Ми Лиен и я придем поужинать к вашей матушке завтра вечером. А сейчас уже поздно, пусть она отдыхает.

Аркбутан согласился и проводил девушек до гостиницы.

— Я забыла об одной важной вещи, — сказала Бать Иен. — Как вас называть при вашей матушке? Есть ли у вас имя, которым вас обычно называют в семье?

— Меня зовут Ми Куок¹, — ответил Аркбутан.

— О, у вас очень интересное имя! Название целого государства — Америки. — Она звонко засмеялась, протянула нежную руку Аркбутану. — До свидания, Америка. За вашей спиной — десятки американских президентов, от Вашингтона до Кеннеди.

Аркбутан склонил голову и широко раскрыл от удовольствия рот. Улыбка разлилась по его лицу. Бархатная Роза подумала: «Когда он не улыбается, его еще можно терпеть. Но эта улыбка...»

Прощавшись с девушками, Аркбутан завел мотор, и машина тронулась в обратный путь.

Бархатная Роза долго не могла уснуть. Надо было тщательно, в деталях обдумать все. Завтра, придя в дом родителей Аркбутана, она будет разоблачена. Но уклониться от встречи с Аркбутаном значило прервать с ним отношения и, стало быть, не использовать возможность добыть план Лэнсдейла — Лоджа и не узнать, что кроется за вывеской «форт Пери».

¹ Так по-вьетнамски называются Соединенные Штаты Америки. — *Прим. пер.*

«Надо идти!» — приказала она себе. Девушка верила, что сумеет с честью выйти из сложной ситуации. Сейчас она была похожа на актрису, которая входила в образ...

Послышались два коротких гудка автомобиля. Х-5 посмотрела на часы — восемь часов пять минут. Она выглянула в окно и узнала «симку» молочного цвета и шелюру молодого водителя, которого с ее легкой руки они называли Арабом. Девушки быстро вышли из гостиницы.

— На пляж мы не поедem, — сказала водителю Х-5. — Вези нас в парикмахерскую.

— Зачем? — ТК-1 удивленно посмотрел на Х-5.

— Я должна как можно короче остричься, — ответила она.

— Немецкая стрижка! Это что — сейчас крик моды? А Ми Лиен тоже пострижется?

— Нет, она только подровняет волосы.

— Оставь свою прическу как есть. Небольшой беспорядок — это так естественно...

— Нет, сегодня я думаю о другом. Если бы господь бог позволил мне изменить мое лицо, то, что бы он ни потребовал от меня за это, я на все согласилась бы...

— И даже стать монахиней? — пошутил ТК-1.

— Да, и даже монахиней!

— Ну так что ж, может, заказать монашеское одеяние? — вторила шутке молодого человека Ми Лиен.

— Мне не до шуток. Я спрашиваю серьезно. Если я сделаю короткую стрижку, моя внешность сильно изменится?

— Как бы ни изменилась, все равно узнать тебя можно, — ответил ТК-1, глядя прямо в глаза Х-5, как будто они были лишь вдвоем...

— Все понятно! Спрашивать тебя бесполезно. Ми Лиен, скажи, как ты считаешь, короткая стрижка сильно меняет внешний вид?

— Конечно! Но надо еще воспользоваться косметикой.

ТК-1 отпустил тормоз, и машина потихоньку стала набирать скорость. С моря дул приятный ветерок. ТК-1 продолжал подшучивать над Бархатной Розой:

— Госпожа Бать Иен, что же вам нужно? Стать еще красивее или просто изменить внешность?

— И то, и другое, — ответила девушка. — А что в данном случае важнее, решать вам. Прими к сведению,

что Аркбутан — это не кто иной, как Хоанг Ми Куок, сын известных тебе родителей.

— Вот это да! — Слова девушки подействовали на ТК-1 словно холодная вода. Улыбка мгновенно слетела с его лица. — Как же так? — спросил он.

— Ми Лиен и я приняли приглашение посетить сегодня вечером дом Аркбутана. Там нам предстоит встретиться с супругами Ми Ля. Этого теперь не избежать...

ТК-1 молчал.

— Но проникнуть в этот дом во что бы то ни стало надо! Я помню его до последнего кирпичика. — Х-5 понизила голос. — Если это не удастся, будет потеряна самая благоприятная возможность узнать, что же такое «план двух рук», разработанный Лэнсдейлом и Лоджем, и разгадать тайну «форта Пери».

ТК-1 не остановил машину у парикмахерской, а, развернувшись, направился в сторону пляжа.

Навстречу им на большой скорости мчался джип. Х-5 узнала в водителе молодого офицера из «форта Пери», с которым она и Ми Лиен познакомились в Далате. Американец притормозил машину и в знак приветствия махнул рукой. «Симка» остановилась.

Американец вышел из джипа. В руке он держал две изумительные чайные розы.

— Приветствую очаровательных Бать Иен и Ми Лиен, — сказал он по-вьетнамски. — Поздравляю вас с прекрасным днем. Позвольте вручить вам эти чудесные цветы. Они еще несут с собой свежесть росы, но рядом с вами кажутся увядшими. И разве может сравниться их свежесть со свежестью ваших алых губ? Надеюсь, вы не забыли о моем приглашении на сегодняшний вечер?

— Конечно нет, — ответила Х-5 с очаровательной улыбкой. — В шесть часов тридцать минут вечера... Но настанет и моя очередь пригласить вас, — со значением произнесла она, — и вы должны будете выполнить мою команду.

— О! Сочту за честь выполнять команды такой очаровательной девушки, как вы. Готов следовать вашему слову, как агнец божий слову господа бога! — Смеясь, американец склонил голову в поклоне, и прядь каштановых волос упала ему на лоб.

Х-5 засмеялась:

— Спасибо, господин советник, за ваши слова. Вы

так поэтичны и так прекрасно говорите по-вьетнамски! До свидания... до вечера!

Они пожали друг другу руки. Офицер явно куда-то спешил. Обе машины быстро разъехались в противоположных направлениях.

— Этот американец — красивый парень. Он хорошо говорит по-вьетнамски, очень поэтичен, — как бы для себя проговорил ТК-1.

Ми Лиен смотрела на подругу, еле сдерживая хохот.

Х-5, протягивая цветы ТК-1, пошутила:

— Это тебе, вундеркинд, от нас двоих. А теперь к делу. Как ты считаешь, стоит ли идти сегодня к Аркбутану? Товарищ Фи Ван требовал, чтобы мы тщательно разработали его. Аркбутан нам пока верит. Он сказал мне, что сегодня утром не придет на пляж, потому что должен присутствовать на инструктивном совещании, которое устраивает Лэнсдейл по поводу «плана двух рук». Аркбутан даже сказал, что обстановка вскоре полностью изменится, так считает его шеф.

— А этот парень из «форта Пери»... как его зовут?

— Бокуит.

— Как относится к нему Аркбутан?

— Аркбутан не любит Бокуита.

— Это надо использовать...

— Я тоже так считаю. Можно сыграть на противоречиях между ними и попробовать добиться, чтобы Аркбутан рассказал правду о молодчиках из «форта Пери».

— Прошло больше года, как ты ушла из дома Ми Ле... Ты думаешь, они тебя не узнают?

— Если загримироваться как следует и не задерживаться надолго в их доме, то они вряд ли меня узнают. — Х-5 посмотрела на ТК-1, всем своим видом стараясь его убедить, что она сумеет справиться с задачей.

«Симка» вернулась к парикмахерской. ТК-1, обращаясь к Х-5, сказал:

— Мне нужно с тобой встретиться за час до того, как вы с Ми Лиен пойдете на встречу с Бокуитом.

«Чтобы посмотреть, готовы ли артисты к выходу на сцену?» — одними глазами спросила она и улыбнулась.

Он покачал головой, будто хотел ответить: «Я успокоюсь лишь тогда, когда узнаю, что все идет нормально». Они не произнесли вслух этих слов. Но прекрасно поняли друг друга, поняли сердцем...

В это же время в секретном зале для совещаний в центре по подготовке кадров психологической войны у

огромной карты, висящей на стене, стоял Лэнсдейл. Вокруг него собрались высшие командные чины американской армии и чиновники Республики Вьетнам. Ради «жизненных интересов ЦРУ» Лэнсдейл прилетел в Сайгон прямо из Вашингтона. Сколько всякого рода хитро-сплетений роилось в его голове! Сегодня он планировал довести до всех, кто работал под его началом, огромные стратегические замыслы президента США. Он тщательно готовил информацию, которой необходимо было снабдить специалистов ЦРУ. Ввиду особой важности сведений необходимо было еще и еще раз все взвесить. На совещании присутствовали только самые проверенные люди. Среди присутствующих находился Аркбутан, который сидел рядом с молодыми офицерами из «форта Пери».

— Мы делаем великое дело, — начал свою речь Лэнсдейл, обращаясь к высшим американским военным чинам. — Великое дело, — повторил он. — Мы оказываем помощь Республике Вьетнам, чтобы она сумела одержать победу в борьбе против вьетконговцев. Мы еще не полностью овладели этой зоной (так он называл Южный Вьетнам), не потрясли до основания ту зону (так он называл Северный Вьетнам). Вы должны проявить отвагу, — сказал он американским генералам и сайгонским чиновникам. — Надо освободить с занимаемых постов всех гражданских губернаторов провинций и поставить на их место самых способных офицеров. Необходимо предоставить им самые широкие полномочия, чтобы они могли смело уничтожать вьетконговцев.

Все молчали.

Лэнсдейл выпил воды. Его мучила жажда. Он облил губы, вытащил из кармана надушенный носовой платок, вытер лоб и закончил речь словами:

— «План двух рук», господа, всем вам известен. Действовать так и только так. Таких методов требует война. Их мы будем использовать и после войны.

Быстро опускался вечер. Взошла луна. Сегодня в скучном доме госпожи Ми Ле ярче, чем обычно, горели огни. Голубые неоновые светильники подчеркивали белизну штор на окнах и маленькой мраморной статуи, установленной рядом с картиной, на которой были изображены горы, лес, ручей, олени.

Почти все семейство было в сборе, не хватало только дочерей Ми Хань и Ми Линь. Хозяйка суетилась на кух-

не, отдавая последние распоряжения повару. Хозяин сидел в гостиной. Он беседовал с двумя важными персонами. Один из гостей был постарше, тучный, словно буддийский божок, со сросшимися бровями. Другой — помоложе, гладко выбритый, смуглый, с квадратным лбом и сильно скошенным подбородком. Они разговаривали на английском языке, переходя то на китайский, то на вьетнамский. Обсуждались текущие торговые аферы между Тайбаем, Сайгоном и Гонконгом. Это было словно закуска перед основным блюдом, приступить к которому подошла пора. Если же говорить о политике, то именно ее касались в разговоре гости, особенно тучный мужчина.

В прихожей раздался телефонный звонок. Ми Ле быстро подошла к аппарату, сняла трубку. Послышался приятный и вежливый девичий голос.

— Вам, ваше величество, только что звонила Бать Иен, — шутливо сказала Ми Ле Аркбутану. — До чего ж красивый у нее голос! Как у соловья! Она сказала, что они с сестрой задерживаются минут на пятнадцать и приедут вместе с американским советником Бокуитом.

— Опять этот Бокуит! — закатив глаза, произнес Аркбутан.

— Почему тебя это так волнует? — удивленно посмотрела мать на сына. — Это большая честь, что американский советник посетит нас в нашем доме.

— Честь! — засмеялся Аркбутан, передразнивая мать. — Тебе это очень нужно! Этот советник тебе как любимый сын, потому что он нужен тебе в твоих делах...

В семь часов тридцать минут послышался звонок. Сквозь изгородь, окружающую виллу, были видны огни фар подъехавшей машины. Аркбутан и его родители поспешили во двор встретить гостей. Бокуит вышел из машины. И сразу же за ним вышли Бать Иен и Ми Лиен. У Бать Иен была высокая прическа. Ресницы она подвела тушью, вокруг глаз положила тени. Лицо девушки было сильно припудрено темной пудрой, отчего кожа казалась очень смуглой. Увидев Бать Иен, Аркбутан даже забыл поприветствовать Бокуита. Он не сводил глаз с Бать Иен, которая так необычно выглядела. Это была не та скромная, скрытая красота, которой отличаются восточные девушки. Это была броская красота, которой славятся европейские женщины. Но какой бы наряд ни надела Бать Иен, какой бы косметикой она ни пользовалась, выглядела она идеально.

— Как вы прекрасны! — произнес по-французски Аркбутан.

Его родители также не спускали глаз с очаровательных девушек. Старый развратник похотливо подмигивал им. Его жена уже хотела одернуть его, но тут американский советник отвлек внимание старика от девушек, этих «жемчужин, оправленных в золото». Хозяйка пригласила советника в гостиную. Два гостя встали, приветствуя Бокуита. Они пожали друг другу руки, словно были давно знакомы.

— Я слышал, что эти девушки обожают Гитлера, — сказал хозяин гостям. — Мне рассказывали, как горячо приветствовали они выступление профессора в военном училище в Далате, когда он призвал всех слушателей быть такими, как Гитлер.

Гость помоложе, гладко выбритый, громко рассмеялся и спросил девушек:

— Может быть, вам лучше быть такими, как Ева Браун? — И добавил с ухмылкой: — А уж я буду таким, как Гитлер!

— Мы подумаем! — спокойно ответила Бать Иен.

Толстяк со сросшимися бровями кивнул и отвернулся. Старик вновь начал разглядывать девушек. Он обхватил маленькие руки Бать Иен своими толстыми пальцами.

Ми Ле тоже внимательно присматривалась к этим красивым, словно сошедшим с картины, девушкам. Одна из них была очень похожа на исчезнувшую Ми Чинь. Но Ми Ле тут же отогнала от себя эту мысль: эта девушка выше и плотнее Ми Чинь. У нее высокая прическа. Ми Чинь не могла бы держаться так естественно. И цвет лица у Ми Чинь не такой смуглый. И платьев открытых она не носила. Глаза, правда, похожи, и нос такой же... «Боже, — подумала Ми Ле, — бывает же такое сходство! А может, это все-таки Ми Чинь? С тех пор прошло уже почти два года!» Хозяйка дома решила, что обязательно устроит проверку.

В это время девушки вышли прогуляться в садик, разбитый вокруг виллы. Они медленно шли по дорожке, посыпанной гравием, и разговаривали. Их беспокоило, что хозяйка дома слишком внимательно присматривается к Бать Иен.

Сквозь ветки высоких деревьев было видно луну. Густые тени ложились на платья девушек.

В это время неожиданно раздался громкий возглас хозяйки дома Ми Ле:

— Ми Чинь!

Х-5 слегка вздрогнула, но не повернула головы. Ми Лиен взяла ее за руку. Обе девушки с удивленным видом смотрели на хозяйку дома, которая подошла к ним.

— Ми Чинь! — Она взяла Бать Иен за руку. — Тебя ведь зовут Ми Чинь?

— Нет, мое имя Бать Иен. А вот она — Ми Лиен, моя двоюродная сестра. Ваш сын не представил нас вам. Это его ошибка.

— Прощу прощения! Но вы так похожи на Ми Чинь. Это была моя приемная дочь. Я любила ее больше, чем своих родных детей. Почти два года назад она неожиданно куда-то исчезла. — На глазах у Ми Ле заблестели слезы...

Аркбутан оставил Бокуита со своим отцом, а сам убежал в сад, где прогуливались девушки.

— Через пятнадцать минут садимся за стол, не опоздайте, — произнесла Ми Ле и, повернувшись, быстро пошла в дом.

Бархатная Роза была поражена, что Ми Ле со слезами говорила о потере сироты. Ведь девушка знала, что мать Аркбутана хотела сделать из нее дорогую забаву на потеху богатым гостям и без сожаления предложила девушку американцу, рассчитывая получить большие деньги...

Х-5 повела Ми Лиен в укромный уголок сада, где росли изумительной красоты розы. Воздух был густо напоен их нежным ароматом. Каких только роз не было здесь! Бархатные, белые, чайные...

Аркбутан сорвал две розы и преподнес их девушкам.

— Когда в сад прилетают ласточки, значит, пришла весна, — сказал он и посмотрел на Бать Иен. — Завтра утром обязательно распустится много цветов.

Бать Иен опустила голову и прижала розу к груди. Она ответила на прочувствованные слова Аркбутана лишь улыбкой.

— Сегодня у вас в доме много гостей, — проговорила она спустя минуту. — Какие-то странные мужчины. А тот, толстый, со сросшимися бровями, похож на иностранца.

— Это тайваньский советник! По требованию американцев его прислал нам тайваньский президент.

— А что, американских советников разве не хватает?

— У этого деятеля особая работа. Раньше он был заместителем начальника генерального штаба армии Чан Кайши. Конечно, и таких, как Бокуит, знающих вьетнамский язык и вьетнамские обычаи, в американской армии немало, но в условиях нашей страны белым куда труднее вести психологическую войну, чем нам.

— Так, по-твоему, эти парни из «форта Пери» обречены на безработицу только потому, что у них другой цвет кожи? — спросила Х-5.

Аркбутан громко засмеялся:

— Нет, Бокуиту здесь хватит дел. У каждого советника свой маневр. Такие, как Бокуит, тренируют тех, которые затем идут ломать себе кости в Северном Вьетнаме. А этот тайваньский советник — специалист по психологической войне. Его концепция «три пропаганды» входит в «план двух рук», разработанный Лэнсдейлом.

— Истории, которые ты рассказываешь, больше похожи на сказки. Честное слово, один туман и сплошные загадки. Что такое психологическая война, что такое «три пропаганды», что такое «план двух рук»? Ты так много знаешь! Не то что этот Бокуит, от которого только и слышишь: «Пролезть по сточной трубе», «Забраться по стене», «Преграда из колючей проволоки»!

— Он просто наглый идиот! Это вы должны запомнить. От таких, как он, ничего не требуется, кроме наглости. Ни сообразительности, ни сноровки охотника.

— Да? — удивилась Бать Иен. — Он нагл? А я не заметила этого. Напротив, он очень вежлив, внимателен.

— О! — Аркбутан поднял плечи. — Вы привыкли жить в иной обстановке, поэтому многого не понимаете. Подождите, вы еще узнаете дьявольскую душу этого типа! Я вам много чего расскажу!

— Бать Иен! — обратилась Ми Лиен к подруге. — Думаю, надо пригласить нашего друга как-нибудь на ужин, чтобы посидеть и поболтать в спокойной обстановке, правда? Он знает столько забавных историй, не хуже чем сказки Андерсена.

Польщенный Аркбутан благодарно склонил голову — девушка немного опередила его, сделав предложение, которое он сам намеревался сделать.

Бать Иен поддержала ее:

— Хорошо! Это будет интересно!.. А знаете, Бокуит сказал мне, что должен уйти не позднее половины десятого, поскольку у него еще очень много важных дел.

— Темных дел! — раскатисто смеясь, уточнил Аркбутан.

— А тот, гладко выбритый тип?.. Ты не познакомил его с нами. Это что, крупный чиновник? — спросила Бать Иен.

— Это коммерсант. У его фирмы имеются многочисленные филиалы во многих городах мира. Поговаривают, что у него очень красивая вилла в Каннах, недалеко от дома императора Бао Дая.

Когда гостей пригласили к столу, Бать Иен спросила у Аркбутана:

— А эти гости тоже будут ужинать с нами?

— Нет, у них деловая встреча с отцом, поэтому они не будут на ужине. Кроме нас с вами за столом будет только мать.

Когда Бать Иен и Ми Лиен в сопровождении Аркбутана вернулись в гостиную, Ми Ле приглашала на ужин Бокуита. Бать Иен, вежливо улыбаясь, сказала хозяйке:

— Мы в восторге от вашего сада. Он очень красив.

— Прошу к столу, — постным голосом произнес Аркбутан.

Бать Иен за столом оказалась рядом с ним. Слева от него села Ми Лиен. Аркбутан был очень рад, что его ма-тушка сидит между Бать Иен и Бокуитом.

— Что мы будем пить? — спросила Ми Ле у Бокуита. — Прошу выбирать: мартини, коньяк, виски, портвейн, сухие французские вина. Все мы будем пить то, что предложите вы.

— Благодарю вас, — сказал Бокуит по-вьетнамски. — Боюсь, что напиток, который я хочу назвать, окажется не по вкусу нашим милым девушкам. Я хотел бы предложить напиток, о котором вы еще не сказали.

— Прошу вас, называйте; в этом доме есть любые напитки.

— Я вижу на столе блюдо из морской черепахи. Я люблю морскую черепаху со змеиной настойкой.

— В самом деле! Я как-то сразу не подумала об этом. У нас есть и этот очень полезный напиток, — ответила Ми Ле. — Одну минутку. Сейчас будет...

Аркбутан, обращаясь к Бокуиту, заметил с иронией:

— Я думал, что только я специализируюсь на змеях. Но оказывается, и вы тоже... Вы заказали змеиную настойку к черепашьему мясу, стало быть, вы любите пресмыкающихся.

— О! — воскликнул Бокуит. — А вы, я знаю, любите всех, кто карабкается по горам.

Бать Иен засмеялась и воскликнула:

— Господин советник прав! Ты, Ми Куок, — сказала она Аркбутану, — любишь суп из ласточкиных гнезд, а найти их можно, только если умеешь лазать по скалам... Прошу налить martini. Хочу поднять тост за здоровье господина любителя пресмыкающихся и за твое здоровье, любитель карабкаться по горам. Вы не возражаете, госпожа Ми Ле?

За столом раздался веселый смех.

Бать Иен чокнулась сначала с Аркбутаном, затем с советником:

— Господин Бокуит, не волнуйтесь. Наш друг, я думаю, с удовольствием выпьет с вами змеиной настойки.

— А вы выпьете вместе с нами?

— Конечно! — живо воскликнула Бать Иен.

— За ваше здоровье и за гостеприимство Ми Куока! Бокуит был настроен доброжелательно. Аркбутан старался найти с ним общий язык.

Когда принесли змеиную настойку, Ми Ле разлила ее по рюмкам. Аркбутан чокнулся с Бокуитом:

— За вас! Я впервые пью такой страшный напиток!

Бокуит чокнулся и с хозяйкой дома и, выпив, сказал:

— У вас очень вкусная настойка. Сколько раз вы настаиваете ее, три или пять?

Ми Ле поразились его осведомленности:

— Я думала, американцы не разбираются в наших напитках... Я настаиваю ее пять раз и подбавляю китайских травок.

— А после приготовления на сколько времени закрываете бутылки с настойкой в землю?

— Некоторые сорта на сто дней, а другие и на большее время.

— Вы готовите очень вкусную настойку, поверьте мне. Она намного лучше той, что я пил в Гонконге.

Бокуит совершенно заговорил Ми Ле, и она на какое-то время забыла про Бать Иен, но, видя улыбку девушки, вновь заволновалась: сходство с Ми Чинь было удивительным... И тут Ми Ле вспомнила, что Ми Чинь не могла заставить себя есть рыбу, лягушек, черепах. В то же время она очень любила устриц, креветок в кляре. Ми Ле положила креветок в тарелку Бать Иен и не отрываясь смотрела, как девушка ест.

Бать Иен ела, делая вид, что не замечает внимательного взгляда хозяйки. Ей очень нравилось блюдо из креветок, но она не попросила положить ей в тарелку еще, хотя Ми Ле очень ждала этого.

— Посмотрите, как господин Бокуит ловко, словно вьетнамец, орудует палочками, — проговорила Бать Иен, обращаясь к хозяйке дома. Та быстро перевела взгляд на американца, заулыбалась, потом снова повернула голову к Бать Иен.

Девушка положила кусочек черепашьего мяса в пиалу, стала есть. Мясо застревало в горле, словно кость, от настойки становилось плохо. Но надо было пить эту гадость, есть это блюдо и делать вид, что это очень вкусно. Бать Иен старалась подыграть Бокуиту.

— Говорят, что очень полезно добавлять в настойку несколько капель крови морской черепахи. Вы когда-нибудь пробовали такую настойку?

— Нет еще, — ответил Бокуит. — А вы?

— Да, конечно, и не раз. Я вообще очень люблю черепашье мясо. Ми Куок, — посмотрела она на сидящего рядом с ней молодого человека, — вот видишь, Бокуит еще не знаком с черепашиной так, как мы! — Она подчеркнуто громко произнесла слово «мы», хотя и понятия не имела, любит ли Аркбутан блюда из морской черепахи. Она вновь попросила налить ей рюмку змеиной настойки и положила в пиалу кусочек черепашьего мяса... Вытерев губы ароматизированной салфеткой, она сказала хозяйке дома: — Госпожа Ми Ле, и черепашье мясо и змеиная настойка приготовлены изумительно! Бокуит прав, блюдо из морской черепахи действительно хорошо идет со змеиной настойкой. Жаль только, что я не умею пить.

Аркбутан никогда до этого не ел черепашьего мяса, так же как и не пил змеиной настойки. Тем не менее он быстро-быстро закивал:

— Мы очень, очень любим это блюдо, и сегодня оно действительно удалось на славу. Прошу тебя, мама, имей это в виду на будущее.

Ми Ле заулыбалась:

— Конечно, конечно! Я непременно это учту!

«Нет, — подумала она, — это не Ми Чинь. У этой девушки совершенно другой вкус. Если бы Ми Чинь съела хоть кусочек черепашьего мяса, ей уже было бы плохо!» Она перевела взгляд с Бать Иен на сына, потом на американца. Она не скрывала, что очень довольна.

Ужин закончился. Все перешли в другую комнату. Ми Лиен подошла к пианино, около нее остановилась и Бать Иен.

— Ми Лиен, сыграй что-нибудь, — попросила она.

Девушка села за инструмент. Бать Иен закурила сигарету и отвернулась к окну. Бокуит и Аркбутан пили кофе. Ми Ле внимательно слушала игру Ми Лиен. Шум дунайской волны сливался с шумом морского прибоя. Все молчали.

Когда отзвучали последние аккорды, Бокуит подбежал к Ми Лиен, чтобы обнять пианистку. Но девушка быстро вскочила и спряталась за Бать Иен. Бокуит поднял руки к небу.

— Вы удивительная пианистка! Вы играете не только пальцами, но душой! Если бы Штраус ожил, как бы он был вам благодарен!

Ми Лиен, потупив голову, смущенно улыбнулась. Было уже начало десятого. Бать Иен тактично намекнула:

— Как жаль, господин советник, что вы сегодня заняты. Ну что ж, тогда мы вас не будем больше задерживать. А нас проводит до гостиницы Ми Куок.

— Думаю, что даже сам господь бог не смог бы уготовить мне такой прекрасный вечер! — восторженно проговорил Бокуит. — Надеюсь, уважаемая хозяйка, и вы, прелестные девушки, он ниспошлет нам еще не одну подобную встречу.

— Уважаемый господин советник, — поспешила ответить хозяйка, — никакой дом не может быть закрыт для таких людей, как вы. Мы всегда с радостью готовы вновь видеть вас в нашем доме...

Машина Бокуита мгновенно набрала скорость и унеслась, блеснув в свете уличных фонарей. Аркбутан посмотрел ей вслед и шумно вздохнул. В ушах его все еще звенели прощальные слова матери, сказанные американцу.

В гостиной осталось трое — Бать Иен, Ми Лиен и Аркбутан.

— Ну вот, этот пресмыкающийся Бокуит уже вернулся к себе, — смеясь, сказал Аркбутан.

— Я не пойму, Ми Куок, почему ты назвал этого парня из «форта Пери» пресмыкающимся? — спросила Бать Иен.

— Потому что эти парни специализируются на тренировках подразделений, забрасываемых на территорию противника.

— В Северный Вьетнам? — спросила девушка.

— Да. Они обучают подрывников выбрасываться ночью с парашютом или десантироваться с моря, с кораблей 7-го американского флота.

— Странно, ведь «форт Пери» принадлежит сухопутчикам, а готовит парашютистов. Тогда Бокуит вовсе не пресмыкающийся! — заметила Бать Иен.

Аркбутан расхохотался, широко раскрыв свой безобразный рот:

— Это всего лишь ловкий трюк! Для американских обывателей специальное военное училище в Уильямсбурге имело невинное название «Пери». Так что в этой сухопутной базе нет ничего таинственного. Я много раз там бывал. Она еще более современна, чем военное училище в Далате.

— А с Бокуитом ты познакомился там же, в Далате?

— Нет. Впервые я увидел его на Гавайях в дансинге, куда ходил вместе с офицерами из «Тропической молнии».

— «Тропическая молния»? Какое-то фантастическое название! Ну и любишь же ты давать прозвища!

— Это не я придумал, а Пентагон. Я бы назвал эту дивизию иначе.

— Как же?

— «Гадюка».

— Знаешь, я восхищаюсь тобой: у тебя такое богатое воображение!

Неравнодушного к похвалам Аркбутана уже было не остановить.

— Эти парни вышибают искры не только в небе, — говорил он. — Они словно гадюки шныряют по тропическим лесам. Эта 25-я дивизия, прошедшая спецподготовку для ведения боевых действий в условиях джунглей, — самая боеспособная...

Бать Иен сокрушенно покачала головой:

— Какая чушь! Прилететь сюда вместе с дивизией «Гадюка» с Гавайев, чтобы попробовать змеиной стойки!..

Аркбутан расхохотался:

— Дивизия осталась пока на Гавайях. Этой «Гадюке» еще надо приготовить нору на нашей земле. Они лишь недавно получили команду быть готовыми к отправке с острова.

Бать Иен вздохнула. Итак, уже достаточно доказа-

тельств, что Вашингтон лихорадочно готовится к эскалации войны. Он надеется огнем и железом покорить Южный Вьетнам и предотвратить крах режима Нго Динь Зьема. 25-я дивизия «Тропическая молния» должна стать ударным отрядом при ведении боевых действий в Южном Вьетнаме. Совершенно определенно, что и для Северного Вьетнама разработаны какие-то преступные акции... Бать Иен вновь завела разговор с Аркбутаном:

— Бокуит сказал, что сегодня вечером очень занят. Он даже добавил, что на это «дело» потребуется еще две-три светлые ночи.

— А еще Бокуит сказал, что завтра утром уедет из Вунгтау, — напомнил Аркбутан. — Он командует группой особого назначения, действующей совместно с группой «Врата неба», которая скоро должна прилететь.

— Дай бог успехов Бокуиту! Пусть он благополучно войдет в Северный Вьетнам. Это уже будет победа... Ты этого хочешь, Аркбутан?

Тот пожал плечами:

— Я хочу, чтобы десант парашютистов успешно выполнил задание, а группа, которую организовал и тренировал Бокуит, потерпела поражение.

— Почему?

— Потому что это Бокуит... — сказал Аркбутан, и лицо его зарделось. — Бать Иен достаточно разумна, чтобы понять это, — сказал он, глядя девушке в глаза.

Бать Иен не ответила на его слова. Повернувшись лицом к окну, она спокойно сказала:

— Получается, что ты наполовину сочувствуешь вьетконгу, а наполовину — американцам. Я же желаю, чтобы обе группы вернулись с победой. Это высокая миссия воинов, которым мы можем пожелать только успехов.

Аркбутан молчал. Он достал сигарету, закурил. Немного помолчав, он задумчиво произнес:

— Конечно, я думаю так же, как и ты. В моем сердце нет жалости к коммунистам, но я терпеть не могу лично Бокуита.

— О, надо быть осторожней, — прошептала ему Ми Лиен. — Наше время на исходе. Ты ведь проводишь нас, как обещал?..

Молодой человек счастливо засмеялся. Он искренне был благодарен девушкам за то, что они сменили тему разговора.

— Я всегда отдаю свои долги. Итак, называйте же их...

— Твои долги совершенно точно известны, — засмеялась Бать Иен. — Во-первых, ты хотел нам рассказать об этом странном китайском госте.

— Это лишь один должок, а за ним водятся еще, — добавила Ми Лиен.

Аркбутан кивнул:

— Сегодня я готов расплатиться со всеми долгами. — Он встал и пригласил девушек к себе. Его комната была небольшой, аккуратно убранной. Из сада в окно заглядывали яркие красные и белые цветы. Бать Иен — а тогда Ми Чинь — часто бывала здесь, когда Аркбутан находился в Америке. Застекленный книжный шкаф был забит книжками о гангстерах, о японской борьбе, а также старинными и современными романами. Посреди комнаты стояли журнальный столик, кресла, обтянутые бархатом. Слева, вплотную к стене, стоял письменный стол. Над ним висела карта Индокитая с пояснениями на английском языке.

На столе лежали белые папки. На верхней было написано: «Бархатная рука — психологическая война».

Пока Аркбутан ходил за чаем для гостей, Бать Иен внимательно осматривала комнату. Сделав вид, что она сильно удивлена, Бать Иен, обращаясь к подруге, громко произнесла:

— Смотри, Ми Лиен, это его лекции! Даже по заголовку видно, что эти истории куда более загадочны и интересны, чем те, которые ты слышала прежде!

Ми Лиен взяла одну из папок и, разглядывая ее, спросила вернувшегося Аркбутана:

— Это, наверное, лекции, которые ты читал в военном училище в Далате?

— Нет, другие. В этих материалах синтезирован опыт, накопленный на Востоке и Западе.

— И белый и желтый! — Бать Иен сделала безразличный вид и продолжала: — Как правило, лекции по политике всегда длинные и скучные.

Ми Лиен заспорила с ней:

— Но лекции Аркбутана не такие. У него талантливое перо. Он даже самый сложный материал излагает доступно и интересно... Я думаю, твои новые лекции по-прежнему отличаются этими качествами.

Аркбутан достал носовой платок, высморкался. То ли он действительно хотел высморкаться, то ли просто сконфузился от сказанных девушкой слов, потому что в действительности лишь как попугай повторял с кафедры

«заповеди» американской армии, лекции о монтировании заграждений из колючей проволоки, об опыте ведения подрывных операций, написанные Лэнсдейлом и тайваньским советником.

Х-5 хотела бы направить разговор в это русло. Ей нужно было знать содержание лежащих на столе папок.

— В наше время, — сказала она, — достаточно нажать кнопку, чтобы уничтожить миллионы людей, превратить огромный район в голую пустыню. Так зачем же нужна еще эта психологическая война?

— Она нужна была в прежние времена, будет нужна и потом! — ответил Аркбутан, вытянув шею, словно удав, готовящийся проглотить свою жертву. Он монотонно произнес заученные слова: — Начиная с первой мировой войны и по настоящее время акции психологической войны превратились в исключительно важное оружие, используемое как во время войны, так и в мирное время, как внутри страны, так и за рубежом. Правительство США выделяет на ведение психологической войны неограниченные средства...

— И для Республики Вьетнам? — прервала его Бать Иен.

— Конечно! Американцы — наши учителя в ведении психологической войны. Они помогают нам в создании управления психологической войны наподобие специального управления, имеющегося в их сухопутной армии. Они готовят для нас десятки тысяч офицеров по ведению психологической войны в тылу противника...

— Это по американской программе, в рамках которой Бокуит занимается тренировками? — спросила Бать Иен, решив уточнить род занятий американца.

Аркбутан презрительно скривил рот:

— Этот Бокуит — только исполнитель. Он к политике не имеет никакого отношения. Психологическая война — это комплексная наука, включающая в себя знания из области психологии, биологии, гносеологии. В этих делах Бокуит ничего не смылит!

— Я с тобой полностью согласна. Но вот только что ты говорил о соединении опыта Востока и Запада. Я встретила у тебя тайваньского советника и не обнаружила в нем никаких результатов такого соединения, за исключением способности изрекать непристойности, — презрительно заметила Бать Иен.

— Это верно! — захохотал Аркбутан. — Способность этого человека соединять опыт Востока и Запада прояв-

ляется прежде всего при осуществлении акций психологической войны.

— А, это концепция «трех пропаганд»! — как бы радуясь осенившей ее догадке, воскликнула Ми Лиен.

— «Три пропаганды» — это уже кое-что серьезное! — согласно кивнул Аркбутан. — Но надо помнить, что есть пропаганда «черная», бывает пропаганда «серая»... — И, как бы отвечая на вопрос, который Ми Лиен еще не задала, Аркбутан объяснил: — «Черная» пропаганда — это тайная пропаганда, то есть такая, которая якобы выступает независимо, самостоятельно. Пример тому — радиостанция «Священный меч», в задачу которой входит моральная обработка вьетконговцев. «Серая» пропаганда призвана сеять панику и вносить беспорядок в ряды противника.

— А «бархатная рука» — это тоже из разряда «трех пропаганд» тайваньского советника? — будто не понимая сути проблемы, спросила Бать Иен.

— Нет, это уже опыт Запада.

— Странно, мы еще не расправились с Вьетконгом «железной» рукой, а уже говорим о «бархатной»...

— Каждое дело имеет свой глубокий смысл, — механически повторил Аркбутан заученные им слова Лэнсдейла. — Военизация управления должна идти параллельно с решением других неотложных задач. Это разрушение материальной структуры противника, изоляция его от внешних источников поступлений. Для реализации этого плана необходимо прибегать к использованию тактики как «железной», так и «бархатной» руки.

Бать Иен поднесла пальцы к губам, собираясь вежливо прервать Аркбутана, и сказала:

— Такая чудесная лунная ночь, а мы сидим в тесной комнате. — Она встала: — Давайте немного прогуляемся по саду.

— Правильно! — поспешила поддержать подругу Ми Лиен. — За тобой, Аркбутан, еще один должок — ты обещал показать нам архитектуру твоего дома.

Бать Иен улыбнулась:

— О, это будет так же прекрасно, как и змеиная стойка для Бокуита... этого пресмыкающегося!

Аркбутан довольно засопел. Ему очень понравилась эта колкость Бать Иен, сказанная в адрес Бокуита.

После небольшой «экскурсии» по дому Ми Лиен спросила его:

— Аркбутан, теперь ты полностью рассчитался с долгами?

Он сделал вид, что растерялся, но через какое-то мгновение бойко ответил:

— Готов следовать любому вашему приказу.

Ми Лиен только этого и ждала. Она улыбнулась:

— Ну что ж, тогда я приказываю, пойдите вместе с Бать Иен в сад, погуляйте, а я посижу в холле, посмотрю твои прекрасные лекции. Но... не заставляйте меня долго ждать вас. Уже больше десяти часов.

Аркбутан обрадовался возможности побыть с Бать Иен вдвоем. «Эта пианистка — хороший психолог», — подумал он о Ми Лиен, сунул ей в руки папку, вежливо поклонился и последовал за выходящей в сад Бать Иен.

Разговор, который между ними завязался, не затрагивал какой-то определенной темы. Аркбутан рассказывал о днях, проведенных в Америке, о жизни в Нью-Йорке, говорил о своем замечательном будущем, о мечтах... Он хотел уже заговорить с ней о том, что его очень волновало, но Бать Иен ловко увела разговор в другую сторону. Она была похожа на птицу, оказавшуюся рядом с западней, устроенной охотником, жадно ждущим, что западня вот-вот захлопнется. Но птица вновь расправляла крылья, взлетала высоко на дерево и начинала петь свою песню, от звуков которой сердце птицелова разрывалось. Каждая песня была для него словно драгоценная капля воды для жаждущего путника. Досада переполняла душу Аркбутана. Он каждую минуту мог сорваться... Быстро обшарив глазами сад, Аркбутан повел Бать Иен туда, где росли самые густые деревья. И вдруг Бать Иен громко позвала подругу. Ми Лиен немедленно оказалась в саду.

— Ми Лиен, ты только посмотри, как прекрасно лег свет луны на розы! — восхищенно воскликнула Бать Иен.

Теперь архитектор мысленно на чем свет ругал Ми Лиен, называл ее никуда не годным психологом...

Расставаясь, Бать Иен ничего не пообещала Ми Куо-ку. Она лишь приняла его приглашение пойти в субботний вечер на танцы в клуб базы ВВС и Бьенхоа.

В гостиницу «Палас» девушки вернулись уже в двенадцатом часу ночи.

Ранним утром прелестных Бать Иен и Ми Лиен разбудили громкие сирены полицейских автомобилей, подкативших к гостинице.

У подъезда остановились две легковые автомашины и черно-белый джип. Из них быстро вышли полицейские и незаметно проскользнули в гостиницу через боковой вход.

— Облава! Что могло случиться? — спросила Ми Лиен у Бархатной Розы.

Х-5 спокойно нажала кнопку звонка и вызвала служащего гостиницы:

— Почему так шумно? Неужели гостиница не может обеспечить нормальные условия для сна?

— Это не по нашей вине. Тут у полицейских возникло дело. Вчера вечером один американский офицер был убит вьетконговкой. Есть подозрение, что убийца до сих пор находится в гостинице.

— Да? И здесь тоже есть агенты вьетконга? — с удивлением спросила девушка.

— Да, к сожалению, есть. Недавно в военном порту был взорван американский военный корабль...

— Ладно, довольно! — прервала она служащего. — Как только появится советник Бокуит, сразу же дайте мне знать.

Она посмотрела на часы. Бокуит обещал зайти ровно в восемь. Сейчас уже десять минут девятого, а его нет. Не он ли убит? Если это так, то для Бать Иен возникнет много неприятностей.

— Надеюсь, что Бокуит жив, здоров и скоро придет попрощаться с нами, — попыталась успокоить Х-5 свою подругу.

— Во сколько мы обещали Аркбутану быть в Сайгоне?

— В десять.

— Я очень беспокоюсь... Если убили Бокуита, то это серьезно отразится и на наших отношениях с Аркбутаном. Надо успеть своевременно передать в Центр собранную информацию.

В комнату девушек вошли несколько полицейских.

— Прошу извинения, но в интересах государственной безопасности и для обеспечения безопасности американских советников мы хотели бы задать вам несколько вопросов, — проговорил капитан официальным тоном.

— Вы хотите нас допросить, господин капитан?

— Не совсем так. Я уже объяснил причину нашего появления.

— Тогда пожалуйста... Правда, скоро сюда должен прийти советник Бокуит.

— Бокуит? Вы знакомы с господином Бокуитом? — удивленно спросил капитан.

— Да, а вас это удивляет?

Полицейский растерялся и стал похожим на курицу, свалившуюся с насеста.

— Нет, — пробормотал он нерешительно. Спустя несколько секунд, придя в себя, он начал задавать вопросы: — Когда вы вчера вернулись в гостиницу?

— Вечером после одиннадцати.

— Вы возвращались одни?

— Нет, нас провожали...

— А где вы были в девять часов тридцать минут?..

В это время в номер вошел Бокуит. Бать Иен воскликнула:

— Господин Бокуит, вы пришли как раз вовремя, помогите, пожалуйста, нам ответить на очень сложные вопросы капитана.

Бокуит обвел взглядом группу полицейских во главе с капитаном и произнес:

— Вы можете покинуть этот номер. Вчера в девять часов тридцать минут, когда был убит мой соотечественник, эти девушки находились со мной на вилле госпожи Ми Ле.

Полицейские ушли, боязливо поглядывая на своего капитана. Если бы сейчас им разрешили засмеяться, то хохот сотряс бы стены гостиницы.

Прощавшись с Бокуитом, Бать Иен и ее подруга Ми Лиен вместе с Аркбутаном поехали в Сайгон.

Х-5 — она же Бать Иен — вышла из холла Токийского банка. Девушка договорилась встретиться с Аркбутаном, чтобы с ним поехать на танцы в клуб базы ВВС в Бьен-хоа.

Пока для Х-5 все складывалось удачно. Командование высоко оценило данные, собранные ею и Ми Лиен в Вунг-тау. Их информация пролила дополнительный свет на готовящиеся противником акции. Противник, как шахматист, готовился сделать очередной ход — массированное использование вооруженной силы, прежде всего наземных войск и авиации, при одновременном широком осуществлении психологических операций с целью разрушения материального потенциала Вьетнама. Его не останавливали никакие зверства и жестокости. Главной целью его было одержать военную победу.

Об этих опасных стратегических планах противника

были немедленно информированы Центральный Комитет партии и президент Хо Ши Мин. Х-5 была счастлива от сознания того, что спецотряд, организованный Бокуитом, достигнет та же участь, что и группы десантников, о которых сообщил Аркбутан. Бойцы народной милиции Северного Вьетнама уже располагают информацией, переданной неизвестной им девушкой. При этой мысли Х-5 улыбнулась. Она была уверена: бойцы наверняка готовятся достойно встретить непрощенных гостей. Этот шахматный ход ЦРУ был разгадан!

Девушка с нетерпением ждала встречи с разведчиком Фыонг Донгом, который находился на спецзадании в самом логове противника. План организации работы в тылу, который противник рассматривал как победу, уже лежащую у него в кармане, план, который Кэбот Лодж передал по инстанции, оказался в руках Фыонг Донга! Эта операция была проделана блестяще! Командование ВВС США на Тихом океане, находящееся в совершенно неприступном месте в Бьенхоа, не беспокоилось за свою безопасность. Оно не знало, что именно здесь, в этом логове, работает вьетнамский разведчик. И сегодня вечером, во время танца, он должен передать в руки Х-5 микропленку повышенной чувствительности, на которой отсняты весь аэродром и склады военной базы Бьенхоа...

Черный «мерседес» остановился у тротуара. Х-5 увидела Аркбутана, быстро села к нему в машину.

— Поехали сразу на место? — спросил он.

Х-5 шутливо произнесла:

— Сегодняшнюю программу полностью организуешь ты. Я лишь твоя гостья.

Она сидела за Аркбутаном. Машина быстро неслась в сторону Бьенхоа.

...Танцевальный вечер в клубе авиабазы Бьенхоа начался рано. В зале собралось много штабных офицеров США и высших чинов ВВС Республики Вьетнам. Здесь находился даже заместитель командующего военно-воздушными силами США и на Тихом океане Лемей. Для обслуживания советников управление полиции отобрало лучших официантов и танцовщиц.

Господа пили виски и танцевали, затем снова пили и снова танцевали. Время от времени новая группа офицеров, только что закончивших дела, вваливалась в клуб. В зале было невыносимо душно. Те, кто только что живым вырвался из боя, безмерно нагружали себя спиртным. Они обшаривали жадными взглядами Бать Иен, косо смотре-

ли на Аркбутана. Бать Иен старалась держаться неприужденно, улыбалась. Она внимательно смотрела на каждого, кто входил в зал. Ей нужен был человек с галстуком в зелено-белую полоску.

В левом углу танцевального зала сидели три толстосума — представители фирмы «Досуки», производящей легкую обувь. Они разглядывали с ног до головы каждую проходящую мимо женщину. Х-5 увидела в зале и «знаменитостей» Республики Вьетнам — генералов Май Хыу Суана, Ле Ван Кима, Чан Ван Дона. Поздоровавшись и чокнувшись бокалами с генералом Лемеем, все отошли в сторону и сели в кресла.

Рядом с креслами, в которых развалились генералы Ле Ван Ким и Май Хыу Суан, стояло еще несколько кресел. В одном из них сидел гладко выбритый, со слегка скошенным подбородком, мужчина. Ему еще не было со-рока. На нем был костюм желудевого цвета, галстук в зелено-белую полоску. Он вел беседу с подполковником ВВС сайгонской армии очень непривлекательной внешности, но одетым со вкусом. Увидев генерала Лемея, подполковник ВВС и гладко выбритый мужчина встали, поздоровались с ним. Генерал Лемей ответил на приветствие подполковника ВВС. После этого оба эти господина подошли к Нгуен Тянь Тхи. Остановившись, обменялись с ним двумя-тремя фразами и пошли туда, где столпилось множество народу.

Здесь находились Бать Иен и Аркбутан. Мужчина с галстуком в зелено-белую полоску сразу же узнал красивую девушку, которую сопровождал молодой человек о запоминающейся внешностью — странной формы усами над рыбьим ртом. Мужчина с галстуком сделал удивленный вид, когда «увидел» девушку, которую встречал в доме Повесы в Вунгтау. Аркбутан, хихикнув, сказал Бать Иен:

— Посмотри, вон торговец, приятель моей мамашки. Кажется, везде, где появляется запах долларов, возникает и этот тип.

Бать Иен забеспокоилась. Неужели именно этот богатый коммерсант и есть Фыонг Донг, талантливый разведчик? Она вспомнила, что он ответил, услышав, что Бать Иен и Ми Лиен хотят быть похожими на Гитлера. Он тогда сказал, что они смогут быть похожими только на Еву Браун. Почему он так сказал? Не потому ли, что попал в ловушку? А может, этот коммерсант вовсе не Фыонг Донг, а агент ЦРУ, ищущий связи с подпольщиками? Правда,

у него точно такой галстук, как было условлено... А если это действительно Фыонг Донг, то как ей быть?

Девушка улыбнулась, достала из сумочки сигареты «Салем» и зажигалку, закурила. Она внимательно разглядывала коммерсанта сквозь табачный дым. Мужчина в свою очередь достал пачку сигарет, закурил, глубоко затянулся. Двумя пальцами левой руки он держал сигарету, пальцами правой поправлял галстук. Условные знаки совпадали...

— О, Бать Иен! — Мужчина с галстуком в зелено-белую полоску, как бы неожиданно увидев Бать Иен и Аркбутана, подбежал к ним, крепко пожал руку девушке: — Только теперь я узнал вас! Ведь это вы и ваша подруга симпатизируете Гитлеру!

— Насколько я понимаю, вы только что вернулись из Бонна, — проговорила девушка.

— Что вы, я никогда не был дальше Сайгона, — ответил мужчина с зелено-белым галстуком, глядя на Бать Иен. При этом он сделал вид, что говорит совершенно серьезно.

У девушки радостно засверкали глаза. Она счастливо засмеялась. Про себя она не уставала повторять: «Фыонг Донг! Как я рада встрече с тобой!» Она чуть не сказала это вслух, но силой воли собрала свои чувства в кулак и заставила себя слушать Фыонг Донга, который представлял ей подполковника с низким лбом и вздернутым носом.

— Это мой близкий друг, подполковник Зу, герой авиации. Для него небо роднее земли, — сказал Фыонг Донг.

Подполковник расцвел в улыбке, пожал руку Бать Иен:

— Счастлив познакомиться с самым очаровательным цветком сегодняшнего вечера танцев.

Бать Иен кокетливо наклонила голову.

— Благодарю. Сегодня сама земля счастлива принимать вас, — ответила она на комплимент.

Подполковник Зу даже брови поднял от удовольствия, услышав эти многозначительные слова прелестной девушки, и подхватил ее тон:

— Встретив вас, я вновь почувствовал себя в небе, потому что только там блистают такие звезды.

Аркбутан нахмурился. Он с трудом терпел подполковника, однако был вынужден проявлять учтивость, тем более что подполковник был одним из приятелей его отца.

В зале замигали лампочки, заиграла музыка. Фыонг Донг пригласил Бать Иен на танец. Они слились с другими танцующими парами, раскачивающимися в ритме музыки.

— У меня для тебя подарок, — тихо проговорил Фыонг Донг. — Он в левой руке. Осторожно! Обязательно потанцуй с моим приятелем — «героем авиации»! Мы на подопреждении у шефа!

Музыка кончилась. Бать Иен вытащила из сумочки носовой платок, изящно промокнула лоб, посмотрелась в зеркальце, слегка подправила помаду на губах. «Сувенир», который ей передал Фыонг Донг, был бережно уложен на самое дно сумочки... Потом девушка танцевала с невзрачным подполковником ВВС, служившим в представительстве Тихоокеанских военно-воздушных сил США, находящемся в Бьенхоа.

Вернувшись к месту, где сидел Аркбутан, она очень удивилась, когда к ней подскочил советник Смит. За его спиной маячил теперь уже подполковник марионеточной армии Тхи. Х-5 сразу вспомнила несчастную Кьену Хоа...

Отвечая на вежливое приветствие Смита, девушка едва кивнула ему. Он протянул ей тяжелую, как у медведя, лапу. Х-5 с огромным трудом сдержала отвращение и ненависть, вспыхнувшие в душе, и спокойно протянула ему руку.

Вечер близился к концу. Собравшиеся в зале видели, как очаровательная, улыбающаяся Бать Иен танцует с советником Смитом. Это был медленный танец «Самое красивое в жизни танго»...

Когда возвращались в Сайгон, Аркбутан торжествующе заявил:

— Все так, как я и предполагал! Это провал для Бокуита. — Он на секунду замолчал, искоса взглянул на Бать Иен. Девушка по-прежнему бесстрастно смотрела вперед на дорогу, давая Аркбутану возможность выговориться.

— Группа «пресмыкающихся», которую готовил Бокуит, попала на севере Вьетнама в лапы коммунистов.

— А как группа «Врата неба»? — повернувшись к Аркбутану, спросила девушка и поймала себя на мысли, что ей не хватает выдержки. Хорошо, что Аркбутан увлечен собственным рассказом!

— Этой группе господь бог послал удачу, — поспешно ответил он. — Они проникли в глубину района Тайбака и поддерживают постоянную радиосвязь с командованием.

Наша авиация уже сделала два вылета в этот район и сбросила им все необходимое, в том числе золото.

— Даже золото? Зачем? Они что, там тратят его?

— Нет! — засмеялся Аркбутан. — Золото им нужно, чтобы подкупать дикие племена, я имею в виду местные национальные меньшинства! Эта идея была предложена американцам тайваньским советником.

Бать Иен молчала. Аркбутан решил, что девушка загрустила, и спросил:

— Почему ты невесела, Бать Иен?

— А чему радоваться, если только одна группа успешно выполняет задание, а другой противник перемалывает кости? Я думаю не о Бокуите, а о наших солдатах. Ты меня понимаешь?

Но разве мог этот человек понять, что творилось в ее душе?!

Х-5 волновалась: все-таки один спецотряд успешно высадился. Когда Аркбутан узнал об этом? Каким образом? Ясно было, что совсем недавно, пока она танцевала... Кто мог сказать ему об этом? Как сообщить на север о месте, где сейчас находится эта подрывная группа? Девушка корила себя за то, что упустила что-то важное. Она вздохнула.

Аркбутан, конечно, не мог понять смысла этого вздоха. Он продолжал:

— Все-таки это внушительный успех, считай, половина дела. — Говорил Аркбутан тихо, почти шептал. — «Герой авиации», который танцевал с тобой, очень доволен этими результатами.

— Почему же? Ведь дело сделано только на пятьдесят процентов.

— Сто процентов его обрадовали бы меньше, чем пятьдесят, поскольку то, что одним удалось пробраться на север, — дело его рук, а то, что другие погибли, — это работа еще кое-кого...

— Не понимаю.

Аркбутан рассмеялся:

— Чего тут понимать? Этот ас отправлял свою группу через «Врата неба». А за группу, которая шла на север морем, он не отвечал...

Х-5 больше не стала ни о чем спрашивать Аркбутана. Она надолго задумалась. Значит, стоит обратить самое серьезное внимание на этого подполковника ВВС, побольше разузнать о нем...

И вновь состоялся танцевальный вечер, но уже не такой многолюдный. На сей раз желающие потанцевать собрались в уютном особняке на улице Н., в доме номер 6. Здесь были артисты, студенты, военные — друзья Ми Лиен.

Приглушенный неоновый свет заливал зеленую гостиную. Посреди комнаты в хрустальной вазе стояли розы, источая прекрасный тонкий аромат. Гости с интересом разучивали новую песню о любви. Она называлась «Моя любовь словно пламя на белом снегу».

На втором этаже особняка, в маленькой тихой комнате с окном, выходящим во двор, командир отряда Фи Ван проводил совещания с ТК-5 и Х-5. Хозяйка особняка, землевладелица из Бакльеу, то прохаживалась по комнатам, то выходила во двор.

— «Сувенир» Фыонг Донга уже передан куда следует. Снимки получились четкие. Кроме того, мы передали и схему объекта, нарисованную Ми Лиен.

— А как Фыонг Донг? Одобрил ли он наш план действий? — задал ТК-1 главный вопрос, который его больше всего беспокоил.

Фи Ван не торопясь, размеренно ответил:

— Фыонг Донг сейчас на особом задании. Он перепроверяет новые стратегические замыслы и уточняет цели, которые противник ставит перед собой на нынешнем этапе войны. Одновременно он выясняет месторасположение объектов, по которым такие группы, как наша, должны нанести удар в первую очередь. На каждый удар противника по Северному Вьетнаму мы должны ответить десятикратным ударом. Фыонг Донг одобрил наш план превратить кинотеатр «До Тхань» в бетонированный гроб. Самое главное — выбрать точное время, чтобы операция принесла наивысший эффект.

— А как быть с шефом? — спросил ТК-1.

— Нам надо его сохранить живым. Шеф — доверенное лицо ЦРУ. У него возникли какие-то подозрения относительно Фыонг Донга и твоей девушки. — Фи Ван перевел взгляд на Х-5 и заулыбался. — После того как план противника по проведению операций в нашем тылу оказался в наших руках, мы получили право принимать собственные решения на этот счет.

— Смертная казнь? — спросил ТК-1.

— Нет. Предстоит переправить его в освобожденный район.

— А как быть с Аркбутаном?

— До него очередь еще не дошла.

— Кто будет выполнять приказ?

— Я смотрю, группа ТК-1 еще не удовлетворена? — Фи Ван похлопал ТК-1 по плечу, засмеялся. — Тебе предстоит выполнить еще одно задание особой важности.

ТК-1, широко раскрыв глаза, ждал, что Фи Ван скажет дальше.

— Ты должен стать вторым охранником Бать Иен... то бишь Бархатной Розы.

ТК-1 заспорил:

— Почему вторым охранником?

Фи Ван продолжал смеяться, показывая ослепительно белые зубы.

— Потому что... — Фи Ван немного потянул с ответом. — Потому что охранник номер 1 — это объект, за которым необходимо вести пристальное наблюдение. Если Бать Иен будет в опасности, то в действие должен вступить ты.

— Аркбутан! — воскликнул ТК-1. — Действительно, сейчас он для нас очень полезен.

Фи Ван повернулся в сторону девушки и спросил:

— Как ты считаешь? Ты довольна своим охранником номер 1?

Бархатная Роза заколебалась, оглядела комнату, подумала и сказала:

— У меня есть другое предложение.

— Какое же?

— Дайте мне отомстить за Киеу Хоа.

— Ты считаешь, что надо убрать Смита?

— Да!

— Это авантюра.

У Х-5 зарделось лицо от этих слов.

— Нет, не авантюра! — воскликнула она горячо. — Я все тщательно рассчитала.

Фи Ван был сильно взволнован. Он сидел молча, слегка наклонив голову. Морщины прорезали его лоб.

— Я согласен с предложением Х-5, — сказал ТК-1. — Но надо тщательно продумать, как ликвидировать советника.

Х-5 предложила подложить ему в карман зажигалку со взрывчаткой.

— Это дело нехитрое, — согласился ТК-1. — Но вот вопрос: а вдруг Смит предложит тебе прикурить от этой зажигалки?

— Что же, я готова погибнуть!

— Нет, так не годится. Это действительно авантюра. Товарищ Фи Ван прав...

Фи Ван посмотрел на парня. Его губы слегка шевельнулись, будто он хотел засмеяться.

«Твоя горячность сразу же превращается в осторожность, когда этой девушке поручается опасное дело», — подумал он, но не произнес этих слов.

— Не исключен и другой вариант, — продолжал ТК-1. — Скажем, Смит предложит кому-то другому прикурить от этой зажигалки. Человек погибнет, а Смит останется жив. Таким образом, цель опять не будет достигнута...

Девушка посмотрела на Фи Вана.

— Если этот вариант не проходит, давайте придумаем другой. Но я твердо знаю, что у меня больше возможностей рассчитаться с этим мерзавцем, — сказала она.

Фи Ван одобрительно кивнул:

— У меня такое же мнение. Вопрос только в том, как лучше это сделать. Ответственность, возложенная на нас, требует, чтобы мы при любых, даже самых сложных, обстоятельствах успешно выполнили задачу. Тут я полностью согласен с ТК-1. Надо так покарать этого мерзавца, чтобы не подвергнуть опасности нашу группу и избежать каких-либо жертв с нашей стороны.

ТК-1 рассеянно смотрел в окно. Его глаза под густыми, как у араба, бровями стали еще глубже. С первого этажа доносилось пение Ми Лиен: «Моя любовь словно пламя на белом снегу». ТК-1 представил, что он стоит посреди степи...

«Симка», которую вел ТК-1, доставила Бархатную Розу на аэродром Таншоннят. Через посредника, работающего в клубе прилегающего микрорайона, подполковнику Тхи стало известно, что очаровательной девушке Бать Иен срочно в течение ближайших десяти дней нужно достать миллион пиастров, чтобы повернуть аферу на «черном рынке». У нее есть семьсот пятьдесят тысяч, не хватает еще двухсот пятидесяти. Она готова раздобыть недостающую сумму любой ценой...

Подполковник Тхи сразу же ухватился за эту благоприятную возможность. Он разыскал советника:

— Господин Смит, уникальный случай!..

— Хорошо, хорошо, очень хорошо! — слушая Тхи, смеялся Смит.

— Господин Смит, удача идет вам в руки... Но...

— Какое «но»? Что вас смущает, господин подполковник? Говорите, я слушаю.

— В этот раз цена немного выше. В прошлый раз, господин советник, вы получили и рыболовную сеть, и блесну. Ну а мне, как вы знаете, ничего не досталось. В этот раз, господин Смит, прошу выдать мне аванс в двадцать пять тысяч пиастров, а когда дело будет кончено, еще пятнадцать тысяч.

— Но при условии, что девушка придет ко мне в гостиницу.

— Гарантирую, господин Смит.

Все было так, как и в первый раз, в случае с Киеу Хоа. Подполковник Тхи передал Бать Иен письмо: «Вы получите сто тысяч, если согласитесь прийти в номер господина Смита в гостинице «Каравелла».

Не дождавшись ответа, подполковник Тхи постарался встретиться с Бать Иен. Девушка сделала вид, что не верит ему.

— Господин подполковник, не разыгрывайте меня, пожалуйста, — проговорила она с печальным видом.

Тхи засмеялся, ватем произнес торопливо:

— Вы что, в самом деле не верите мне? Почему вы не соглашаетесь?

— Вы же знаете, к какому кругу людей я отношусь!

Подполковник смягчил тон:

— Я никогда не позволю себе унизить девушку из высшего общества, которая, видит бог, должна купаться в золоте. Однако жизнь быстро меняется. Для вас это будет особый случай при особых обстоятельствах. Должен сказать, что подобные истории не так уж редко происходят с благопристойными дамами и девушками из хороших семей. Деньги обладают огромной притягательной силой, которая вовлекает на свою орбиту всех, независимо от чинов и нравов, людей высшего света и людей с самого дна жизни...

— Вы философ, господин подполковник, — заставила себя улыбнуться Бать Иен.

— Нет, такова жизнь! Именно поэтому я осмелился предложить вариант, с помощью которого вы можете разрешить свои денежные затруднения. — Он засмеялся. — Неужели вы боитесь? Я гарантирую, что, кроме меня и Смита, об этом никто не узнает, — доверительно проговорил он.

Бать Иен молчала.

Подполковник решил, что его слова убедили девушку, и быстро затараторил:

— У вас сразу появится сто тысяч пиастров. — Тхи выжидательно посмотрел в лицо Бать Иен. — Надо только согласиться. Ну что вы потеряете? Ничего! Зато получите кругленькую сумму!

Бать Иен прижала руки к груди. По ее щекам показались слезы.

Подполковник Тхи отвернулся и стал смотреть в окно. Он был уверен, что девушка прислушается к его советам. Он ни минуты не сомневался, что обстановка вынудит ее избрать предложенный им вариант.

Бать Иен в это время думала о Киеу Хоа. Ненависть и презрение не давали ей дышать. В ней будто бы ожила Киеу Хоа. Она все вспомнила до мельчайших подробностей. Опять тот же советник Смит, опять тот же сутенер, опять те же грязные приемы. Ее лихорадило. От стыда лицо залилось краской. Ей претил этот грязный торг мерзавца Тхи.

— Господин подполковник, — наконец сказала она, — обстановка действительно сложилась серьезная. Но выбираться из положения вы предлагаете мне грязным путем.

— Да, это так, Бать Иен. Чтобы выйти из лабиринта, осталась только эта лазейка. Зато она открывает путь к светлым просторам. Более того, как только вы выйдете на эти просторы, грязь эта исчезнет. И никто ничего не будет знать.

Бать Иен не ответила ему.

— А вы знаете, сколько золота и жемчуга, — продолжал подполковник, — попадает в крепости и дворцы именно таким путем?

— Господин подполковник, — медленно проговорила Бать Иен, — у меня еще есть достаточно времени, чтобы выбраться из лабиринта, минуя ваши грязные двери. До свидания.

Подполковник торопливо спросил:

— А если вам это не удастся? — Он обвел медленным взглядом девушку. — Или вы не сможете набрать нужную сумму?

— За кого вы меня принимаете? — Глаза Бать Иен гордо загорелись. — Денег Смита достаточно только для того, чтобы сшить пару шелковых платьев, господин подполковник!

Он молча вышел из комнаты, поняв, что хотела сказать девушка.

«Глупышка! — подумал он и засмеялся про себя. — Ты хочешь большей цены! Но сколько бы ты ни просила, сколько бы ни торговалась, все равно эти деньги вернутся в карман Смита, этой наглой собаки!»

Два дня спустя подполковник Тхи встретил Бать Иен в клубе гражданской авиации аэропорта Таншоннят. Они еще не начали разговора, как появился Смит. Он согнул в знак приветствия багровую шею, заказал вина и выпил за здоровье красивой девушки, потом предложил ей закурить. Бать Иен взяла сигарету и не успела еще достать зажигалку из сумочки, как он зажег свою и поднес ее Бать Иен. Девушка улыбнулась, вытянула губы, держащие сигарету, к огню. Глаза ее были опущены. Она внимательно разглядывала японскую зажигалку в руках Смита, на которой отчетливо было написано «Принц Эспер — 52».

Бать Иен сделала глубокую затяжку и сказала:

— О, эти сигареты немного крепкие для меня! Я не такая заядлая курильщица, как вы. И потом, врачи не рекомендуют много курить.

Смит пожал плечами:

— Зачастую врачи сами заядлые курильщики! Табак для нас, военных, необходим, чтобы развеять тоску.

— Тоску, господин советник? Какую тоску, о чем? Президент Республики Вьетнам встречает вас цветами и улыбками, так о чем же тосковать?!

— Я имею в виду те минуты, когда вынужден находиться среди убитых. Конечно, сейчас, когда рядом такая очаровательная девушка, чувствуешь себя самым счастливым человеком!

— И все-таки я бы посоветовала вам поменьше курить. И стараться вообще не курить в закрытых помещениях или в машине. Я курю, но плохо переношу табачный дым.

— Вы хотите сказать, что мне не следует курить, когда я рядом с вами?

— Нет, что вы, господин Смит! Я и не думала об этом. Просто мужчины, желая как-то успокоиться, превращают себя в табачную трубку и заставляют других глотать дым и лить слезы.

— Тот, кто заставит ваши прекрасные глаза лить слезы, Бать Иен, — настоящий преступник! Поэтому, если вы не разрешаете мне курить, я немедленно бросаю.

«Язык дьявола! — подумала Х-5. — Ах, с какой ненавистью я бросила бы горсть табака прямо в эту волчью

пасты! Сколько загубленных молодых жизней на его совети!» Но она хладнокровно ответила:

— Спасибо! — И сбросила пепел с горячей сигареты в пепельницу, стоящую перед советником.

— Я никогда не забуду вечер танцев в Бьенхоа. Он навсегда останется памятным в моей жизни, в которой было так мало счастливых дней. Хочу верить, что у нас еще будет возможность повторить такой счастливый случай.

— Молите бога! — ответила Бать Иен.

Смит встал, извинился и вышел. Бать Иен осталась с подполковником Тхи.

— Господин Смит считает вас бесценным даром всевышнего, — сказал подполковник. — И он согласен удвоить предложенную вам сумму. Он готов выложить двести тысяч.

Бать Иен печально произнесла:

— Вы меня толкаете в пропасть. И пусть я умру, однако не соглашусь с вашим предложением, если вы не удовлетворите моих требований.

Тхи захлопал глазами и захихикал:

— Каких же?

— Мне в ближайшие три дня нужно двести пятьдесят тысяч пиастров и ни сантима меньше. Ни сантима. Вы поняли меня, господин подполковник? Если господин Смит согласен, то послезавтра вечером, часов в восемь, я готова провести с ним вечер в баре «Лямур». Да... заранее он должен передать мне пятьдесят тысяч пиастров, а остальные двести тысяч он передаст мне целехонькими... следующей ночью...

— В гостинице, в его личном номере.

— Естественно, — спокойно произнесла Бать Иен. Она чувствовала, как пылают от стыда ее щеки. — Итак, договариваемся: он приедет за мной сюда в семь часов тридцать минут.

На лице подполковника Тхи засияла улыбка. Он окинул девушку взглядом с головы до ног.

— Вот видите, все получается так, как я говорил в первый вечер. Чему быть, того не миновать. Я уверен, что господин Смит согласится с вашими условиями.

— Что касается вас, господин подполковник, — засмеялась Бать Иен, — то я не забуду вас, если вы сохраните в полной тайне наши отношения с советником Смитом. Только ваше молчание может спасти мою репутацию. Лишь при этом условии я соглашусь на такой шаг.

— Не беспокойтесь. Клянусь честью хранить вашу тайну.

Итак, сделка состоялась. Бать Иен быстро вышла из клуба. ТК-1, ожидавший девушку в машине, открыл ей дверь «симки». Он завел автомобиль.

— Ну как, все в порядке?

— Да. Одно дело закончили, — тихо ответила Х-5.

— Закончили или только начали?

— Закончили одно дело, чтобы начать другое.

— И это новое дело — новая встреча счастья с несчастьем?

— Ты не беспокойся за меня, Зунг. — Х-5 назвала его именем, которым парня называли в детстве. — Я не авантюристка. Ничего плохого со мной не произойдет.

ТК-1 поймал на себе нежный и ласковый взгляд девушки...

— Приготовь мне, пожалуйста, зажигалку, такую, как у Смита. «Принц Эспер — 52».

— Хорошо!.. Ты сказала, что он обещал приехать за тобой. Наверняка у него в голове зреет какой-то план.

Х-5 покраснела от смущения и засмеялась:

— Чем больше ты опасаясь, тем больше я убеждаюсь, что все пройдет нормально. Я считаю, что ситуация подскажет мне единственно правильную линию поведения.

Вскоре они выехали на шоссе, ведущее в Конгли.

— А как дела с шефом? — спросила Х-5, нарушив молчание. — Почему он проявил такой интерес ко мне и к Ми Лиен после встречи в Вунгтау?

— Не исключено, что у него тоже закралось какое-то подозрение и он решил устроить еще одну проверку.

— Похоже, что так! — кивнула в знак согласия Х-5. Она закрыла глаза и стала припоминать в деталях вечер в доме Ми Ле в Вунгтау: — Только теперь я вдруг вспомнила, что старик сказал тогда. Он был очень вежлив и исключительно внимателен. А потом даже вышел проводить нас. Сначала он попрощался с Ми Лиен. Затем подошел ко мне: «Вижусь с вами только второй или третий раз, — сказал он, — но у меня создалось впечатление, что мы знакомы почти вечность». Он немного помолчал, затем добавил: «Может быть, это возраст дает о себе знать и я начинаю вас путать с изображениями на картинах!»

— А как ты ему ответила? — смеясь, спросил ТК-1. — Ты не сказала ему: «Я не с картины, а живой образ, когда-то виденный вами»?

— Я ответила ему: «Мне еще не выпадало счастья

быть натурщицей для картины». Я посмотрела тогда на него через темные очки. Он наклонил голову, и его дряблые щеки нависли над подбородком и скулами, словно кожаные кошельки. — Х-5 засмеялась, обрадовавшись удачному сравнению.

— Это он маскируется, словно хищник, делает вид, что уходит от добычи. Он очень хитер!

— И что же делать? — с беспокойством спросила Х-5.

— Он принял приглашение Фыонг Донга поужинать завтра вечером где-нибудь за городом, — сказал ТК-1. — Наши друзья тщательно готовятся к приему. Мы должны получить от него информацию относительно операции «Бархатная рука» и концепции «трех пропаганд», разработанных тайваньским советником. У него будет возможность вновь встретиться с Бать Иен и убедиться, что это настоящая девушка, а не нарисованная на картине, — сказал ТК-1, глядя прямо перед собой.

Бать Иен, улыбнувшись, спросила:

— А почему надо помочь только шефу? Может быть, помочь и Аркбутану? Он ведь тоже верный служитель теории психологической войны и наизусть помнит все материалы, разработанные на этот счет в армии США.

— Именно поэтому мы хотим использовать его для другого дела, — сказал ТК-1. — Не забудь, что он должен быть твоим охранником номер 1.

Девушка молчала. В свете уличных фонарей ее алые губы казались совсем темными. По ним скользнула улыбка. Она хотела подшутить над ТК-1, но передумала.

Наконец они приехали к месту, где он должен был ее высадить. Машина потихоньку подкатила к тротуару напротив какого-то большого здания. Бархатная Роза с улыбкой открыла дверцу и, повернувшись к водителю, будто отдавая ему какие-то указания, произнесла:

— Запомни, мне нужен только охранник номер 2!

Она проговорила это совсем тихо, но он не пропустил ни одного слова. Затем дверца машины резко хлопнула. Но водитель будто не слышал этого. Счастье искрилось в его глазах, освещая светом радости симпатичное лицо.

Нгуен Ми Тхуат был потрясен исчезновением плана проведения операций в тылу противника. Он пытался в деталях восстановить ситуацию, чтобы понять, как это могло произойти. Его подозрение пало на молодого ком-

мерсанта, а также на очаровательную девушку, которую он решил подвергнуть тщательной проверке, выражаясь его языком. Когда он узнал, что его жена Ми Ле подозревает, что Бать Иен и Ми Чинь — одно и то же лицо, он решил немедленно просмотреть свои досье. Раскрыв семейный альбом, он с лупой в руках принялся разглядывать сделанные несколько лет назад фотографии, на которых была изображена Ми Чинь, но так и не пришел к твердому убеждению, что та очаровательная девушка, которую Ми Ле принимала у себя на вилле в Вунгтау, — его приемная дочь.

Получив приглашение коммерсанта поужинать, Нгуен Ми Тхуат с радостью согласился. Теперь он мог внимательно понаблюдать за девушкой, чтобы особыми, только ему известными приемами проверить свои подозрения. Он решил ничего не говорить о предстоящей встрече даже жене.

«И все же она необыкновенная красавица, — глядя на старые фотографии, размышлял Повеса, не уверенный, что Ми Чинь и Бать Иен — одно и то же лицо. — У красивых женщин всегда много схожих черт, — убеждал он себя. — Да! Эта девушка весьма соблазнительна. Такую красавицу нельзя пропускать!»

Сейчас старик уже не мог бы сказать точно, когда у него завязались отношения с молодым, способным коммерсантом, имеющим виллу в Каннах. Этот человек очень хорошо знал семью старика, снабжал его кое-какой информацией о близких ему людях, находившихся в коммунистической зоне. Он не раз помогал Ми Тхуату срыwać планы конкурентов в сложных деловых аферах и политических делах. И тем не менее после исчезновения важного документа в душу старика закралось подозрение. «Кто же он такой? Может быть, это агент ЦРУ, наблюдающий за мной, или агент английской, французской, японской разведки? А может, он работает на оппозиционеров или, хуже того, — это вьетконговский разведчик?» Старик пришел к выводу, что необходимо немедленно подвергнуть тщательной проверке этого «приятеля».

Больше всего старика волновало, как вернуть план проведения операций в тылу противника. Сколько различных вариантов действий перебирал он в голове, сколько придумывал хитроумных расчетов! Каково же было его удивление, когда он получил странное письмо. Старик раз пять перечитал его и понял, что в нем — его спасение. Письмо проливало свет на вопросы, которые волновали его.

«Уважаемый шеф, полностью разделяю Ваше беспокойство в связи с исчезновением плана, который Вам лично вручил посол Кэбот Лодж. Кто похитил этот документ и как вернуть его обратно? Я хочу помочь Вам в изучении тех лиц, которых Вы подозреваете. Считаю реальным возвращение этого стратегического плана в наши руки. Естественно, что единственным условием может быть договоренность на взаимовыгодной для Вас и меня основе. Счастлив буду получить от Вас благословение на осуществление миссии. Готов встретиться с Вами сегодня вечером в 10 часов 30 минут в дансинге «Арк-ан-сьель».

Франк».

Нгуен Ми Тхуат слишком хорошо знал, кто такой Старуха Франк. Это был хитрый малый. Старик бурчал недовольно: «Он пытается угрожать мне и в то же время подъехать ко мне на козе, чтобы сорвать куш побольше. Ну что ж, настанет и твоя очередь таскать каштаны голыми руками из огня!» Старик снял очки, затем вновь нацепил их на нос. Он знал, что не откажется от услуг этого типа. Любой ценой он должен вернуть похищенный план и рассчитаться с похитителем.

Раздался звонок. Вошедший слуга сообщил, что прибыл гость. Старик не спеша прошел по коридору. За ним следовал его самый надежный охранник, плотно сложенный, с квадратным черепом, с татуировкой на левой мясистой руке.

Ми Тхуат шел медленно, но не потому, что ощущал на своих плечах тяжесть прожитых лет — ему уже перевалило за шестьдесят. Он просто хотел «выдержать» гостя, а кроме того, использовать эти секунды, чтобы обдумать линию поведения, избежать неточных шагов или не до конца продуманных слов. Старик всегда контролировал свои действия. Он требовал и от своего сына Ми Куока продуманности в словах и делах. Повеса носил темные очки даже когда принимал гостей. Он имел на этот счет свое мнение: «Глаза помогают мне внимательно изучить человека, сидящего передо мной, но они также выдают и мои собственные мысли. Это ведь самое точное зеркало, отражающее чувства, мысли, раздумья». Вечером, когда темные очки нельзя было носить, он внимательно вглядывался в человека, которого ему необходимо было изучить, но сразу же отворачивался от собеседника, когда чувствовал, что тот начинает его разглядывать.

Итак, старик протер темные очки, нацепил их толстые

дужки на уши и медленно спустился с невысокого крыльца. У дома, под густым раскидистым деревом, цветущим ярко-красными цветами, стоял новенький блестящий автомобиль «рено». Ми Тхуат как-то объяснил коммерсанту, почему он так любит красные цветы: «У меня от рождения «революционная» кровь, поэтому я обожаю красный цвет». Коммерсант засмеялся и ответил старику: «Я слышал, что американский посол так же, как и вы, любит красный цвет. Это у него от духовного родства с вами». Старик кивнул, не опровергнув, но и не выказав явного согласия со словами коммерсанта.

Сейчас, увидев гостя, вышедшего из машины, он пожал ему руку, и коммерсант проговорил:

— Я поставил машину как раз под деревом с красными цветами, чтобы хоть немного проникнуться вашей «революционностью».

Как всегда, старик кивнул, не выказывая ни согласия, ни возражения, и предложил гостю зайти в дом. Он шел тихо и размеренно. Это были осторожные, как у кошки, шаги.

Через полчаса они вышли из дома. Шеф вместе с охранником сел в свой «мерседес». Он пригласил и гостя в свою машину, но тот вежливо отказался, сказав, что его «рено» не хуже «мерседеса».

Машину Ми Тхуат вел сам. Она развивала скорость до 160 километров в час.

Машины выехали за город. «Мерседес» шел за «рено». Они проскочили контрольный пост и вдруг в трех километрах от поста их остановила полиция...

Вся история заняла не более пятнадцати минут... «Мерседес» оказался в кустах. За его рулем сидел уже не шеф, а коммерсант — он же Фыонг Донг. Затем он вышел из «мерседеса», спрятал поглубже в карман письмо Франка, отобранное у старика «полицейскими». Сев снова за руль «рено», он поехал в город. Что касается шефа и его охранника, то «полицейские» повезли их к берегу реки Донгнай, где ждала лодка. Река шумно несла свои волны...

Было уже около одиннадцати вечера. Дансинг «Аркан-сьель» сотрясался в грохоте джаза. В отдаленном углу зала за отдельным столиком сидел изысканно одетый молодой человек. Массивные очки с темными, почти черными стеклами выгодно подчеркивали красоту его лица. Время от времени он поглядывал на часы, будто кого-то ожидал.

— Господин Франсуа! — тихо окликнул его человек в рубашке с короткими рукавами.

Молодой человек в очках удивился:

— Извините, кто вы? Я вас не знаю!

Мужчина в рубашке с короткими рукавами с серьезным видом произнес:

— Разрешите представиться, я специальный уполномоченный шефа. Он приносит вам свои извинения за то, что нарушил договоренность и не смог приехать на встречу сам, а прислал меня...

— Я вас вижу впервые... И о каком шефе вы говорите?

Незнакомец достал из кармана бумажник, вытащил из него письмо, написанное Франком шефу.

— Теперь, я надеюсь, вы верите?

Франсуа несколько мгновений молча смотрел на мужчину, затем засмеялся:

— Ну что ж! Приступим к делу... Почему не приехал сам шеф?

— Ну, во-первых, не забывайте о его возрасте, а во-вторых, слишком обильным был ужин... Он попросил меня встретиться с вами, чтобы договориться о цене. Он просил передать вам, что ждет вас завтра в восемь утра. И та сумма, о которой мы сейчас договоримся, будет готова.

— Хорошо... Каковы условия шефа?

— Где план тыловых операций и кто его похитил? Вы же прекрасно это знаете, господин Франсуа.

— Старик хочет получить эту информацию. Я же хочу за нее с рук на руки тысячу долларов.

— Но если сведения, которые вы передадите, ему уже известны?

— Нет, совершенно точно, что он их не знает.

— Чем докажете?

— Вы напишите имя человека, которого подозревает Ми Тхуат, а я напишу имя человека, которого знаю я, и мы договоримся не говорить никому об этой тайне.

Они написали имена на почтовых открытках и обменялись открытками. Франсуа прочитал написанное и громко засмеялся. От смеха у него даже затрясся подбородок. На открытке было написано: «Шеф подозревает сына сенатора, любовника пианистки Ми Лиен».

— А вы, вы подозреваете Бать Иен! Эту благородную девушку, которая не раз говорила сыну Ми Тхуата о прокоммунистической деятельности сына сенатора! Нет

никаких сомнений в том, что вы ошибаетесь! — воскликнул мужчина в рубашке с короткими рукавами.

Франсуа расхохотался еще громче:

— Сейчас вы убедитесь, что ошибаетесь!

Франсуа внимательно огляделся, вытащил из кармана светлые очки, надел их вместо черных и снял усы.

— Теперь вы убедились в своей ошибке? Сын сенатора находится перед вами! — Франсуа засмеялся, снял очки, прикрывавшие родинку на переносице, и опять приладил усы. — Я доложу шефу о Бать Иен поподробней после того, как мы придем к согласию по условиям сделки, зафиксированным в специальном документе. Я хотел бы договориться с шефом о практической разработке крупномасштабного плана по проверке людей, а после этого доложить этот план советнику по государственной безопасности. Эта операция по выявлению подозрительных имеет куда большее значение, чем операции, которые мы ведем на фронте. Сейчас для шефа очень благоприятный момент. Он может вытащить весь невод с ценной рыбой. В этих условиях тысяча долларов, которую я прошу, — это мелочи по сравнению с теми деньгами, которые служба государственной безопасности уплатит шефу после успеха операции.

Его собеседник, кивнув, спросил:

— А у вас есть какие-либо конкретные доказательства относительно Бать Иен? Мне хотелось бы, чтобы вы пояснее сказали об этом, чтобы я смог убедить Ми Тху-ата.

— Пока я не могу вам сказать всего, но обещаю ничего не скрывать. Я считаю, что мы должны действовать так, как действует торговая фирма. Я достаю товар, шеф платит деньги. Бать Иен — это товарный ресурс, который так ищет ЦРУ... Думаю, что информации для первого доклада вам вполне достаточно.

Они кивнули друг другу и выпили по бокалу вина. Идя на этот шаг, Франсуа тем самым нарушил договоренность с людьми из Фронта освобождения, спасшими его. Он надеялся, что крупное дело, на которое он решился, поможет ему получить приличную сумму денег. С тех пор как он потерял записную книжку, в которой хранились секретные сведения, он жил в постоянном страхе и только сегодня впервые почувствовал себя спокойно. Он больше не проклинал фортуна, которая облагодетельствовала его за все испытанные им невзгоды.

Рассуждения его свелись к следующему: что такое жизнь? Это цепочка неожиданностей!

Неожиданности! Франсуа еще будет ругать фортуна и тем самым подтвердит свой последний «философский» вывод. Если бы Франсуа знал, что мужчина, с которым он разговаривал, посланник вовсе не шефа, а Фыонг Донга и Фи Вана!

Фыонг Донг сверил имеющиеся у него материалы с докладом Х-5 после ее встречи с Беллой Лис. Он был рад, что держит в руках ключ, с помощью которого сможет понять истинную суть «героя авиации». Командование приказало ему держать на крючке подполковника Зу. Он должен войти в доверие к Зу и пользоваться его покровительством. Через него можно будет своевременно раскрывать стратегические планы и замыслы противника, которые вынашиваются в штабе ВВС на Тихом океане, базирующемся в Бьенхоа, и докладывать о них Центральному Комитету и Хо Ши Мину...

Фыонг Донгу было известно, что подполковник Зу обожал красавицу Беллу Лис, певицу из дансинга «Аркан-сьель». Но у него была и жена, которую он побаивался. И где бы ни остановился четырехместный «фиат» подполковника, об этом сразу же узнавала жена «героя». Ревность ее не знала границ...

Тщательно приведя в порядок фотографии, которые ему передала Х-5 в кожаном портфеле, Фыонг Донг встал, оглядел себя в зеркало. Сейчас ему приходилось играть роль крупного и влиятельного дельца, поддерживающего отношения со многими торговыми фирмами и занимающегося сбытом в Гонконг босоножек на высоком каблуке фирмы «Досуки». Он поправил воротник рубашки, вышел из дому, сел за руль все того же «рено», на котором после похищения шефа заменили номер, и направился в ресторан, где у него была назначена встреча с подполковником Зу.

Фыонг Донг вышел из машины, по привычке внимательно огляделся. Когда он вошел в ресторан, там было полно народу. Они договорились встретиться в отдельном кабинете. Через несколько минут в ресторан вошел и подполковник Зу. Они радостно пожали друг другу руки.

— Давненько мы не виделись! Хочу о многом спросить, — сказал Зу.

— По-моему, мы выбрали хорошее местечко для встречи. Здесь нас никто не видит. Ты приехал из Бьен-хоа? Ничего, что смылся оттуда?

— Сойдет, в случае необходимости можно сразу же вернуться. Здесь, в городе, дел тоже по горло, — ответил Зу.

— И даже любовь не может оторвать тебя от дел? Значит, у тебя с Лис не такие уж прекрасные отношения?

— Клянусь, что у меня к ней самые лучшие чувства. Она захватила мою душу. С ней я готов на край света.

— А чего ж ты упускаешь удобный случай?

Подполковник Зу глубоко вздохнул:

— Не знаю, как уговорить Лис встретиться со мной. У меня очень мало времени в Сайгоне, всего несколько дней.

Фыонг Донг задумчиво проговорил:

— Один человек, так же, как и ты, с деньгами и положением, хорошо знает Лис еще по Парижу. Там она жила с Тхо. Через него можно узнать, почему она так холодна к тебе. — Фыонг Донг сделал вид, что не заметил, как у подполковника Зу широко раскрылись глаза от удивления, когда он услышал имя Тхо.

— Какой это Тхо? — спросил подполковник.

— Бай Тхо, неужели ты забыл? О нем я тебе расскажу попозже. Сейчас для тебя главное — покорить сердце Лис. Без помощи в этом «сердечном» деле тебе будет тяжело.

— А кому доверишься в таких делах?

— Это пустяк. Бать Иен хорошо знакома с Лис. Я попрошу ее помочь, — сказал Фыонг Донг и перевел разговор на другую тему: — А как ты думаешь, когда закончится война? Это важно и для моих торговых дел, да, я думаю, и для шефа. Знание ситуации — верный залог успеха в делах.

— Скоро! В 1965 году!

— В это трудно поверить. Вьетконговцы нажимают.

— Почему трудно? Пентагон и командование ВВС на Тихом океане уже подсчитали: Северный Вьетнам не выдержит, если подвергнуть массовой бомбардировке его промышленные объекты и коммуникации.

Теперь уже Фыонг Донг потерял спокойствие. Итак, ясно: противник вынашивает план расширения воздушной войны и перенесения ее на территорию Северного Вьетнама. Об этом немедленно следует передать в Цент-

ральный Комитет партии. Как можно спокойнее он сказал подполковнику:

— Но только здесь все надо подсчитать.

— Я вижу, ты силен только в торговых делах и совершенно не разбираешься в военных. Надо точно рассчитать силы противника, учесть реакцию общественности и вести эскалацию постепенно.

— Как же тогда можно говорить, что война кончится в 1965 году?

— У Северного Вьетнама не хватит сил, когда бомбы с Гуама¹ будут сбрасываться севернее 19-й параллели. Эта война продлится самое позднее до 1965 года. Так что у тебя для подготовки послевоенных торговых сделок еще есть время. Впрочем, тебе нечего совать нос в военные дела. Ты лучше расскажи о том, что меня сейчас волнует: Лис говорила тебе что-нибудь о Бай Тхо?

— Нет. Она избегает говорить на эту тему. Но у нас с Бай Тхо есть кое-какие общие денежные дела, в том числе одно дельце, касающееся и тебя.

Подполковник Зу вздохнул, вытер платком выступивший на лбу пот. Почему его финансовые секреты вдруг стали известны этому коммерсанту? Обеспокоенный, он спросил:

— Это что за дельце?

Фыонг Донг строго посмотрел на подполковника:

— Ты не хочешь быть откровенным со мной, поэтому мне приходится напомнить тебе о твоём долге Бай Тхо в размере миллиона пиастров. Прости, но ты сам вынудил меня сделать это.

Лицо подполковника Зу стало мертвенно-бледным. В этот момент он забыл даже о Лис. Все его тело затряслось мелкой дрожью. Фыонг Донг вынул из кармана фотографию, на которой Зу вместе с Бай Тхо были сфотографированы в Париже, а также почтовую открытку, где рукой подполковника была сделана расписка в получении миллиона пиастров.

Фыонг Донг продолжал атаку:

— В Париже Бай Тхо занял один миллион у меня. А сейчас ты отдай деньги прямо мне.

— А почему ты об этом не говорил мне раньше?

— О, денежные дела! — холодно засмеялся Фыонг

¹ На острове Гуам расположена американская база. Оттуда американские бомбардировщики Б-52 совершали налеты на Северный Вьетнам, — *Прим. пер.*

Донг. — Я видел, что ты чем-то обеспокоен, ну а мне тогда эти деньги не были особенно нужны.

— А кроме истории с миллионом пиастров говорил ли обо мне что-нибудь Бай Тхо?

— Я знаю многое, но, как твой приятель, прекрасно понимаю тебя и везде, где можно, защищаю. Ведь если что-то станет известно о твоих делишках, это тяжело отразится на твоём финансовом состоянии.

— Откуда ты знаешь? — задрожал от страха подполковник, опасаясь, что Фыонг Донг знает обо всех черных делах, лежащих на совести подполковника. — Где сейчас Тхо? — спросил он.

Не отвечая на вопрос, Фыонг Донг протянул подполковнику фотографии Бай Тхо, сделанные в Афинах, Риме, Париже. Затем интригуяюще начал:

— У него сейчас нет определенного адреса. На прошлой неделе, как я слышал, он должен был быть в Бонне... Вы вместе с ним заняли пять миллионов пиастров у одного чиновника из секты Бинь Суен¹, бежавшего за границу, и договорились, что поделите эти деньги пополам, но ты передал ему только полтора миллиона, затем ты проиграл в Гонконге из имевшихся у тебя на руках денег три миллиона и попросил займы у Бай Тхо миллион пиастров.

У подполковника Зу был такой вид, будто он попался с поличным. Он пролепетал:

— Прошу тебя, никому не говори об этом! Как только тебе понадобятся деньги, я сразу же выпишу чек на твоё имя.

Фыонг Донг не стал больше нажимать на подполковника. Он широко улыбнулся:

— Пока что деньги мне не нужны. Деньги, конечно, важная вещь, но ещё важнее доверие, взаимопомощь. Ты знаешь о военной обстановке в стране, и будет хорошо, если ты начнешь снабжать меня информацией, необходимой для успешного ведения моей фирмой коммерческих дел.

Подполковник радостно взглянул на друга:

— Ты встречался с моим отцом?

— Да, но, видя, что он очень обеспокоен за тебя, не стал ничего ему говорить.

Подполковник растроганно захлопал глазами:

¹ Религиозно-политическая секта, активно действовавшая на юге Вьетнама в 40—50 гг. — *Прим. пер.*

— Ты уж никому не рассказывай эту историю, а я тебя отблагодарю.

— Будь спокоен. Кроме меня, Бай Тхо и Лис, об этом никто не будет знать, можешь быть уверен. Лис тоже не из болтливых. Если у тебя к ней есть какие-то чувства, то имей в виду — более достойного объекта тебе не сыскать. Жаль только, я не знаю, как тебе помочь, ты то в командировке, то в Сайгоне...

Подполковник Зу никак не мог прийти в себя, свыкнуться с положением, что его темные закулисные махинации вдруг всплыли на поверхность. Восхищение другом перемешивалось у него с беспокойством: можно ли быть до конца уверенным в нем? Выпив несколько бокалов спиртного, Зу, совершенно опьяневший, привалился к спинке кресла.

В коридоре послышался шум чьих-то шагов. К коммерсанту подошел официант и вызвал его в коридор. Новость, которую ему сообщили, оказалась неприятной. Группа полицейских и тайных агентов, в том числе один тип с очень знакомым лицом, крутились вокруг его «рено». Они явно ожидали хозяина машины. Фыонг Донг сам увидел это из окна туалета. Он точно оценил создавшуюся ситуацию и степень опасности. «В какое время они засекли машину? Видели ли они, как я выходил из нее?.. Нет, я точно помню, что, когда выходил, вокруг не было ни души. Они наверняка засекли ее по приметам, переданным из управления полиции, пока я находился в гостинице. Именно поэтому они и ожидают возле машины». У него мгновенно созрел план действий. Он задал себе вопрос: «Видели ли они, как подполковник Зу подъезжал к гостинице на черном «фиате»?» И сам себе ответил: «Я остановил «рено» в десяти метрах от бара, Зу припарковал свой спортивный «фиат» на стоянке. Стало быть, обе машины находятся недалеко одна от другой. Похоже, что на машину Зу они не обратили внимания».

Фыонг Донг вернулся в зал, сел. Подполковник, подняв голову, сказал:

— Я должен выехать в командировку утром в пятницу.

— На сколько дней?

— На десять.

— Хорошо, я попрошу Бать Иен, чтобы она уговорила Лис встретиться с тобой. Но... — Здесь Фыонг Донг остановился, сделав вид, что в этом деле есть какие-то

препятствия, и продолжил: — У тебя жена такая ревнивая! Где бы ты ни был, она тут как тут. Слушай, у меня идея! На время, пока ты будешь в Сайгоне, поменяемся машинами. Согласен? Ну и отлично! Итак, встречаемся здесь завтра в девятнадцать часов.

Они обменялись ключами от машин. «Герой авиации» остался в гостинице, а Фыонг Донг ушел раньше. Он сел в машину Зу, вывел ее с места парковки, подъехал сзади к своему светло-серому «рено» и включил фары, как бы случайно осветив машину. Он увидел нескольких типов в полосатых рубашках, окруживших «рено». Фыонг Донг улыбнулся, набрал скорость, и машина рванулась вперед. «Эти типы еще долго будут ждать хозяина «рено». Каково же будет их удивление, когда они увидят, что хозяин машины — господин подполковник ВВС, вечно шатающийся по кабакам с особым пропуском на руках!»

Встретившись с Х-5, Фыонг Донг сказал:

— Завязывается очень интересная история, но без твоей помощи она не получит достойного завершения. «Герой авиации» сможет быть в Сайгоне только до утра пятницы. Ты уговори Лис, чтобы она пригласила его к себе домой вечером в субботу.

Девушка удивилась:

— Но ты говоришь, что он утром в пятницу уедет из города.

Фыонг Донг в ответ улыбнулся:

— Именно поэтому я и прошу тебя, чтобы ты уговорила Лис пригласить подполковника к себе вечером в субботу.

Девушка попробовала разобраться во всем, но затем решила не углубляться в тайные расчеты Фыонг Донга.

— Ладно! — Она рассмеялась.

— Ну вот и хорошо! — кивнул он. — Мы без слов понимаем друг друга. Сейчас нам необходимо заполучить схему объектов, предназначенных для нападения. А она находится у подполковника Зу.

Бать Иен вошла в бар «Лямур», славящийся в городе своей музыкальной группой. Она опаздывала на свидание со Смитом на десять минут. И все из-за «героя авиации», встреча с которым затянулась на полчаса. Бать Иен сказала подполковнику:

— Вы, как никогда, увлечены земными делами.

Подполковник Зу пытался направить беседу в нужное для него русло:

— Все это потому, что всевышний, обзревая небеса, не увидел там двух фей — красавиц Бать Иен и Беллу Лис, спустившихся на землю.

Бать Иен с готовностью поддержала развиваемую подполковником тему:

— А вы, узнав об этом, решили похитить одну из фей. Ну что ж, я принесла вам радостную весть от Лис.

Проговорив это, она передала подполковнику Зу пахнущую духами визитную карточку Беллы.

— Лис приглашает вас, меня и еще одну певичку поужинать у нее дома в субботу вечером. Это хороший повод для вас, чтобы просить фею подняться в облака, — пошутила Бать Иен.

Подполковник ВВС слегка дрожащими руками взял приглашение и стал его читать. Радость его постепенно сменилась растерянностью, затем унынием. Подумав с минуту, он в замешательстве ответил:

— Я похож на человека, который никогда не может насладиться счастьем. Лис приглашает меня прийти как раз тогда, когда меня не будет здесь. В это время я буду от прелестной феи на расстоянии нескольких тысяч километров!

Бать Иен сделала удивленное лицо:

— О боже! Куда же вы едете? Почему не воспользуетесь таким благоприятным случаем? Субботний вечер — это вечер встреч, вечер, которого ждут всю неделю. Сколько прекрасных историй начинается именно в субботний вечер! Недаром же люди говорят: настоящее воскресенье — это субботний вечер. И я думаю, то, что Лис пригласила вас к себе в субботний вечер, — это знак ее особого расположения к вам.

— Но я не смогу встретиться с ней, — грустно сказал подполковник Зу. — Как сделать, чтобы она поняла это?

Он направился к своему другу, чтобы просить у него совета. Коммерсант уже ждал его.

— Ну что ж, я очень сожалею, — сказал он подполковнику. — Не воспользоваться таким уникальным случаем! И потом, если ты не придешь, то Лис вряд ли поверит в искренность твоих чувств. Ведь она и до этого не слишком доверяла тебе. Наверняка твои парижские «дела» оставили у нее нехороший осадок. Чтобы убедить

се в обратном, тебе придется искать другой благоприятный случай, а он вряд ли скоро представится...

Подполковник Зу был ошеломлен:

— Если бы Лис знала, что я только что прилетел к пей от «святых врат»! Еще немного, и меня постигла бы участь Тхань Вана.

— Кто такой Тхань Ван?

— Это был пилот С-47. Его сбили на севере Вьетнама, в районе города Ниньбинь. А ты знаешь Ниньбинь? Это моя родина. — Подполковник Зу вытащил из кармана карту и стал быстро говорить, показывая Фыонг Донгу место, где был сбит самолет. — Здесь у них высокая плотность огня. Мой пилот был ранен. Если бы я не сумел вырулить машину, то гремели бы мои кости где-нибудь у Лайтяу. Но я остался жив и вернулся в тыл, чтобы упасть к ногам женщины, которая мне нравится.

Коммерсант похвалил подполковника:

— Ты талантливый летчик. Недаром тебя называли героем авиации. Наверняка у тебя уже много наград?

Подполковник воскликнул:

— Уже пять! — Он вздохнул и добавил: — Но от нее похвалы не дождешься. Лис не понимает, что у меня к ней самые искренние чувства.

— А почему ты не хочешь задержаться на денек? Неужели нет таких дел, которые нельзя было бы отложить?

— Откладывать нельзя ни на минуту. Но ты человек гражданский и, как я посмотрю, не понимаешь меня. Ну а уж если ты не понимаешь, то Лис тем более не поймет!

Фыонг Донг покачал головой и ответил:

— Ты зря на меня обижаешься. Не говоришь настоящей причины и хочешь, чтобы я так объяснил ситуацию Лис, чтобы она вошла в твое положение. Да, не очень-то ты доверяешь друзьям!

Подполковник Зу несколько смутился:

— Ты меня извини, тебе-то я доверяю абсолютно! Если бы тебя не было рядом, то я лишился бы серьезной поддержки. — Он раскрыл карту, достал из кармана ручку. — Передо мной сейчас поставлена специальная задача. И я не могу не выполнить ее! — Кончиком ручки он показал на карте аэродром в Донгхое (IV зона), затем районы Ваннама, Сепона (дорога номер 9 в Лаосе) и Тханьхоа. — Особая часть должна десантироваться здесь, — сказал он. — Я руковожу всеми вылетами от-

рядов особого назначения и непосредственно отвечаю за снабжение этих отрядов всем необходимым. Я сказал тебе все. Не могу лишь назвать точное время вылета, поскольку пока не знаю его. Нам сообщают время за несколько минут до начала операции. Я тебе полностью доверяю. Жаль только, что не могу в таком духе разговаривать и с Лис. Можно ли что-нибудь придумать в такой ситуации?

Фыонг Донг помолчал, подумал, затем сказал:

— Будь спокоен и иди делать свое дело. Я поговорю с Бать Иен, она свяжется с Лис, и думаю, та найдет возможность встретиться с тобой в другой раз. Я уверен, что Лис послушает подругу, и обещаю, что после твоего возвращения такая встреча состоится.

Подполковник Зу был растроган:

— Ты мне оказываешь неоценимую помощь! Я тоже тебе кое в чем помогу. Посмотри-ка, — сказал он, вынимая из кармана фотографию. — Как ты думаешь, кто это такой?

Фыонг Донг взглянул на фотографию человека, запечатленного на борту корабля, и отрицательно покачал головой:

— Не знаю.

— Это министр обороны США Макнамара. Эта фотография сделана во время особого совещания, которое проводилось на одном из кораблей 7-го американского флота. В ближайшее время следует ожидать события исторического значения на этом театре военных действий. Оно должно произойти в Тонкинском заливе. Я тебе говорю об этом, чтобы ты лучше вел свои торговые дела.

Вскоре Фыонг Донг распрощался с подполковником Зу. Он передал Х-5 богатую информацию. В Центр был направлен доклад о конкретных планах противника. Когда США развязали воздушную войну против Северного Вьетнама, это ни для кого не было неожиданностью. Вопрос стоял только о точных сроках начала агрессии. Северный Вьетнам был готов дать отпор противнику.

Советник Смит ждал Бать Иен. Девушка опаздывала. Когда она наконец показалась, он обрадовался и пошел ей навстречу.

— Прощу извинения, что заставила вас ждать, — проговорила она, протягивая ему руку. — Сегодня день

моего рождения. Жаль, что я не могу пригласить вас отобедать у меня вместе с друзьями.

— О, не стоит извинений, прекрасная Бать Иен! — сказал Смит. — Я не знал, что у вас сегодня такой радостный день. Небо подарило человечеству в этот день такой прекрасный цветок! Позвольте сделать что-нибудь приятное для вас. Я хотел бы подарить вам цветы.

— Что вы, уже поздно! Цветов теперь не найти... Лучше давайте выпьем вина. Позвольте мне сегодня командовать вами. — С этими словами Бать Иен склонила головку и очаровательно засмеялась.

— Согласен. Это большое счастье, когда тобой командует красивая женщина. Готов служить вам.

— Тогда прежде всего вы должны налить рюмку и выпить. Это приказ номер 1!

Смит налил рюмку.

— Почему такая маленькая рюмка? Я слышала, что вы умеете пить... Или вы боитесь опьянеть? — спросила Бать Иен.

Смит налил виски в стакан и выпил.

Бать Иен воскликнула:

— О, великолепно! А теперь я хотела бы потанцевать с вами.

— Спасибо, прекрасная Бать Иен, — сказал Смит. — Но сначала — дело! — Он вытащил из кармана пухлую пачку денег: — Здесь ровно пятьдесят тысяч... Итак, будем считать, что договор между вами и мной подписан, — сказал он, пристально взглянув на Бать Иен. При этом лицо его залилось краской.

Девушка сделала вид, что не заметила этого.

Деньги Смита перекочевали в ее сумочку. Она тихо, но так, чтобы он услышал, сказала:

— Я прошу сохранить в тайне наши с вами отношения.

Он кивнул в знак согласия. Она выпила несколько капель виски из своей рюмки и подала Смицу полный стакан:

— За ваше здоровье!

— Да здравствует прекрасный пол! — воскликнул Смит.

— Вы не курите?

— Я жду вашего приказа.

Бать Иен засмеялась:

— Вы очень исполнительный солдат. Ну что ж, тогда

договоримся так — не более одной сигареты каждые полчаса.

Смит полез в карман за сигаретами и зажигалкой. Бать Иен взяла «Принц Эспер — 52» из рук советника. Она была довольна — действие развивалось по ее замыслу. Она закурила вместе со Смитом. Смит протянул руку, чтобы взять у нее свою зажигалку.

— Позвольте, я оставляю ее у себя и буду давать вам прикуривать. Только так я смогу убедиться, что вы выполняете мой приказ. Итак, вы закурили по первой сигарете. Сейчас время — девять часов тридцать минут.

В танцевальном зале загорелись яркие лампы, извещающая о скором выходе на сцену оркестра.

Бать Иен встала, непринужденным движением положила зажигалку и пачку сигарет в сумочку, затем пригласила Смита в зал для танцев.

«Когда удобней и безопасней сунуть зажигалку со взрывчаткой ему в карман? — размышляла Бать Иен. — Было бы лучше всего, если бы он сам положил зажигалку себе в карман». Она почти не слушала, что говорил ей этот пьяный мерзавец. Ее мучило от запаха перегара, который шел от него. Сердцем она постоянно чувствовала за своей спиной присутствие человека, который поддоброму, но с беспокойством следит за каждым шагом танцующей пары.

ТК-1 находился в этом баре. Он танцевал с хрупкой темноволосой девушкой. В танце он вплотную приблизился к Бать Иен и Смигу и поймал на себе настороженный взгляд любимой, который как бы говорил: «Ты видишь, мы постоянно рядом — в этом диком обществе, в этих суровых испытаниях, выпавших нам в условиях подпольной борьбы. Несмотря ни на что, мы вместе — ты и я!» ТК-1 понял, что не должен был приближаться к Х-5, чтобы не причинять ей лишнее беспокойство. Партнерша ТК-1, посмотрев на него, произнесла:

— Любуешься красавицей, которая танцует с американцем?

Он засмеялся и ответил:

— У меня такое впечатление, что господин советник вот-вот рухнет.

— Да, он зверски пьян, — посмотрев через плечо парня, сказала девушка.

Танец кончился, и Смит повел Бать Иен к своему столику. Несколько американских офицеров подошли к

нему, чтобы познакомиться с девушкой. Смит, пьяно улыбаясь, представил:

— Друзья мои! Сейчао я пленник красавицы Бать Иен.

— Мне бы тоже хотелось стать таким пленником, как ты, Смит, — сказал один из американцев, в звании подполковника сухопутных войск.

Смит заказал еще вина. Все офицеры вышли за здоровье Бать Иен, развеселились. Бать Иен никак не могла найти момент, чтобы сунуть в карман Смита зажигалку. И тут он, решив закурить, стал искать свою зажигалку. «Вот самый благоприятный момент!» — пронеслось у девушки в голове. Она села рядом со Смитом будто бы для того, чтобы выпить вместе с ним вина, обняла его правой рукой за плечо, а левой незаметно опустила зажигалку ему в карман.

Это было сделано мгновенно и тем не менее не прошло мимо внимательного взгляда ТК-1. Он вздрогнул, поняв, что Бать Иен совершила ошибку — поторопилась положить зажигалку со взрывчаткой в карман Смита. Времени еще много. Смит может достать зажигалку из кармана и тут же закурить. Может произойти непоправимое! Он начал лихорадочно соображать, как можно спасти Бать Иен.

Но... кажется, девушка поняла свою ошибку и решила ее исправить. Она вытащила сигарету и зеленую зажигалку из сумочки.

— Разрешаю закурить всем, за исключением господина Смита.

Смит начал было спорить.

— Но вы разрешили мне курить по сигарете каждые полчаса. Условленное время уже прошло... Бать Иен, вы очень красивы и умны, но я прошу вас не лишать меня удовольствия курить. Назначенный вами срок давно прошел!

— Ну что ж... Господа, вы согласны, чтобы мой пленник Смит закурил?

— Нет! Да! — послышалось в ответ.

— Ну так и быть, я разрешаю ему закурить! — Она протянула Смицу сигарету и свою зажигалку со словами: — Я передаю вам этот священный огонь.

— Священный огонь! — громко подхватил один из американских офицеров. — Этот огонь доставлен сюда прямо с Олимпа! Прошу вас обнести им всех присутствующих.

Бать Иен начала со Смита. Она нажала на рычаг зажигалки — огня не было!

Пьяный советник Смит взял зажигалку из ее руки и тоже попробовал зажечь огонь, но и у него ничего не получилось. Он поспешно полез в карман за своей зажигалкой и протянул ее девушке.

Это была страшная минута. ТК-1 и предположить не мог, что ситуация сложится так опасно.

Однако Бать Иен отвела от себя руку американца.

— Взять огонь из вашей зажигалки?! Но ведь его не назовешь священным! — Она протянула Смиту свою горящую сигарету, чтобы он прикурил. Американец машинально сунул зажигалку в свой карман и прикурил от сигареты девушки.

— Действительно, это священный огонь, дайте его всем нам! — зашумели остальные.

В это время официантка подала Бать Иен сигареты «Салем» и спички. Бать Иен посмотрела на официантку, чуть заметно качнула головой.

В танцевальном зале вновь зажглись огни, загремела музыка. Бать Иен встала:

— До свидания, господа! До новой встречи! — Она засмеялась и пошутила: — Господа пленники, вы свободны!

— Спасибо! — дружно крикнули они, встали и со смехом направились в танцевальный зал.

Смит вызвался проводить Бать Иен.

— Господин Смит, — попросила девушка, — подвезите меня до транспортного агентства, меня там ждут.

Смит одобрительно кивнул:

— Я счастлив оказать вам содействие в ваших делах, прекрасная Бать Иен! — Он попытался обнять девушку за плечо.

— Вы не пьяны? — тихо спросила она. — Может быть, мне лучше вызвать такси?

— Простите, я пьян, но совсем немного! А ваши слова привели меня в чувство.

Машина набирала скорость.

— Почему так медленно течет время?! — воскликнул Смит. — Как бы я хотел, чтобы Земля вращалась быстрее!

Бать Иен промолчала.

Машина задела за край тротуара, остановилась у подъезда здания транспортного агентства.

Девушка поспешно открыла дверцу машины. На противоположной стороне дороги она увидела «симку».

— Всего хорошего, господин Смит, — протянула она руку американцу.

— До свидания, — ответил Смит. — Я буду ждать завтрашнего вечера, самого счастливого вечера в моей жизни!

— Как договорились, завтра в семь часов тридцать минут, в клубе аэродрома Таншоннят.

— О'кэй! — Смит послал воздушный поцелуй девушке и полез в карман за сигаретами. Но сигарет не оказалось, лежала только зажигалка. Он с сожалением повел плечами и отъехал.

В транспортном агентстве Х-5 пробыла всего несколько минут, затем вышла, пересекла улицу и села в «симку».

— Бать Иен, — тихо произнес ТК-1, сидевший за рулем, — он может закурить в машине... Офицеры, которые были с ним в баре, могут заподозрить тебя, поскольку из бара он вышел вместе с тобой.

— Он не закурит в машине, успокойся. Я взяла у него сигареты.

ТК-1 облегченно вздохнул и восхищенно произнес:

— Я удивляюсь твоему хладнокровию!

— Я знаю, — взволнованно сказала Бархатная Роза, — что допустила ошибку... Это ты приказал принести мне пачку сигарет? — Глаза девушки заблестели от слез. Ей хотелось уткнуться в плечо этому самому близкому на свете человеку, товарищу, другу. Одинаковые чувства волновали их, сердца бились в едином ритме. Но девушка продолжала сидеть прямо, глядя перед собой.

— Ты договорилась со Смитом встретиться завтра? — спросил ТК-1, немного помолчав.

— Да, я приду в назначенное время, но с этим негодяем мне уже никогда не доведется встретиться.

— Какая странная договоренность — между живым и уже мертвым! Живой человек знает, что тот, на встречу с кем он идет, будет убит, но все равно ждет встречи. Какая преданная любовь!

— Ты веришь, что Смит будет убит? — спросила Х-5.

— Может быть, именно в эту минуту, когда мы ведем этот разговор, он уже мертв... И ты, прекрасная Бать Иен, помогла ему сойти в могилу.

— Как я понимаю, ты не возражаешь, чтобы завтра

я пошла на встречу со Смитом? Ведь ты же назвал это преданной любовью, — ответила девушка на шутку товарища.

Зунгу такой ответ очень понравился.

— Твое присутствие в условленном месте, — сказал он, — необходимо, чтобы рассеять подозрения ЦРУ и подполковника Тхи. Но этого еще недостаточно. Надо предпринять дополнительные шаги, чтобы сбить их с толку и тем самым обезопасить тебя... Они будут допрашивать американских офицеров, которые вместе со Смитом были в баре. Да, это так, но иначе и быть не может. Я думаю, все будет хорошо, — стараясь успокоить девушку, сказал ТК-1.

— Я полагаю, что, даже если Смит останется живым и невредимым, мне необходимо пойти с ним на встречу.

— В случае если он останется живым, мы уберем его другим способом. Нам надо готовиться к самому худшему варианту, даже если он и не пригодится.

Была поздняя ночь. Машина ТК-1 проехала мимо полуразвалившихся, покосившихся хижин на сваях, поднимающихся из черной, зловонной реки. Сайгон спал как бы во сне. То вдруг наступала ночная тишина, то раздавалось тарыхтение бронированных джипов, патрулирующих город. Из-за зашторенных окон увеселительных заведений слышались звуки музыки. Нередко из застенков тюрем доносились отчаянные крики пытаемых. Ночи Сайгона, как образно говорили западные обозреватели, похожи на полудрему пьяного человека.

— О чем думаешь, Роза? — тихо спросил девушку ТК-1.

— А какие ночи в Ханое? — не отвечая на его вопрос, спросила она.

— В это время в Ханое уже спят. Бодрствуют только часовые, охраняющие мирный сон граждан.

— А здесь, в Сайгоне, по ночам вершится столько грязных дел!

— Из-за одного из них мы не можем заснуть, хотя уже за полночь. Ты почему загрустила?

— Я вспомнила Киеу Хоа. Перед гибелью она успела написать письмо своим друзьям: «Надо полностью уничтожить таких мерзавцев, как Смит, чтобы больше ни одну девушку не постигла моя участь».

— А ты...

— Решилась испытать подобную судьбу! Ты это хочешь сказать? — Девушка отвернулась от ТК-1 и продол-

жала: — Я слышала, что в Ханое очень красивые девушки. Почему ты никого там не полюбил?

— Потому что до самой смерти я буду любить только одного человека, который с детства предназначен мне судьбой.

Бархатная Роза повернулась к нему и часто-часто заморгала...

Машина, на которой они мчались, продолжала свой бег. По обеим сторонам дороги мелькали дома. Влюбленные молчали...

День пролетел удивительно быстро. На Сайгон опустился вечер. Город походил на огромное чудовище. Его можно было сравнить и с человеком, которому опостылела жизнь и который пытается забыться в сиюминутных радостях. Назойливо гудели и стонали гудки автомобилей. Это была сумасшедшая круговерть гудков. Машины суетились, словно мотыльки, попавшие на свет лампы, развозя пьяных «котов» и «кошек» — так называли в Южном Вьетнаме советников «великой Америки» и девиц легкого поведения, заполняющих по вечерам город.

Бать Иен повязала на шею темно-бордовую косынку. Было прохладно. Только что прошел дождь. Дорога и полотно аэродрома блестели в свете ламп. У аэродрома Таншоньят скопилось огромное множество автомобилей американского, японского, французского, итальянского производства. Одни машины отъезжали, другие подкатывали к зданию вокзала, привозя самых разных людей, принадлежащих к обществу, ведущему ночную жизнь. Это были «деловые люди», люди с «черного рынка», действующие под покровительством генералитета, правительства и президента. Это были дельцы, сколачивавшие состояния на продаже «живого товара». Американский доллар был страшной осью мясорубки, перемалывающей своими ножами все, что попадалось на его пути.

В этой суете Бать Иен чувствовала себя неудобно. Смит никогда более не встретит девушку из «благородной семьи», обещавшей ему продать этой ночью себя. Час расплаты настал. К позорной смерти он шел верным путем. «Как жаль, что твоя жизнь, Киеу Хоа, была коротка, словно жизнь прекрасного цветка!» — думала Х-5. Она была счастлива, что отомстила за подругу, но не могла сдерживать слез.

Бать Иен села в заранее облюбованном уютном уголке клуба. Ее глаза неожиданно встретились с глазами не первой свежести человека в зеленой рубаше, прямого и высокого, как ствол бамбука. «Кто это? — подумала она. — Какие ужасные у него глаза!»

Гибель советника Смита заставила ЦРУ заподозрить людей, которые общались с ним накануне, хотя эти подозрения носили сугубо умозрительный характер. Прежде всего подозрение пало на красивую девушку, которая была со Смитом накануне рокового часа. В ходе расследования выяснилось сложное сплетение обстоятельств: в ту же ночь в баре был тяжело ранен другой американский советник. В его руках взорвалась зажигалка... Официантка, которая регулярно обслуживала Смита в гостинице, вдруг исчезла... Подполковник Тхи получил письмо, в котором было написано: «Если не бросишь свои сутенерские дела, отправишься следом за только что убитыми американцами». Отпечатков пальцев на конверте не оказалось...

Х-5 сделала вид, что не заметила типа в зеленой рубашке. А он спокойно развернул вечернюю газету, скользнул глазами по заголовкам и вздрогнул. Какая ужасная новость! Нгуен Ми Тхуат убит, а его труп брошен в реку Донгнай! Кто же убил его? Есть ли какая-либо связь между этим убийством и убийством Смита? Нет! Убийство Смита — это дело вьетконга. Убийство шефа может быть делом оппозиции: Нгуен Тян Тхи, Зыонг Ван Миня или же преподобного Куиня. Он представил, какая возня поднялась сейчас в кабинетах Лэнсдейла, Кэбота Лоджа...

Он с интересом посмотрел на сидящую напротив него красивую девушку. Она появилась здесь спустя полчаса после того, как они с подполковником Тхи провели короткое совещание. Оба пришли к выводу, что если Бать Иен не придет в бар в назначенное Смитом время, то подозрения относительно убийства ею американца обоснованны. Если же девушка придет, то это будет означать, что она абсолютно невиновна или же, наоборот, чрезвычайно опасная агентка.

Х-5 также прочитала в газетах об убийстве шефа и о том, что его труп был найден в реке Донгнай. Что это, правда или «утка», приготовленная китайским советником в соответствии с рецептами психологической войны? Х-5 улыбнулась, подумав о той неразберихе, которая царит сейчас, если сообщение о смерти или исчезновении шефа соответствует действительности, в руководстве ЦРУ, а также среди сайгонской оппозиции, представляющей интере-

сы различных группировок. Это мощный удар непосредственно по доктрине психологической войны.

Странный тип в зеленой рубашке с улыбкой подошел к столику, за которым сидела Бать Иен.

— Здравствуйте! Я вижу, вы сгораете от нетерпения, поджидая любимого друга. Послушайте меня, я хорошо гадаю. Если вы верите в судьбу, я готов вам погадать, — сказал он, нагло уставясь на Бать Иен. — Если я не ошибаюсь, вас что-то тревожит и беспокоит. Вы, так сказать, стоите перед «святыми воротами». — Здесь он понизил голос и еще пристальнее стал рассматривать Бать Иен. — Однако открыть их вам не удастся.

Бать Иен рассмеялась:

— Я не верю в гадание! Но если вы все же угадаете, я щедро вознагражу вас, — серьезно сказала она. — Много раз священники говорили мне, что на свете есть сатана и что он вторгается в жизнь каждого человека. Я хотела бы знать, какой дьявол досаждал мне.

— Когда вы родились?

— Я родилась в седьмой знак¹.

— О, это очень хорошо! Это знак Первооснователя человеческого рода. Он поощряет свершение всех добрых дел на Малом кругу и на кругу Юпитера... Но, — здесь он опять пристально посмотрел прямо в лицо Бать Иен, — по... — он намеренно говорил очень медленно, — твоя судьба вошла в самую неблагоприятную полосу, поэтому то, что должно было свершиться, будет утеряно, а причина утраты — ты сама. — Замолчав, он впился холодными глазами в лицо Бать Иен.

— Пока еще ничего ужасного со мной не произошло, — спокойно и холодно сказала Бать Иен и рассмеялась: — А если я неверно назвала свой возраст? — Два ровных ряда ослепительно белых зубов сделали ее лицо еще более прекрасным. Нежно-розовые щеки девушки стали похожи на бутоны цветов. — Знак, который я назвала, это знак моей старшей сестры. Она умерла, когда я была еще совсем маленькой девочкой. Прошу извинения! — Проговорив это, она внимательно посмотрела на часы. — Он опаздывает уже на пятнадцать минут, — как бы про себя заметила она.

Странный тип словно бы не услышал ее.

¹ В соответствии с календарем, принятым в некоторых странах Востока, летосчисление ведется по двенадцатизначному циклу. Каждый год в этом цикле символизируется определенным животным. — *Прим. ред.*

— Ладно, то, что вы не хотите сказать, под каким знаком родились, это нехорошо. Но это не меняет дела. И то, что я только что сказал, имеет силу при любом знаке. Тем, кто интересуется своей судьбой, я могу предсказывать судьбу не только по знаку, под которым он родился, но и по почерку... Попробуйте сейчас же, не задумываясь, написать несколько слов. — Он достал из кармана листок бумаги и авторучку. Ему во что бы то ни стало нужно было добыть образец почерка Бать Иен, чтобы сличить его с почерком, которым была написана записка, адресованная подполковнику Тхи.

Бать Иен, конечно, не догадывалась об этом. Она со смехом взяла у него ручку и расписалась на протянутом ей листке бумаги.

Незнакомец не отрывал взгляда от лица Бать Иен.

— Ваш импульсивный почерк говорит о том, что вы находитесь в смятении. Часто бывает так, — продолжал он, — что в руки сами собой плывут деньги, богатство — и вдруг все разом рушится...

Бать Иен рассмеялась, не дослушав его:

— Вы ошиблись! Богатство, которым я располагаю, находится в моих руках, но и не только в моих...

Она взглянула на часы. Прошло уже двадцать пять минут. И тут девушка заметила подполковника Тхи. Лицо у него было осунувшееся. Странный тип, назвавшийся предсказателем судьбы, сразу встал, увидев, как Бать Иен протянула руку, чтобы поздороваться с подполковником Тхи.

— Прошу извинения, — проговорил предсказатель, — вот и пришел ваш друг! И все же на досуге подумайте над моими словами. Гадание — это целая наука.

— Благодарю вас! — холодно ответила Бать Иен.

— Вы ждете господина Смита? — спросил Тхи.

— Да, но он запаздывает уже почти на полчаса.

— Сожалею, — склонил голову Тхи, — но вы никогда более не увидите со Смитом.

— Господи! Зачем так пугать? Почему никогда не увижусь... с господином Смитом?.. — Бать Иен повернула удивленное лицо к подполковнику Тхи и от волнения быстро-быстро заморгала.

Предсказатель вернулся на прежнее место. Держа в руке стакан с прохладительным напитком, он принялся внимательно разглядывать беседующих.

— Господин Смит убит вьетконговцами! — произнес подполковник Тхи.

— Боже! Что вы такое говорите?! Вчера в десять часов вечера он провожал меня до самых дверей транспортного агентства...

— А десять — пятнадцать минут спустя он погиб от взрывного устройства, вмонтированного в зажигалку.

Со вчерашнего вечера подполковник Тхи был в смятении. Он подозревал, что Бать Иен — вьетконговка, но молил бога, чтобы это было не так, поскольку если девушка — действительно агент вьетконга, то он, подполковник Тхи, автоматически становится соучастником убийства Смита и тогда ЦРУ не оставит его в покое.

Он особенно испугался, когда узнал, что еще один американский советник был убит в баре также при помощи зажигалки. Увидев Бать Иен в баре в назначенное Смитом время, подполковник Тхи успокоился: его подозрения не оправдались. И теперь подполковник опять вернулся к вопросу о... деньгах.

— Нет больше с нами советника Смита, — взволнованно продолжал он. — Возможно, опозоренные им девушки завлекли его в ад. — Лицо подполковника оживилось. Он улыбнулся. — Но вы со смертью полковника ничего не потеряли, более того, приобрели пятьдесят тысяч пиастров. Я же получил только обещания и письмо, содержащее угрозу...

— Господин подполковник! — Бать Иен сделала вид, что не обратила внимания на его последние слова. — Если я не достану еще двести тысяч пиастров, то пятьдесят тысяч, которые мне передал Смит прошлой ночью, не будут иметь для меня никакого значения.

— Как это так? Что вы говорите?

— Да, никакого значения! — громко повторила девушка. — Вот тот господин, который гадал мне, сказал правильно: деньги, состояние, которые я держу в руках, могут разом пропасть. Это — моя судьба! — Бать Иен нахмурила лоб, ресницы ее задрожали. Она была готова расплакаться. — Для меня сейчас важно только одно — «дело», которым я занята, обречено на провал... на провал...

Возбужденный разговором подполковник Тхи с сожалением покачал головой:

— Как бы там ни было, у вас в руках пятьдесят тысяч, а у меня — ничего... Потерять большие деньги, которых еще не имеешь, но иметь в руках хотя бы небольшую сумму и не опасаться, что кто-то потребует их вернуть, не так уж плохо. Я говорю искренне. Это гораздо лучше, чем провести ночь со Смитом и не знать, в конце концов,

получишь свои деньги или нет. Я никак не могу забыть обещания, которое вы мне дали, уважаемая Бать Иен. Я просто преклоняюсь перед вами.

— Я сказала вам: когда не хватает сантима до полу-миллиона — это все равно что получить пятьдесят тысяч, но не иметь пятисот тысяч. С мелочью не разбежишься! — Помолчав немного, Бать Иен тихонько сказала: — Вы хотели напомнить, что не следует забывать обещаний. — С этими словами она вытащила из сумочки деньги, которые накануне вечером ей передал Смит.

Подполковник Тхи откинулся на спинку кресла, потом вскочил, вытянул шею, словно петух, готовящийся проку-карекать. Он весь задрожал.

— Хорошо, что я еще не передала эту сумму моим клиентам. Они хотели бы получить от меня сразу двести пятьдесят тысяч! — Бать Иен показала в сторону предсказателя, который неотрывно следил за ними. Громко, чтобы было слышно этому человеку, она произнесла:

— Думаю, что должна отдать двадцать тысяч этому предсказателю за то, что он не ошибся. А тридцать тысяч — ваши!

— О! Вы щедры, словно королева или миллионерша! — Глаза подполковника загорелись. Он смотрел на Бать Иен преданно, как голодная собака, которая с раскрытой пастью ждет, когда хозяин бросит ей кость. Жадными руками схватил он пачку денег.

Бать Иен презрительно засмеялась:

— Ну что ж, теперь деньги у вас, а у меня же ни сантима... Вы можете проводить меня попрощаться со Смитом?

— Да, я готов все сделать для вас. Но боюсь, что к его телу никого не допустят, даже меня. Оно тщательно упаковано в японский пластик.

— О боже! — Бать Иен прижала руки к груди. — Боже, прими его душу!

Подполковник Тхи склонил голову. «Кретин, как я мог подумать, что она вьетконговка?!» Подобные мысли еще продолжали крутиться в его голове, и он даже не заметил, когда девушка вышла из клуба. Главное, что деньги были у него в кармане.

Бать Иен села в такси, и таксист рассмеялся:

— Теперь я действительно спокоен, Бархатная Роза!

Девушка с улыбкой посмотрела на него, но ничего не ответила.

— Ты не боялась, когда этот тип стал тебе гадать по ладони?

— Если бы я не дала ему своей ладони, то тебе уже не пришлось бы меня хвалить... Они попались в ловушку, которую ты им приготовил. Я только опасаюсь за нашу подругу, которая послала подполковнику Тхи записку. Они могут найти ее по почерку.

ТК-1 воскликнул:

— Пусть они теперь обыщут весь свет, спустятся на дно морское, поднимутся за облака, пусть они спрашивают Нептуна или самого господа бога, но они никогда не найдут девушку с таким почерком!

— А куда она уехала? — спросила Бархатная Роза.

— Принято решение перевести ее в освобожденный район, а оттуда направить в Ханой на учебу.

Девушка вздохнула:

— Она самый счастливый человек на свете!

Зунг посмотрел на нее. Он так хорошо понимал любимую! «А разве мы не самые счастливые люди в мире?» — хотел спросить он, но промолчал.

Молчала и девушка. Она не задавала ему никаких вопросов, но прекрасно понимала выражение его глаз. Она знала, что в этой жизни, полной испытаний и опасностей, у нее нет лучшего и более верного помощника и друга, чем этот парень.

Она взяла газету, торчащую из его кармана:

— Что-нибудь пишут о шефе? Откуда стало известно, что он убит?

— У нас не было задачи ликвидировать шефа и тех, кто охранял его. Однако они оказали сопротивление во время переправы через реку. Была поздняя ночь. У реки Донгнай быстрое течение. Мы не смогли его спасти. Сейчас агенты ЦРУ, марионеточные власти и военные выясняют причины его смерти.

— Мне кажется, чтобы убрать Старуху Франк, следует использовать тот факт, что в рядах противника царит взаимное подозрение относительно того, кто убил шефа. Дело в том, что он выследил меня и Ми Лиен. В этих целях надо отослать им письмо, в котором он договорился встретиться с шефом. Это наверняка заставит их думать, что именно Франсуа убил шефа. Используем предателя, чтобы отвести от себя угрозу.

— Это интересно. Я тоже об этом думал... Но Фи Ван не согласен с этим вариантом. Не одобряет его и командование.

— Почему?

— Я думаю, что они правы. Предложенный тобой вариант очень опасен. Если Франсуа будет арестован, он немедленно выдаст все адреса, явки и переметнется на сторону ЦРУ. И тогда они уже не оставят тебя в покое. У командования имеется другой план ликвидации предателя. Его осуществление не связано с риском для твоей жизни.

— Какой план?

— Провести операцию, аналогичную операции по захвату шефа. — ТК-1 улыбнулся. — Ты мне как-то говорила, что он симпатизирует Ми Лиен. Это правда?

— Да, это так. Но она никогда не будет симпатизировать ему. Другого отношения с ее стороны к шпиону не может быть!

— Ну зачем так? Он ведь неплохо играет роль прогрессивно настроенного человека!

— Это все внешнее. Ми Лиен быстро, буквально с первой встречи раскусила его.

— Говорят, что женщины обладают шестым чувством, — сказал ТК-1. — Этот тип влюблен в Ми Лиен. Но ему ничего не стоит растоптать это чувство, если хорошо заплатят. Для него деньги выше любой морали.

«А как наши чувства?» — хотела она спросить Зунга, но лишь улыбнулась, сохраняя молчание. Она с волнением слушала страстный голос друга, смелого и умного, горячего и последовательного, порою излишне рискованного, когда речь шла о нем самом, но осмотрительного в делах, связанных с риском для друзей.

Она внимательно смотрела на него, и ее глаза будто говорили: «Наши чувства глубоки и искренни. Говори, Зунг! Я слушаю! Как хорошо, что нам хотя бы изредка удается поговорить так искренно и откровенно».

Но ТК-1 вдруг замолчал. Последние дни были такими напряженными, что начали сдавать нервы. Оба замолчали, будто боясь переступить какой-то не видимый глазом порог. В жизни каждого человека бывают минуты, когда хочется помолчать, побыть в тишине. Но это была особая, их тишина. Вот так всегда. Настоящая любовь подкрадывается незаметно, тихо. В тишине они хорошо понимали чувства друг друга. Только им двоим было дано понять, что в эти минуты было у них на сердце. Это был особый разговор, разговор двух сердец.

Мимо промчались две полицейские машины. Истошно сигналя, они неслись по улицам города, будто в погоню за

невидимым вором. Эти надрывные звуки сломали тишину, вернув молодых людей в реальный мир в тылу врага.

— Я получила сообщение от АКО-2, — сказала Х-5. — Первая партия особого товара из Японии только что прибыла в порт. Это колючая проволока. Она поставлена по контракту одной японской фирмой.

— Подарочек японцев его превосходительству Нго Динь Зьему? — рассмеявшись, спросил ТК-1.

— Подполковник Тхи подтвердил, что в страну стали поступать пластиковые гробы для погибших американских солдат. Я также вычитала из японских газет, когда была в гостях у Аркбутана, что в настоящее время более двухсот японских компаний производят спецтовары, направляемые во Вьетнам, на общую сумму в несколько сот миллионов долларов.

ТК-1 утвердительно кивнул:

— Вывод, сделанный Фыонг Донгом, лишний раз подтверждается. Американцы лихорадочно готовятся к расширению военных действий. — Он улыбнулся: — Американский президент и Пентагон намерены ввести в боевые действия собственные вооруженные силы, а отсюда и их забота о своевременной доставке в нашу страну гробов для своих убитых солдат... Но эту ночь мы можем спать спокойно.

— Это верно, — согласилась Х-5. — Теперь мы отдохнем. В народе говорят: беда одна не ходит, но и добро одиноким не бывает, верно?.. Аркбутан недавно рассказал печальную новость, — тихо продолжала Х-5.

— Печальную? — забеспокоился Зунг.

— Да. Печальную для него, но добрую для нас. Он сказал, что в командовании подразделений войск специального назначения началась драчка. Он даже иронизировал: «Мы попали в западню, устроенную органами безопасности Северного Вьетнама. Десант из особых частей воздушных асов с первых же минут после высадки на севере постигла та же участь, что и морских десантников, которых готовил Бокуит. Мы пришли к выводу, что ликвидация этих десантов стала возможной благодаря тому, что вьетконг имеет хорошую разведку. Северовьетнамцы заставили нас жевать нашу собственную шляпу. Они нас просто надули».

— Жаль, что мы не в ресторане! — воскликнул Зунг. — Там бы я смог выпить за твоё здоровье...

В эту минуту он хотел не только выпить за её здоровье. Он желал крепко пожать ей руку. Руку, которая

покарала жестокого палача, спасла столько человеческих жизней. Эту нежную руку, хрупкую, но такую сильную...

Лицо девушки вспыхнуло. Она вспомнила песню любви, которую пела Ми Лиен: «Моя любовь словно пламя на снегу». Будто прочитав его мысли, она ждала... Машина остановилась. Влюбленные вышли.

У их ног шумел быстрый поток воды. Они шли по бесконечному, раскаленному от солнца песчаному пляжу.

В Сайгон вступала весна. Фи Ван с радостью сообщил отряду, какую задачу командование поручило группе ТК-1:

— Вам доверено выполнение почетной миссии. Из информации, полученной от Фыонг Донга, стало известно, что противник готовится провести пышную церемонию по случаю открытия нового кинотеатра «До Тхань». Она приурочена к празднику Нового года по лунному календарю. На ней должны присутствовать посол США Кэбот Лодж и другие важные лица. Командование партизанской зоны отдало приказ в сжатые сроки провести подготовку к операции и максимально использовать благоприятный случай для нанесения удара по противнику... Эта информация, — добавил Фи Ван, — подтверждается также сообщением, полученным сорок восемь часов назад от Х-5: «Противник активизировал работы по подготовке кинотеатра к празднику». Таким образом, задачи, поставленные командованием, и наши собственные желания полностью совпали.

Фи Ван решил вместе с ТК-1 поехать к кинотеатру, чтобы на месте определить, как лучше выполнить поставленную задачу.

Такси, которое вел дядюшка Нгуен Ван Бай — третий участник операции, — выехало на улицу Ле Ван Зуэт и не спеша подъехало прямо к входу в «До Тхань». Пассажиры вышли.

— Ну что ж, это будет хороший подарок к празднику весны, — со смехом сказал Фи Ван. — Вы сможете многих своих «друзей» с почестями похоронить в этом бетонированном гробу.

— На первом месте в списке у Х-5 стоят Аркбутан и Франсуа. Ну а я приглядел себе другой «подарочек» — супружескую пару Лодж, — сказал Зунг.

— А может, не стоит?

— Я еще не назвал «приятеля» Фыонг Донга, подполковника Зу. Ему не избежать той же участи.

— Но Фыонг Донг просил исключить этого типа из списка. Его как-то надо будет вывести из-под удара, если он появится во время церемонии в кинотеатре. Он — хороший источник информации.

— Но как его спасти? — ТК-1 посмотрел на остановившуюся впереди машину. — Не скажешь ведь ему: не приходи сюда, мы взорвем кинотеатр?!

— Ну зачем так? Конечно, мы сделаем иначе. Но допустить его гибели во время взрыва мы не можем. Это приказ, и надо искать способ его выполнить.

Они обошли театр с обратной стороны, внимательно осматривая все. У них был план здания, который им передала Ми Лиен. Вице-президент Республики Вьетнам господин Нгуен Нгок Тхо присвоил себе миллион пиастров при строительстве этого сооружения. Американские деятели из Белого дома не жалели средств на строительство здания, стремясь как-то завуалировать колонизаторскую сущность политики Соединенных Штатов, которым противостоял вьетконг, такой бескомпромиссный противник.

Кинотеатр «До Тхань» был построен в новом стиле, как и несколько других сооружений, созданных в последнее время в Сайгоне: аэродромы, гостиницы, клубы, специально предназначенные для обслуживания американцев.

План здания, представленный Ми Лиен, был сделан весьма подробно. Сказалась любовь девушки к архитектуре. Она не только тщательно начертила все основные помещения, но и указала их размеры и характеристики. Пол в зале кинотеатра был покрыт ковром, стены втянуты материей. Зал был рассчитан на пятьсот зрителей.

— Представляете, какой может быть эффект? — сказал Фи Ван таксисту и Зунгу, сидящим впереди.

— О, праздник пышный, товарищ командир! — ответил водитель.

Нгуен Ван Бай был человек лет пятидесяти, но очень моложавый на вид. В разговоре он всегда улыбался. На такси он работал давно, и машина была для него средством заработка для семьи. В то же время он использовал ее и для революционной работы.

Теперь, когда здание кинотеатра было закончено, у его массивных дверей, сделанных из какого-то крепкой

породы дерева, выставили двух солдат американской военной полиции. Здание было окружено забором с железными воротами. Вдоль забора был высажен колючий кустарник. Сайгонские полицейские несли охрану по всем четырем углам забора. Еще в период подготовки к открытию кинотеатра парковка около него автомобилей была запрещена. Только машины советников и служебные машины имели право сделать кратковременную остановку около здания, чтобы высадить пассажиров, а специальная стоянка для них была около сада Тао Дан.

Несмотря на самую тщательную охрану кинотеатра, отряд Фи Вана отважился превратить его в бетонированный гроб.

Весна входила в свои права. На улицах города пестрела яркими красками новогодняя реклама. С торговых щитов смотрели крикливо раскрашенные поздравления с Новым годом. Газеты всех толков и направлений, радиостанция Сайгона много кричали о первом празднике весны Республики Вьетнам, обещали, что годы страданий и мук скоро минуют, что розовые крылья весны опустятся новыми звездами на плечи генералов, золотым дождем прольются на лацканы пиджаков...

— Надо постараться, чтобы розовые крылья весны опустились на генеральские плечи цветом траура, — пошутил ТК-1, представив себе, как прокомментирует радио Сайгона гибель генералов.

— В этой операции нам предстоит обратить внимание на одного нового бойца. Мы не можем не учитывать его настоятельной просьбы. Вот только молод он слишком да и опыта недостаточно имеет.

— Ты о ком говоришь? — спросил Зунг.

— О Као Суане! Когда он узнал, что операцию по ликвидации советника Смита провела девушка, которая поклялась отомстить за гибель Киеу Хоа, он немного загрустил. Очень уж хотелось ему самому это сделать. Као Суан горит желанием драться. Он восхищен смелой девушкой, которая своими руками уничтожила эту обезьяну, Смита, и мечтает встретиться с ней...

Посол Кэбот Лодж в это время принял у себя генерала армии Тейлора, разработавшего для Пентагона и Белого дома план «умиротворения» Южного Вьетнама в течение 18 месяцев. Ни сам посол, ни генерал Тейлор не подозревали, какая опасность угрожает кинотеатру «До Тхань»...

Так входила весна 1964 года в Сайгон...

Као Суан пришел в революцию своим путем, можно сказать, из болота и тупика. Он долго искал способ выбраться из трясины, в которой оказался. Какой была бы жизнь Као Суана, если бы он не сделал этого? Серой, безотрадной, неприкаянной... Но героическая смерть дядюшки Ты Данга и страшная смерть Киеу Хоа пробудили что-то новое в душе юноши. Образ Киеу Хоа навсегда остался в его памяти. Эта девушка помогла ему по-новому взглянуть на себя, на свою жизнь.

Затем... неудачная попытка отомстить Смиту, встреча с подпольщиками и женщиной, которая спасла его... Так Као Суан оказался в совершенно новом мире, у истока иной жизни.

На этом повороте судьбы ему встретилось много людей. Были среди них и такие, о которых он никогда бы не сказал, что они занимаются революционной деятельностью. Разные то были люди. Ему навсегда запомнилась изумительной красоты девушка, которую он принял за жену подполковника сайгонской армии. А однажды Као Суан прогуливался возле пагоды Там Бао и встретил монахиню и двух девушек в ярких платьях. Затем совершенно неожиданно он увидел их в ночном баре...

...У обочины тротуара стоял джип. Американский офицер с густыми усами возле автомобиля разговаривал с девицей в джинсах. Као Суан случайно оказался рядом с машиной. И вдруг он увидел подъезжавшую на большой скорости «хонду». Вела ее женщина, в которой он узнал монахиню из пагоды Там Бао. Мотоцикл промчался мимо. «Куда это так торопится монахиня?» — подумал парень и вдруг увидел вторую «хонду» с двумя девушками в ярких платьях. У той, что сидела на заднем сиденье, в руках была корзина со спелыми личжи¹. «Хонда» с девушками поравнялась с джипом. Девушка, сидевшая сзади, перехватила корзину поудобнее, и при этом несколько плодов личжи выпали из корзины и покатались под джип. Девушка на ходу соскочила с мотоцикла, но не удержалась на ногах и, вскрикнув, упала под ноги американцу. Американец громко расхохотался. Девушка, сидевшая за рулем, остановила мотоцикл и, не выключая мотора, ждала, когда ее подруга соберет фрукты, закатившиеся под автомобиль американца.

¹ Тропический фрукт размером со сливу с сочной белой мякотью и большой костью внутри. — *Прим. пер.*

Затем «хонда» снова тронулась в путь. Яркие платья девушек трепетали на ветру, словно бабочки. Американец послал им воздушный поцелуй, затем сел в джип. Как только его автомобиль сдвинулся с места, раздался оглушительный взрыв. Джип вспыхнул как факел. Американец и охнуть не успел. Девида в джинсах подняла страшный визг и бросилась в ночной бар. Со всех сторон, истошно гудя и сигналив, съехались военные полицейские.

Као Суан, на глазах которого произошла эта сцена, был потрясен и удивлен.

«Нет никаких сомнений, — подумал он, — что это монашенка из пагоды Там Бао!» Слова услышанной им в этой пагоде молитвы о том, что двери храма широко открыты для справедливости, теперь приобретали для него реальное, а не абстрактное содержание. Као Суан вдруг понял, что существует какая-то другая жизнь. Теперь понятие «вьетконг» стало для него не таким, как прежде. Дьявольскую ловкость вьетконга, о которой он слышал и ранее, сегодня наглядно продемонстрировали ему две отважные девушки и монахиня. А ведь они живые, реальные, самые обыкновенные люди. Такие люди всегда встречались друг с другом на перекрестках судьбы, вместе выходили на широкую дорогу жизни, которая, словно бурная река, несла свои воды в океан народного гнева против агрессоров.

Образы этих девушек глубоко запали в его душу, и он пообещал себе, что обязательно встретится с ними. Они указали ему путь к справедливости. Никогда еще Као Суан не испытывал такого душевного подъема, никогда прежде не верил в себя, в новую жизнь так, как в тот день.

Через три дня стало известно о гибели Смита. К радости, которую испытал Као Суан, узнав об этом, примешивалось чувство стыдливости и грусти. «Неужели я не способен на подобное?» — спрашивал он себя. Юноша принял решение круто повернуть всю свою дальнейшую судьбу. Он понял, что должен вступить в ряды тех, кто борется за освобождение родины.

На совещании обсуждался план, как взорвать кинотеатр. Присутствовали только пять человек. При обсуждении тактики нанесения удара страсти разгорелись. Партизаны сидели в тени огромного дерева. На нем был вывешен план кинотеатра «До Тхань». Као Суан нервничал,

опасаясь, что его не возьмут в группу подрывников. Дело в том, что при взрыве мины нельзя было пользоваться бикфордовым шнуром. Человек, который понесет мину, должен будет уйти в безопасное место в течение двадцати секунд. Если он не успеет этого сделать, то неминуемо погибнет.

Фи Ван сказал Као Суану:

— Ты еще слишком молод и неопытен. Я думаю, ты должен уступить это дело человеку старше тебя по возрасту и имеющему опыт работы подрывника. Сам же ты принесешь больше пользы в группе прикрытия. Ты бросишь гранату, чтобы отвлечь внимание преследователей.

— Нет! — упрямылся парень. — Ни за что! Вот ты говоришь, что я молод, а разве девушки, которые участвуют в движении освобождения, не моложе меня? Я обещаю, что сделаю все как надо! Я буду тренироваться, чтобы обеспечить выполнение задания.

Фи Ван заколебался. Лицо Као Суана сделалось красным от волнения. Као Суан перевел взгляд на Зунга, ища у него поддержки.

— Предлагаю назначить Као Суана вторым номером в операции, — сказал ТК-1 Фи Вану. — Я потренирую его.

Группа Зунга тренировалась в лесу, отдельно от всего отряда. Бойцы досконально изучили систему охраны здания, организованную силами американских офицеров и военнослужащих сайгонского марионеточного режима. Была налажена тренировка по стрельбе из разных положений и в различных ситуациях, а также тренировки по борьбе на случай, если придется столкнуться с противником в рукопашном бою. Као Суан с миной весом десять килограммов брал штурмом деревянный макет входа в кинотеатр. Он тренировался без устали. Пот ручьями тек по его загорелым заросшим щекам. Казалось, парень забыл обо всем на свете, перестал есть и даже не брил бороду. Последний раз он побрился перед тем, как уйти в освобожденный район. А недавно руководитель отряда ТК-1 сказал ему:

— Ты не брейся, ходи с бородой. Так тебя полиция не узнает.

Као Суан тренировался без устали, чтобы суметь уложиться в отведенные ему двадцать секунд.

«Каждая выигранная секунда отдаляет от смерти на метр, — подумал он. — Поэтому надо постараться выиграть несколько секунд. Надо сделать так, чтобы никто из присутствующих в кинотеатре не успел спрятаться даже

под кресло». Пока что после всех тренировок на то, чтобы завести мину и успеть отойти в безопасную зону, уходила двадцать одна секунда.

Он вытер рукавом пот с лица. И, помолчав минуту, сказал ТК-1:

— Если я погибну, то прошу тебя от моего имени положить букет цветов на могилу Киеу Хоа.

— Зачем умирать? После таких тренировок нельзя не только умереть, но и получить ранение! — ТК-1 похлопал Као Суана по плечу. — Ну что, давай сделаем еще одну пробежечку?

Као Суан вновь прижал к груди разряженную мину и бросился к макету входа в кинотеатр.

В Сайгоне царил предпраздничная суета. До наступления Нового года Тэт оставался один день. Это будет первый праздник Нового года после кровавого переворота, в результате которого с политической арены были убраны братья Нго Динь Зьем и Нго Динь Ню. Машины американцев, государственных служащих, гражданских лиц, полицейских, офицеров союзнических армий по агрессивному блоку СЕАТО¹, принимающих участие в боевых операциях, потоком мчались по улицам Чан Хынг Дао, Нгуен Хуе, Красного Креста. Нынешней весной на проспекте Ле Ван Зуэта появился кинотеатр «До Тхань». Это здание золотистого цвета было великолепно иллюминировано гроздьями электрических лампочек.

Нгуен Ван Бай вел свое такси из пригородного района по специально выделенной в связи с праздником весны трассе, ведущей к кинотеатру. Как обычно, он сбавил скорость, проезжая возле него. В это время оттуда как раз выходил парень с усами. Рядом с ним шел американский советник. У обочины тротуара их поджидал черный «мерседес».

«Наверное, проводят предпраздничную проверку, — подумал дядюшка Бай. — А жаль, что такое красивое, оборудованное по последнему слову техники здание вскоре будет разрушено. Но как избежать этого, если в нем окопался противник? Десятикилограммовая мина, спрятанная под сиденьем машины, поднимет на воздух американских летчиков, советников и многих технических специалистов, которые принесли столько горя нашей земле.

¹ Созданная в 1954 г. региональная военно-политическая группировка для борьбы против национально-освободительных движений и всех прогрессивных сил в Юго-Восточной Азии. В 1977 г. прекратила свое существование. — *Прим. пер.*

Новый год они будут праздновать уже на том свете. — Дядюшка Бай заулыбался, замигал глазами. — Ну что ж, после освобождения мы заново отстроим это здание», — подумал он и свернул в переулок. «Новогодний подарок» был доставлен в подвал соседнего дома.

Супруги Бай соорудили этот подвал рядом с кинотеатром во время его строительства. «Новогодний подарок», спрятанный в подвале, в удобный момент должен быть доставлен в здание. Много ночей подряд дядюшка Бай и его жена, сменяя друг друга, втайне от всех рыли этот погреб и откачивали из него грунтовые воды. Наконец сооружение было закончено, можно приглашать гостей.

В отряде Фи Вана этот праздник Нового года по лунному календарю называли Тэт Куанг Чунга¹. Они отпраздновали этот праздник до его наступления. На вечеринке были и апельсиновый ликер и сигареты «Тханглонг», присланные из Северного Вьетнама. Командир разрешил всем хорошо повеселиться. Фи Ван подошел к Као Суану и предложил тост за его здоровье. У парня от волнения и радости пылали щеки. Его усы и борода в стиле вице-президента сайгонского режима Нгуен Као Ки, сбритые им, как только он вступил в отряд, вновь отросли. Фи Ван и ТК-1, глядя на парня, засмеялись:

— Ты их все же немного подровняй.

— Последние семь дней я вообще не брился, — со смехом ответил Као Суан, разглаживая бороду и усы.

Фи Ван, повернувшись к ТК-1, сказал ему вполголоса:

— Получено сообщение, что Кэбот Лодж с супругой собираются на новогоднее представление.

— Да? — радостно воскликнул ТК-1. — Было бы здорово разом проглотить обе эти рыбки! Это был бы хороший Новый год!

Но Фи Ван не разделял его радости, и ТК-1 настороженно посмотрел на него:

— Что случилось, товарищ командир?

Фи Ван ответил, растягивая слова:

— Дело в том, что наряду с супругами Лодж на приеме будут также Хонг Нюн и Ми Лиен. Аркбутан и Франсуа принимали активное участие в строительстве этого

¹ Национальный герой Вьетнама Куанг Чунг 25 января 1789 г., в часы, предшествующие началу праздника Тэт, приказал атаковать укрепление Маньчжурской армии, пообещав своим солдатам отпраздновать Новый год после освобождения Тханглонга, переименованного затем в Ханой. 30 января столица встретила армию-освободительницу, — *Прим. пер.*

сооружения. На церемонию они пригласили наших девушек.

— И девушки приняли приглашение? — ахнул ТК-1. Фи Ван утвердительно кивнул:

— Они не рискнули отказаться от приглашения, боясь, что это насторожит Аркбутана и его приятеля.

ТК-1 задумался, слегка наклонив голову и пряча глаза от Фи Вана, а потом произнес:

— Надо придумать для девушек какой-нибудь благовидный предлог, чтобы они могли отказаться от приглашения или принять его, но на другой день.

Фи Ван покачал головой:

— Это трудно разрешимое противоречие! — Его большой лоб покрылся морщинами. — Однако мы, как руководители операции, должны сделать все, чтобы любой ценой сохранить жизнь девушек. Кроме того, в соответствии с просьбой Фыонг Донга мы должны сохранить жизнь подполковника. Но при этом необходимо обеспечить безусловное выполнение общей задачи. Мы выбрали правильный момент для того, чтобы покарать американцев. Ведь в этот день в кинотеатре их соберется огромное количество. Мы, конечно, можем отменить операцию. Но вряд ли нам когда-нибудь снова представится такой удобный случай, чтобы расправиться с ними.

Сайгон встречал весну в страхе, похожий на тигра, на которого ведется охота. В городе находилось двадцать пять тысяч американских солдат. В уходящем 1963 году — первом году Республики Вьетнам — погибло несколько тысяч солдат марионеточного режима.

Отряды Армии освобождения встретили весну залпами орудий, звуки которых докатились до самого Сайгона. От взрывов в посольстве США зазвенели окна. Изрядно понервничали и американские генералы. Вооруженные силы так называемой Республики Вьетнам, огромный полицейский аппарат, сеть тайной агентуры, управляемой непосредственно американскими советниками, — все было поставлено на ноги, чтобы обеспечить безопасность города. Сайгон превратился в кипящий котел. Для того чтобы продемонстрировать «процветание Республики», из Америки и Японии было прислано огромное количество бросового товара.

Бойцы группы ТК-1 считали, что в их жизни наступили самые славные дни. В группе было три человека. Сам

командир группы, Зунг, проходил под номером один. Као Суан, взрывник, был номером два. Третьим номером был водитель такси Нгуен Ван Бай.

В шесть часов тридцать минут вечера ТК-1 вылез из подвала, вырытого дядюшкой Баем. Он шутливо обратился к хозяевам:

— Уважаемые господа, должен ли я вам вручить верительные грамоты императора неба?

— Ну что ж, почтенный, — в тон ему ответил дядюшка Бай, — мы с охотой примем их, но позвольте спросить вас, почему на вашем мундире нет галунов? Как вы пойдете на встречу с офицерами Республики Вьетнам?

ТК-1 рассмеялся, подошел к зеркалу. Мундир капитана сайгонской армии сидел на нем щеголевато.

Жена Нгуен Ван Бая была женщиной полной, круглолицей, спокойной, обстоятельной. Она готовила яства к новогоднему празднику — пироги, цукаты, фрукты. Глаза хозяйки оставались грустными. Она переживала за мужа и его товарищей.

— Вы уж будьте поосторожней! — сказала она, хотя знала, что фраза эта была лишней. Но женщина не могла, казалось, быть спокойной до тех пор, пока не скажет ее.

Пришло время собираться в дорогу. ТК-1 вышел к машине — такси голубого цвета, сел рядом с водителем. Водитель громко посигналил. Он хотел привлечь внимание полиции к своей машине, на которой они установили фальшивый номер. На кресле за спиной ТК-1, замотанная в полосатую тряпку американского производства, находилась мина.

Заработал мотор. Жена дядюшки Бая долгим взглядом проводила такси.

Кинотеатр сиял, освещенный праздничными огнями. Один за другим подъезжали шикарные автомобили. Из большой черной машины вышли Аркбутан, Бать Иен, Ми Лиен, сын сенатора и подполковник Зу. Они вошли в зал, где все блестело и сверкало. Вышние американские офицеры расхаживали по залу, словно петухи. Мало чем отличались от них и офицеры сайгонской армии — спесивые, надутые. Вся эта картина была призвана продемонстрировать абсолютную непоколебимость огромной мощи. Перед этими героями подобострастно сгибали спины, показывая им дорогу, сайгонские полицейские. Через широко распахнутые двери кинотеатра гости медленно проходили в зал — будто рой ос залетал в гнездо.

В семь часов тридцать минут прибыл Кэбот Лодж с супругой. Зал, рассчитанный на пятьсот человек, был переполнен.

Такси голубого цвета подъехало к условленному месту. Прямо перед собой ТК-1 увидел прогуливающегося взад-вперед Као Суана. Аккуратно постриженные усы номера два чуть нависали над верхней губой. Но даже усы не делали его старше.

— Ну как, получен приказ на взрыв мины? — спросил ТК-1 парня, когда тот проскользнул в машину и они тронулись.

— Да. Пока все нормально.

— Никаких изменений?

— Никаких. Механизм заведен на восемь часов, — сказал Као Суан и пощупал мину.

ТК-1 беспокоился: успеют ли Х-5 и Ми Лиен, как это предусмотрено планом, выйти из здания в назначенное время? От этой мысли мурашки побежали по спине. Затем его бросило в жар. Щеки горели.

В лобовое стекло машины ТК-1 увидел, как Фи Ван, сидящий в «мерседесе», вышел из машины, пересек улицу и махнул ему рукой.

— Подготовиться! — приказал номер первый.

— Готов! — ответил номер два.

Такси остановилось перед входом. ТК-1 в форме капитана вышел из машины. Као Суан взял в руки мину и приготовился. ТК-1 подошел к входу. Раздалось два пистолетных выстрела. Один американский полицейский упал замертво. Вторым, раненным, наклонив голову, попытался скрыться в билетной кассе. ТК-1 громко крикнул сайгонским полицейским:

— Наша операция направлена только против американцев! Немедленно покиньте помещение! В противном случае буду стрелять!

Дверь распахнулась. Као Суан с миной быстро, словно белка, юркнул в коридор.

Неожиданно один из полицейских сильно ударил ТК-1 по руке. Пистолет выпал из руки Зунга, но командир группы ударил полицейского по голове так, что тот скрючился, а затем распластался на полу, уткнувшись в него носом. ТК-1 быстро поднял пистолет. В это время Као Суан уже установил мину и выскочил из здания. Прошло семнадцать секунд... Као Суан открыл калитку железного забора, окружавшего здание. Едва он успел отойти на несколько метров, как раздался оглушитель-

ный взрыв. Казалось, небо раскололось на части. Дверь кинотеатра сорвало с петель и отшвырнуло к скверу. Клубы дыма и пыли взметнулись вверх.

Вслед за Као Суаном бежал Зунг. Его рубаша была порвана во многих местах. Дядюшка Бай сидел в такси, ожидая их. Молодые люди вскочили в машину, и такси благополучно покинуло район Тао Дан...

Когда машина приблизилась к одному из условленных перекрестков, ТК-1 хлопнул Као Суана по плечу. Парень выскочил из машины и исчез в каком-то переулке. Ему казалось, что он самый счастливый человек на свете.

Дядюшка Бай повел машину прямо к своему дому. На пороге его ждала жена. Она взглядом поприветствовала мужа, не сказав ни слова. Двадцать минут назад она услышала оглушительный взрыв. Люди сразу догадались, что где-то в городе взорвалась мина. Жена дядюшки Бая очень хорошо знала, где это должно было случиться. Жители квартала ликовали, передавая друг другу эту радостную весть: патриоты встречают праздник весны ударом по американцам. Звук взрыва вскоре растворился в нескончаемом шуме города. Но сердце женщины продолжало громко стучать. Самые страшные испытания, выпавшие на долю мужа и его товарищей, позади. Она ждала и верила: знакомые огни их старенькой машины осветят дверь дома, и она не мигая будет смотреть прямо на свет, и ее муж, живой и невредимый, вернется домой.

Не увидев в машине ТК-1, она испуганно посмотрела на мужа, но в его глазах не было и тени беспокойства. Успокоилась и женщина, поняв, что все прошло хорошо.

Когда группа Зунга встретилась с Фи Ваном, он сразу же спросил ТК-1 и дядюшку Бая, где Као Суан.

Дядюшка Бай, рассмеявшись, ответил:

— Ни одного волоса не упало с его усов.

ТК-1 хранил молчание. Фи Ван, похлопав его по плечу, улыбнулся:

— А почему ты ничего не спрашиваешь о девушках?.. Успокойся! У них даже каблучки не пострадали.

Они крепко, по-мужски обнялись. Фи Ван сказал, обращаясь к тетюшке Бай:

— Вот теперь я вижу, что к нам пришел настоящий праздник весны!

— И надо нам отпраздновать его! — улыбнулась женщина.

— Это точно, — поддержал жену дядюшка Бай. —

Все, что есть в доме съестного, ставь на стол! Но я попросил бы гостей ненадолго спуститься в погреб. Товарищ Фи Ван, мне надо сделать еще одно дельце, я скоро вернусь.

— Хорошо, даем тебе не более получаса, — сказал Фи Ван, одобрительно кивнув.

Дядюшка Бай быстро сменил на машине помер и выехал в район кинотеатра.

Полиция и военные патрули плотно перекрыли оба конца улицы, на которой находился кинотеатр. Нельзя было проехать и через переулки, ведущие к «До Тхань». От роскошного здания остался лишь остов. Фасад раскололся надвое. Верхние этажи рухнули. Там, где недавно была сцена, лежали жалкие развалины. В стоящих рядом домах были выбиты стекла. Сигналы полицейских машин, сирены машин «скорой помощи» слышались на близлежащих улицах. Такси не смогло подойти непосредственно к кинотеатру. Увидев на дороге блестящие мелкие осколки стекла, которыми была усыпана улица, дядюшка Бай подумал: «Вот это настоящее новогоднее конфетти».

Он подъехал к дому даже раньше, чем намеревался.

В это время Фи Ван и ТК-1 еще продолжали беседу.

— Когда я увидел поданный тобой сигнал, то успокоился, — негромко говорил ТК-1 командиру.

— Чтобы обезопасить Х-5 и Ми Лиен, мы были вынуждены выпустить живыми супругов Лодж.

— Потому что приказ на проведение операции опоздал на пятнадцать минут. И они смогли уйти?

Фи Ван утвердительно кивнул:

— Да, они смогли уйти и поехали на аэродром встречать Тейлора. Ну и шут с ними! Будем считать, что этот взрыв послужил для этих господ предупреждением. Кэбот Лодж пробыл в кинотеатре всего пятнадцать минут, а затем уехал.

— И в этот момент, воспользовавшись случаем, наши девушки ушли из кинотеатра?

— Да, именно так. Х-5 ловко, словно хозяйка собачку, уговорила Аркбутана. Дело в том, что именно он по секрету сообщил ей, что Кэбот Лодж должен поехать встретить Тейлора. Об этом Х-5 предупредила нас за двенадцать часов до проведения операции. Аркбутан согласился, чтобы девушки присутствовали только на самой церемонии открытия. Когда Бать Иен пообещала встретиться с ним вечером на третий день праздника, он от

счастья голову потерял. Обе девушки покинули кинотеатр в свите сопровождающих Кэбота Лоджа. С ними был и подполковник Зу. Этот малый должен быть вечно признателен Бать Иен за то, что она спасла ему жизнь. Ведь это она уговорила его уйти из кинотеатра и встретить новогоднюю ночь в доме у Лис.

— Надеюсь, в этот раз Франсуа не удалось уйти от возмездия. Если же он сделал это, то немедленно доложит о девушках в полицию.

— Правильно. Мы должны тщательно проверить результат проведенной операции и проанализировать все варианты дальнейшего развития обстановки.

Свет фар голубого такси осветил стену соседнего дома. Затем свет погас, стало темно. В комнату вошел дядюшка Бай. На его лице сияла улыбка. Глаза светились неподдельной радостью.

— Наверняка погибли все. Никому не удалось уйти живым!

— Точнее, спаслись человек десять: Кэбот Лодж о супругой и те, кто ушел вместе с послем.

Друзья давно не испытывали такого восторга и никогда еще не встречали весну так радостно. Надменные американцы, в том числе технические специалисты и офицеры тайной службы из «форта Пери», погибли, так и не дождавшись новогодней ночи. Теперь на их плечи не лягут лавровые венки боевой славы.

Жизненная правда обернулась к ним своей ужасной стороной. Их, уложенных в пластиковые мешки, предусмотрительно привезенные ими же самими во Вьетнам, корабли доставят к родным берегам. Американские матери будут оплакивать своих преступных детей под печальный плач сирен, а затем над их могилами встанут кресты — последняя память и последняя слава.

Прибывший во Вьетнам генерал Тейлор, принадлежащий к самым отъявленным американским «ястребам», находился в смятении. Хороший же прием устроил ему Лодж! Он все время спрашивал себя: «До каких пор эта странная страна, территория которой в шестьдесят раз меньше территории США, а национальный доход меньше американского в 325 раз, будет делать из Америки всемирное посмешище?!»

Кэбот Лодж, этот известный в Европе и Азии «специалист по переворотам», и его жена стояли, преклонив колени, перед изваянием Христа. Что это было? Неужели раскаяние за совершенные грехи? Нет! У супруги

Лоджа по щекам текли слезы! «О боже! Слава тебе за спасение!» Лоджа волновали те же мысли, что и Тейлора. «Велика и могуча Америка! — думал он. — Казалось, раскрой рот и проглотить весь мир. Но почему же тогда эта маленькая страна может поставить в такой тупик Америку?!»

В доме дядюшки Бая продолжалось веселье. Радиоприемник, настроенный на Ханой, поймал новогоднее поздравление, с которым выступал президент Хо Ши Мин.

— Он еще не спит, — негромко сказал ТК-1.

Все замолкли, напрягая слух. ТК-1 выпил вина, откинул голову на спинку кресла и часто заморгал, подумав: «Они не уйдут!» Он очень жалел, что в этот раз им не пришлось ликвидировать Лоджа. Для него каждый американец на вьетнамской земле был словно колючка на проволоке, опутавшей его родину. Он считал своей священной задачей вырвать все эти колючки. Перед его глазами вдруг возник образ его погибшего отца. Как бы Зунг сейчас хотел вернуться домой и спросить у матери: «Что ты делаешь?»! Он слышал слова отца, сказанные перед гибелью: «Сын отомстит за меня!» «Отец, ты услышал сегодня взрыв? Это моя месть врагу!»

ТК-1 вспомнил о девушке, которая стала для него образцом кристальной чистоты. Она была прекрасна как цветок розы. И ему подумалось: «Как был прав ее отец, назвав ее Бархатной Розой. Этот цветок не теряет своей прелести и очарования, даже когда умирает».

ТАЙНА МАШИНЫ 635

Желтый фургон под номером 635, приспособленный для перевозки продуктов, каждое утро в пять часов тридцать минут покидал отель «Виктория» и отправлялся в район Тху Дык. Там он забирал овощи, фрукты и часов около восьми возвращался в гостиницу.

И вдруг однажды машина исчезла. Сайгонская полиция немедленно организовала ее поиск, и вскоре фургон был обнаружен целым и невредимым в кустах, неподалеку от района Тху Дык, на берегу реки. Младший лейтенант — водитель фургона — бесследно исчез.

Дверцы машины оказались наглухо закрыты. Никаких следов в ней обнаружить не удалось за исключением небольшой записной книжки в черном переплете, завалявшейся за сиденье. В ней торопливо было нацарапано:

«Вчера вечером потерпел полное поражение. Она ушла с подполковником. Жизнь кончена».

Полиция доставила машину 635 в Сайгон и передала ее в отель «Виктория». Затем в полицейском управлении был сличен почерк записки, оставленной в книжке, с почерком исчезнувшего младшего лейтенанта.

Удалось установить, что этот офицер был одним из наиболее способных сотрудников американского подполковника Уэсли — управляющего отелем «Виктория». Он прошел курсы специальной подготовки в Гонолулу, подвергся многочисленным тщательным проверкам и испытаниям, после чего был взят на работу в отель.

Для строительства семиэтажного здания отеля «Виктория» материалы и оборудование были доставлены из Америки. Это здание считалось самым безопасным местом отдыха для американских летчиков. Оно было построено сразу же после того, как вьетконговцы провели операцию, в результате которой был взорван клуб при аэродроме Таншоннят и погибло несколько сот американских летчиков и техников. На нижнем этаже «Виктории» размещались ресторан и кинотеатр. На верхних этажах были номера, где отдыхали офицеры. Там же находились рабочие помещения командования американской разведки. По существующему правилу после бомбардировок Северного Вьетнама летчиков, осуществлявших боевые вылеты с кораблей 7-го флота, доставляли на вертолетах в «Викторию», где они отдыхали в течение двух недель. Насколько важное значение командование отводило этому отелю, было ясно еще и из того, что для доставки в него овощей и фруктов был назначен некий младший лейтенант. Этот парень был весьма признателен подполковнику Уэсли, который дал ему тепленькое место. Благодаря подполковнику он теперь мог скопить кое-каких деньжонок. Но сколько бы он ни приворачивал, денег все равно не хватало, а тут он еще влюбился в очень красивую девушку, работавшую в баре. После нескольких свиданий он решил познакомить ее с подполковником Уэсли. Однако это было его крупной ошибкой. Подполковнику сразу же понравилась красивая девушка, и он зачастил в бар, где она работала. Вокруг нее увивались еще несколько американских советников. Младший лейтенант от огорчения запил, стал играть на тотализаторе, где просадил почти все свои доллары.

Тхань Тхюи, так звали красивую девушку, была приглашена в тайную полицию. В небольшой машине, кото-

рую вел сам подполковник Уэсли, она приехала в управление сайгонской службы безопасности. Изящная и красивая, девушка не спеша вышла из машины, на секунду остановилась при входе в офис, где торчали любопытствующие агенты, затем пожала руку подполковнику Уэсли и в сопровождении полицейского вошла в указанную ей комнату.

Подполковник сайгонской службы безопасности сидел в удобном вертящемся кресле. Он внимательно с ног до головы оглядел девушку, затем склонил в приветствии голову, расправил усы, из-под которых торчали пожелтевшие зубы, показал рукой на стул перед его столом, приглашая девушку сесть. Он знал, что эта особа — не какая-нибудь танцовщица или официантка из дешевого бара. Нет, перед ним сидела известная своей поразительной красотой девушка, которой покровительствовал сам подполковник Уэсли, управляющий отелем «Виктория».

— Прошу извинения, — вежливо начал подполковник службы безопасности, — но я должен выполнить свой служебный долг. Ваше имя Тхань Тхюи?

— Совершенно верно.

— Я не собираюсь вас допрашивать, но желал бы как друг только побеседовать с вами. Я понимаю, здесь не самое подходящее место для этого. Но мне хотелось бы задать вам несколько вопросов относительно вашей личной жизни.

— Это ваше право, господин подполковник. Но за мной остается право не удовлетворять ваше излишнее любопытство.

— Вы ошиблись или сказали то, что и хотели сказать? Но мой долг в том и состоит, чтобы проявлять, как вы говорите, ненужное любопытство.

На минуту воцарилось молчание. Затем подполковник посмотрел прямо в лицо Тхань Тхюи и неожиданно спросил:

— Как вы считаете, могли бы вы убить человека?

— Что вы говорите? Убить человека? Я не понимаю вас! — Девушка удивленно смотрела на подполковника.

— Какие отношения связывали вас с этим младшим лейтенантом? Вы любили его? — При этих словах подполковник протянул к лицу девушки фотографию водителя машины 635.

— Вы ошиблись, — с грустью ответила Тхань Тхюи. — Правильнее было бы сказать, что младший лейтенант был влюблен в меня. Но я его не любила.

— Ну что ж, пусть будет так. Мне очень важно услышать, как вы ответите на следующий мой вопрос: почему вы не любили этого молодого офицера, которому так доверяли все американские советники и у которого было столь многообещающее будущее?

— Господин подполковник, этот младший лейтенант познакомился со мной в баре, где проходит огромное количество людей. Я считаю, что это не совсем приличное место для знакомства. И потом вы знаете, господин подполковник, что для многих девушек, в том числе и для меня, звание — это еще не главное в человеке...

— И поэтому вы решились уничтожить его? Прочитайте, пожалуйста, вот это.

Тхань Тхюи мельком взглянула на записную книжку, которую ей протянул подполковник:

— Я знаю. Подполковник Уэсли, непосредственный начальник младшего лейтенанта в отеле «Виктория», говорил мне об этом.

— И вас ничуть не тронула эта смерть?

— Мне жаль его. Господи, прими душу его!

— Неужели вы так жестоки?! Ну а начальника младшего лейтенанта... господина подполковника... вы любите?

— По правде говоря, я затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Как и многие другие девушки сайгонских баров, я люблю... иное.

— Как вас прикажете понимать?

— Если вы желаете, то я могу сказать, о чем идет речь.

— Да? Ну что ж, прошу! Слушаю вас! Говорите!

— Его имя — доллар. Он не переводится в карманах американских советников и других знатных господ.

У подполковника отвисла челюсть. Он опалело смотрел на сидящую перед ним девуцу. Затем невнятно произнес ничего не значащую фразу:

— Ну зачем же так грубо?

— Прошу извинения. — Тхань Тхюи понизила голос. — Вы хорошо знаете: если бы мне пришлось выбирать между богатым американским советником и этим младшим лейтенантом, перевозящим овощи, то я бы была последней душой, если бы предпочла этого молокососа. И по чинам, и по долларам подполковник и этот парень так далеки друг от друга, как небо и земля.

...После этого допроса служба безопасности Сайгона и полиция пришли к заключению: младший лейтенант,

поставлявший фрукты и овощи в отель «Виктория», покончил жизнь самоубийством вследствие неразделенной любви и денежного краха. Что же касается службы ЦРУ в Сайгоне, то в заведенном ею деле появилась такая запись: «Не исключено, что младший лейтенант пал от руки вьетконговских партизан».

Ночной бар «Гань Ми» был ярко расцвечен разноцветными огнями. Оттуда доносились шумные звуки джаза. В баре за столиками собрались офицеры. Здесь же находились «зеленые береты», парни из «летающей кавалерии». Но пожалуй, больше всех шумела компания, расположившаяся в правом углу бара. Здесь присутствовали несколько журналистов, представителей различных телеграфных агентств, газет и журналов, а также американские офицеры в звании подполковников и капитанов. Тут же сидел американский генерал с повязкой на голове. Все они горячо обсуждали, в какую историю попали только что выбравшиеся с поля боя в районе Бьен-хоа американцы.

— Не знаю, как это случилось, — рассказывал один из них, — но вдруг мы обнаружили, что попали в плотное кольцо. Вьетконговцы шли на нас прямо из кустов и зарослей камыша. Черт подери! Я чуть было не наложил в штаны. От всего нашего подразделения, — перевел он взгляд на генерала с повязкой на голове, — в живых остались только мы двое — я и Миган Шэйко.

Миган Шэйко сонным взглядом обвел журналистов. Было видно, что он еще толком не пришел в себя. Он то и дело трогал повязку на голове, не произнося ни слова. Несколько журналистов делали какие-то пометки в блокнотах. Приятель генерала отхлебнул виски из стакана и закурил, потом огляделся вокруг. Шэйко вытащил из кармана носовой платок, вытер глаза. По его щекам текли слезы.

В другом конце бара толстенький низкорослый вьетнамец, с бычьей шеей, похожей на батон жирной колбасы, размахивал ножом перед лицом парня, на лбу которого красовался шрам.

— Представь себе, — говорил толстяк, — позавчера вечером, в одиннадцать часов сорок пять минут, то есть почти сорок восемь часов назад, мы встретились с американским советником на аэродроме. В пять утра его самолет поднялся в воздух. Полет прошел удачно. Теперь

он и четыре других парня, находившихся с ним, будут получать ежемесячно по две тысячи долларов. Кроме этого их ждет отпуск на Окинаве!.. — Он на минуту замолчал, влил в горло рюмку виски, резко выдохнул: — Но это ремесло трудное! Это вам не куриный пупок жевать. Полковник сказал, что район, который они бомбили, плохо защищен с воздуха. Но я в это не очень верю. Правда, сайгонская радиостанция постоянно поддерживает связь со всеми самолетами. Ты запомни, старина, главное — не потерять радиосвязь. Потеря связи равнозначна смерти. Тебе ясно?!

В это время мимо столика, за которым сидели сайгонские офицеры, прошла Тхань Тхюи с другой официанткой.

Толстяк, махнув рукой Тхань Тхюи, сказал:

— Красавица, пожелай нам...

— Чего вы хотите? — спросила Тхань Тхюи с улыбкой, делая вид, что не обратила внимания на развязное обращение толстяка.

Тот сразу подскочил, схватил бутылку, налил два полных стакана и поставил их перед Тхань Тхюи. В это время офицер со шрамом на лбу увел другую официантку в угол зала.

— Пожелай мне счастья, — сказал толстяк заплетающимся языком.

— Почему вы так об этом просите? — спросила Тхань Тхюи, глядя прямо в налившиеся кровью глаза вояки.

— О, скоро!.. — Чем больше он старался говорить правильно, тем сильнее у него заплетался язык. — Скоро я иду на очень рискованное дело, куда более опасное, чем полет на Луну. Похоже, я в последний раз заказываю себе виски.

Тхань Тхюи повернулась, чтобы идти, и бросила:

— Я пью за здоровье только тех, кто не боится лететь в самое логово врага!

Толстяк увязался за девушкой. Они вместе вышли из зала.

— Вы летите на север, вы командир звена? — неожиданно спросила Тхань Тхюи.

У толстяка словно кость застряла в горле. Справившись с удивлением, он спросил:

— Как ты узнала?

— Прежде всего я скажу вам, что конспиратор вы никудышный. Вы же сами о себе все рассказали. Но этого мало, я знаю еще кое-что...

— Откуда? Наш полет держится в полной тайне.

— Неважно откуда. Скажите спасибо, что вы встретились именно со мной. Я не стану ничего передавать вашему шефу. Я вижу, вы еще не набрались должной храбрости. Не так ли?

— Нет, ты ошиблась. Я ненавижу коммунистов и не боюсь смерти.

— Вот как? И вы сможете это доказать?

— Я уже не раз потрошил вьетконговцев. В этот раз мне предстоит сделать это непосредственно в Северном Вьетнаме. А уж в этом я могу дать фору даже нашему президенту!

— Ну ладно! — Тхань Тхюи смотрела на него не мигая. — Наверняка вам нужно будет какое-то пристанище, если вас там собьют и вы останетесь живы. Мы смогли бы с вами договориться на этот счет. Я могу вам помочь. И если мы сойдемся в условиях, то я пожелаю вам успеха.

Место, где можно будет устроиться! Сколько ночей он ворочался с боку на бок, постоянно думая об этом! Откровенно говоря, он не очень верил тому американскому полковнику, который заверял их, что все обойдется. На всякий случай таким, как он, было куда более важно иметь место, в котором всегда можно было бы спрятаться от северовьетнамской милиции.

Тхань Тхюи и командир звена ушли в укромный угол. Они и не заметили, что неподалеку от них вертелся какой-то странный тип с фотоаппаратом в руках. Толстяк был сфотографирован рядом с очаровательной девушкой...

Командир отряда Фи Ван, одетый в шикарный костюм богатого коммерсанта, в сопровождении другого коммерсанта, на переносице которого сидели очки в золотой оправе, вышел из бара и сел в машину. Водителем «мерседеса» был молодой парень со смуглым лицом, глубоко сидящими глазами, черными густыми ресницами. Парень заулыбался и посмотрел на ручные часы, когда увидел выходящих из бара коммерсантов...

Машина легко шла по улицам города.

— Срочное дело, — сказал Фи Ван, как только сел на заднее сиденье. Он нагнулся к самому уху водителя, чтобы тот хорошенько слышал его, и продолжал: — Только что ТК-2, — показал он на мужчину в очках, сидяще-

го рядом с ним, — передал мне важную информацию. Нам нельзя больше затягивать проведение операции в баре «Гань Ми». Выяснилось, что в доме, где находится этот бар, располагается важный разведывательный центр противника. Необходимо его уничтожить.

— А как с «Викторией»? — спросил ТК-1, который вел машину, глядя на прямую как стрела дорогу.

— Надо подумать. Чего ты так торопишься? — тихо засмеялся Фи Ван. — Будем решать проблемы по ходу дела. И потом, надо еще раз тщательно проверить историю с машиной 635.

— А он что, все еще хитрит?

— Он передал тебе привет, говорит, что никак не может забыть аварию на дороге, которую ты ему устроил. Он не теряет надежды получить вознаграждение, когда подтвердится достоверность переданной им информации и «Виктория» будет уничтожена.

— Ну и когда будет проведена эта операция?

— Надо подождать, пока в этой заводи не появится рыбка покрупней. А сейчас нам предстоит заняться другим неотложным делом. Вряд ли еще когда-нибудь представится такая уникальная возможность для проведения операции в баре «Гань Ми». Сейчас для ее проведения есть все условия. Меня беспокоит только одно — мина для взрыва в баре еще не доставлена в условленное место. Чего бы это ни стоило, завтра, не позднее четырех часов вечера, она должна быть в доме номер 6 на улице Н. И не забудь: все дороги к центру города тщательно контролируются. У тебя есть какие-нибудь предложения?

Предложений пока не было. Все трое ехали молча, и каждый хорошо понимал важность предстоящей операции. Если упустить представившийся случай, то план будет сорван, и тогда придется неизвестно сколько ждать и готовить новую операцию. Был еще один важный вопрос: как провести операцию, чтобы избежать жертв со стороны невинных людей, рядовых служащих бара, и в то же время уничтожить наиболее опасного противника.

Мужчина в очках выжидающе перевел взгляд на водителя. ТК-2 был человеком малоразговорчивым, медлительным. В напряженные минуты у него не всегда хватало воображения, но мужества ему было не занимать. Он всегда ввязывался в бой первым и уходил из него последним. В значительной мере благодаря его мужеству

были блестяще проведены такие рискованные операции, как взрывы в клубе ВВС на аэродроме Таншоннят, в кинотеатре «До Тхань», где нашли свою смерть сотни американских летчиков и техников... ТК-2 не одобрял излишней легкости, которую, как он считал, порой допускал ТК-1. Ему не раз приходилось наблюдать действия ТК-1, выходящие за рамки воображения. Но, наверное, именно сочетание таких двух разных характеров и было необходимо при проведении операций в тылу противника. Дополняя друг друга, эти два человека обеспечивали успех операций, потому и работали в одной группе. ТК-2 перевел взгляд на командира, как бы ища подтверждения.

Но Фи Ван не обратил внимания на этот взгляд. Все его мысли были заняты операцией в баре «Гань Ми». План мог остаться неосуществленным по самой элементарной причине: специальное взрывное устройство, которого они ждали, еще не было доставлено в условленное место. До начала операции оставалось двадцать четыре часа. Надо было срочно искать решение проблемы. Он понимал, что предстоящая дерзкая операция потребует от ее участников огромного мужества, а может, и жертв.

ТК-1 вывел машину на улицу, которая вела к шоссе, связывающему город с одной из прилегающих к столице провинций.

— Идея! — неожиданно воскликнул он, не отрывая взгляда от дороги. — Будет мина до четырех часов!

Фи Ван еще ниже склонился к его сиденью.

— Вот как? Надеюсь, не ты сам ее доставишь?

— Нет. Есть человек, который это сделает.

— Кто же?

— Ми Лиен.

— Ты считаешь, ей можно поручить такое дело? — удивился Фи Ван.

— Можно! — твердо ответил ТК-1. — Она сделает это, вот увидишь!

Машина остановилась перед шикарным особняком. Метрах в двухстах от особняка на обочине тротуара сидела торговка, продававшая фруктовую воду. Она издалека заметила знакомую машину и сидящего в ней коммерсанта. В глубоких, скорбных глазах женщины вспыхнула искорка радости и тут же погасла. Машина въехала в гараж, построенный рядом с особняком. Здесь и должна была начаться операция по доставке «особого товара» в условленное место.

Известие о взрыве в баре «Гань Ми» быстро докатилось до отеля «Виктория».

Секретарша полковника Хэйна, шатенка с зелеными глазами и вздернутым носиком, вприпрыжку выбежала в коридор и ворвалась в лифт. Она даже не успела причесться — так была изумлена и подавлена. Сначала она поднялась на третий этаж, потом спустилась на второй. Она никак не могла понять, что случилось с подполковником Уэсли, когда она передала ему сообщение об этом взрыве. Сначала он закудахтал, как недорезанный петух, потом лег головой на стол. Когда секретарша поднялась этажом выше и информировала о случившемся полковника Генри Хэйна, тот тоже стал похож на петуха после хорошей драки. Его голова откинулась на спинку кресла. Плечи его быстро-быстро то поднимались, то опускались. Он то и дело взмахивал руками и хватался за голову.

Секретарша никак не могла понять, чем же занимается начальство: спит, плачет или решает государственные вопросы. Она снова вернулась на свое место, потом потихоньку приоткрыла дверь в кабинет полковника, куда только она имела право входить без стука, огляделась, затем так же тихо закрыла за собой дверь. Потом она снова спустилась на второй этаж, неслышно приоткрыла дверь в кабинет подполковника. Оглядев его кабинет, она незаметно вышла.

Отель «Виктория» еще не проснулся. Многие летчики крепко спали после бурно проведенной ночи. Секретарша вдруг насторожилась. Ей показалось, что в одном из номеров кто-то тихо плачет. Она неслышно подошла и прижалась ухом к двери.

— Дэнтон, ты что? — вдруг спросил мужской голос из соседнего номера.

— Ройсноу, — ответил ему прерывающийся от слез голос, — ты, конечно, счастлив. Оставь меня в покое!

— Ты чего, старик? Вспомнил о жене? А ты делай, как я. Выкинь все из головы! Время пройдет быстрее, и ты снова увидишь жену и сына.

— Ты меня не убаюкивай, словно грудного ребенка! — зло крикнул Дэнтон. — Я только начинаю служить. Еще несколько таких, как последний, вылетов — и прощай, жизни! Вечером мне опять вылетать. А там уже и до смерти полшага. Представляешь, из этого шикарного отеля попадешь в ад или в другую «отель».

— Отель «Хилтон»!¹ — захохотал Ройсноу.

— Вот-вот! А ты в это время будешь глотать виски и разглядывать зеленые глаза и курносый нос секретарши! Ты можешь спокойно отдыхать еще целых тринадцать дней, а там последний вылет.

— Ну и туп же ты! — снова захохотал Ройсноу. — Вот уж действительно темнота! Ты что, не слышал, что вчера вечером был вворван бар «Гань Ми»?! Кто знает, может, через час-другой на воздух валетит и наш отель. И мне не придется идти в последний полет.

— Ну, это ты загнул! А вот то, что твой срок кончается и ты наконец выберешься из этого котла с кипящим маслом, который нам приготовили вьетнамцы, — стопроцентная правда. Ну а мне каждый летный день — все равно что целый век жизни.

— Дубина! — воскликнул Ройсноу. — Беспросветная ты темнота! Кто знает, может быть, как раз одного полета достаточно, чтобы отправиться в преисподнюю или в отель «Хилтон». Самое лучшее — ни о чем не думать. Наша судьба в руках божьих. Так что молись господу богу.

Подслушивать было делом привычным для секретарши. Когда летчики замолчали, она вернулась в кабинет подполковника Уэстли.

Его роскошно обставленный кабинет находился в правом углу здания на втором этаже. Окна его апартаментов выходили в большой сад, огороженный высокой стеной с колючей проволокой.

Было раннее утро. С моря дул влажный ветер.

С тех пор как секретарша впервые заглянула в этот кабинет, прошло пятнадцать минут. Но господин подполковник, кажется, еще не пришел в себя. Голова его по-прежнему была низко над столом. Он буквально по плечу ушел в ворох каких-то бумаг.

Секретарша подошла к нему поближе, нагнувшись, чтобы поднять фуражку, которая валялась под ногами подполковника. Услышав шорох, подполковник открыл глаза, тупо уставился на нее.

— Вы нездоровы, господин подполковник? — спросила она.

— Есть ли что нового? — едва слышно спросил Уэстли.

¹ Так американские вояки называли лагерь для военнопленных в Северном Вьетнаме. — *Прим. авт.*

— Вы хотите знать о судьбе ваших сослуживцев в баре «Гань Ми» или же о Тхань Тхюи?

— И то, и другое, — с трудом ворочая языком, ответил подполковник.

— Составлен список погибших, а также пропавших без вести. Среди последних есть и Тхань Тхюи.

— Как это? — раздраженно спросил подполковник.

— По одним сведениям, девушка погибла и ее тело завалено обломками рухнувшей стены. По другой версии, ее сбросили в реку. Но... — Секретарша замолчала и чуть не захохотала, увидев, как вытянулась шея подполковника, ожидавшего, что она скажет дальше. — Только я знаю совершенно точно, господин подполковник... За полчаса до взрыва она звонила вам.

— Почему мне об этом ничего не известно?

— Вы забыли, господин подполковник, что в это время вы совещались с Генри и Тейлором.

— Что она говорила?

— Она приглашала вас на коктейль в «Мун бар», где собрались ее друзья из «Общества друзей Америки».

— Так, стало быть, во время взрыва ее не было в ресторане. Слава богу! — На постном лице подполковника Уэсли появилась улыбка. Он обнял секретаршу. — А я думал, что девушка погибла.

— Даже если бы и так? — пожала плечами секретарша. — Неужели в Сайгоне не найдется другой Тхань Тхюи?!

В это же время полковник Хэйн открыл глаза. Сел на ручку кресла, продолжая потирать виски. Голова трещала, готовая вот-вот расколоться. Он нахмурил брови и задумался. Ему никак не удавалось ответить на вопросы, которые он сам себе задавал. Как случилось, что о взрыве в «Гань Ми» заранее ничего не было известно ЦРУ? Почему отряды спецназначения, которые ЦРУ отправляло в Северный Вьетнам, ликвидировались в считанные дни? Полковник Генри Хэйн, герой разведки времен второй мировой войны, организатор многих государственных переворотов в различных странах Азии, Африки и Латинской Америки, сейчас был не слабее, по и ничуть не сильнее других разведчиков. Всех их его шеф, генерал, мог поставить на одну доску.

Генри Хэйн выдвинул ящик стола, достал пачку фотографий, на которых были изображены диверсанты, засылаемые ЦРУ на север Вьетнама. Одна фотография привлекла его внимание, и он стал пристально разглядыв-

вать ее. Сделал этот снимок парень, которому было поручено следить за командиром звена. Фото было сделано за день до вылета летчика в Северный Вьетнам¹. На фотографии был изображен летчик с очень красивой девушкой.

— Тхань Тхюи! — прошептал Генри Хэйн. — Что может связывать командира звена с этой малышкой? — Внимательно рассмотрев детали фотографии, он отметил, что сделана она в «Гань Ми».

Он достал папку с докладом о погибших и раненных в баре, но думал, конечно, не о них, а о тех, кто остался в живых. Пригласив к себе подполковника Уэсли, он спросил у него:

— Господин подполковник, вам когда-нибудь приходила в голову мысль, что ваша знакомая может работать на коммунистическую разведку?

Подполковник онемел. Он медленно поднял глаза на Генри Хэйна. Тот в свою очередь перевел усталый взгляд на подполковника.

— У меня нет оснований так думать, господин полковник, — ответил Уэсли после тягостной минуты молчания.

— А вы не догадываетесь, почему девушка не погибла во время взрыва, устроенного коммунистами?!

— Ее вчера вечером просто не было в баре.

— Я ждал от вас именно такого ответа. А не допускаете ли вы, что она заранее знала о готовящейся операции и поэтому ее не оказалось в баре во время взрыва?

— Но у нее был как раз выходной день.

— А почему взрыв произошел именно тогда, когда у нее был выходной день? Случайное ли это совпадение? Наша профессия требует, чтобы мы рассматривали любую случайность не как случайность, а как закономерность.

Уэсли ничего не ответил. Молчал и Хэйн. Они смотрели через окно на дорогу, ведущую к отелю. Автофургон номер 635, до отказа набитый фруктами и овощами, осторожно вполз в подвал семиэтажного здания.

Подполковник Уэсли был доволен абсолютно надежной системой обеспечения безопасности отеля. Он был готов спорить с любым самым опытным специалистом по безопасности и гарантировать, что в созданной им системе нет ни одной уязвимой точки. Он был уверен, что его

¹ ЦРУ поручало своим тайным агентам следить за сайгонскими офицерами с тем, чтобы предотвратить утечку информации. — *Прим. пер.*

отель — это неприступная крепость. Себя лично он считал Ахиллом, но без «ахиллесовой пяты». Он не стал скрывать удивления, которое вызвали у него слова полковника Генри Хэйна.

— Господин полковник, — сказал он, — дело, которое я делаю, самым тесным образом связано с делом Америки. И нет такой силы, которая могла бы свернуть меня с этого пути. Верьте мне, господин полковник.

— Я верю, успокойтесь! Однако хочу дать вам один совет.

— Пожалуйста, слушаю вас, господин полковник.

— Пригласите Тхань Тхюи на работу в свой отель. Ведь теперь у нее не будет никакой работы.

Подполковник удивился:

— Я не совсем понимаю смысл вашей затеи. Вы же знаете, что у нас очень ограниченные возможности для использования вьетнамцев. Практически они равны нулю. И не кто иной, как вы говорили мне об этом неоднократно.

— Ограниченные возможности, — повторил Хэйн. Он засмеялся, отчего все его лицо сморщилось, словно спекшееся яблоко. — Я не хочу распространять на Тхань Тхюи какие-либо ограничения. Вам понятно, господин подполковник? Вы займетесь реализацией моего плана. Вы и моя секретарша. Надо бросить приманку для коммунистической разведки. Они уже настолько обнаглели, что совершают свои грязные дела у нас под самым носом! Сначала авиационный клуб, затем кинотеатр, теперь бар... Вчера вечером господин Тейлор чуть было не погиб, несмотря на усиленную охрану. И это непременно случилось бы, если бы не один солдат-герой, который прикрыл его своим телом. Мы, призванные защищать весь мир, не можем защитить даже этого небольшого клочка земли! Разве мы слабее их? Нет, нет и нет! — Он вытянулся и сильно стукнул кулаком по столу.

Утренний свет проник в окно, позолотив стены и мебель в кабинете. И только лицо Генри Хэйна было по-прежнему чернее тучи.

Снизу доносились крики пьяных летчиков, орущих какую-то песню. В отель «Виктория» пришел новый день.

Ранним утром фургон по перевозке фруктов и овощей выехал из подвального этажа отеля, прошел контрольный досмотр военной полиции и оказался на улице Фан Тю

Чиня. Машина остановилась у обочины дороги. Здесь ее поджидала очень красивая девушка.

После того как бар «Гань Ми» был взорван, Тхань Тхюи была принята в отель «Виктория» в качестве секретарши по делам отеля. Иногда она вместе с младшим лейтенантом, взятым на работу вместо пропавшего без вести, ездила на базар, где закупала свежие овощи и фрукты. На обратном пути девушка, как правило, заглядывала в небольшое кафе, чтобы купить фруктовой воды. Кафе было совсем небольшое. Около него прямо на тротуаре стояло несколько удобных столиков и кресел, где можно было посидеть и выпить воды. Хозяйкой кафе была женщина лет тридцати, быстрая и ловкая, простая в обращении и внимательная.

Из машины вынесли несколько ящиков фруктов и овощей. Женщина приняла этот товар и сунула в руки младшего лейтенанта деньги и несколько пачек хороших американских сигарет. Тхань Тхюи поблагодарила ее и села в машину рядом с младшим лейтенантом, очаровательно улыбнувшись ему.

Через несколько минут после того, как машина номер 635 отъехала, к кафе подъехал на «хонде» мужчина в очках с золотой оправой. Он поставил мотоцикл у обочины дороги и сел в легкое кресло у столика. Хозяйка, убирающая стаканы после посетителей, перевела на него взгляд и спросила:

— Не хотите ли фруктовой воды?

— Налейте мне, пожалуйста, сока папайи.

Хозяйка сразу же очистила плод папайи, включила соковыжималку. Через несколько секунд в стакан полился розово-желтый душистый и прохладный сок.

Мужчина медленно выпил стакан сока и не спеша спросил:

— Сколько с меня? Десять пиастров, правильно?

— Да.

— Попрошу сдачу, — сказал посетитель, протягивая хозяйке бумажку в сто пиастров. Получив сдачу, посетитель пересчитал деньги и поднялся.

Продавщица, провожая его взглядом, улыбалась. Потом ее внимание привлекли новые посетители. Мужчина сел на свой мотоцикл и исчез...

Вернувшись домой, ТК-2 развернул пачку полученных от хозяйки лавочки денег и нашел там записку, в которой прочитал: «Был 635. Пришел вовремя, взял товар, вернулся на перекресток в 7 часов 15 минут».

План взрыва в отеле «Виктория» разрабатывался самым тщательным образом. При этом исключительно важное значение имела информация Х-5 о времени и маршруте передвижения машины 635. На основе этой информации делались точные расчеты, координировалась деятельность различных групп, которые должны были обеспечивать подготовку операции. «Не допустила ли я какую-нибудь промашку, заставляющую противника сомневаться?» — спрашивала себя Х-5, которая теперь носила имя Тхань Тхюи. Это была особая игра, в которой судьба исполнителя зависела от уровня его актерского мастерства. Это была ежеминутная игра со смертью, где приходилось самому находить единственно верный выход из сложнейшей ситуации. Но игра эта происходила не на сцене, а в суровой реальной жизни.

Девушка долго размышляла, но не могла найти ответ на все свои вопросы: «Почему они пригласили меня работать в отель «Виктория», куда не допускают вьетнамцев? Доверяют ли они мне? Доверяет ли мне полковник Хэйна? Мое командование, я думаю, сделало правильный вывод: подполковник Уэстли сам не взял бы на себя смелость принять меня на работу в отель. На это должно быть разрешение Хэйна. Что они замышляют? Не хотят ли они из меня сделать подсадную утку?»

За полчаса до взрыва в «Гань Ми» Х-5 получила приглашение от «Общества друзей Америки» на коктейль в ночном баре. Зная наверняка, что подполковник сошлется на занятость, Тхань Тхюи позвонила ему и пригласила его на коктейль.

Разбирая весь ход проведенной операции, Х-5 пришла к выводу, что она довольно правдоподобно объяснила «причину», по которой не погибла в баре «Гань Ми». Однако она хорошо понимала, что факт ее «спасения» не пройдет мимо внимания полковника Хэйна. Она представила, в каком бешенстве сейчас полковник. Он наверняка делает все, чтобы обнаружить сеть подпольщиков.

Командование, давая девушке новое задание, предупредило ее о необходимости быть во сто крат осторожнее, чем во время операции в баре, и избегать любых шагов, которые могли бы вызвать подозрение у противника.

Теперь Бархатная Роза работала в самом логове врага. Любой находящийся здесь американец совершил множество преступлений против вьетнамских женщин, детей и стариков. А сколько вьетнамцев погибло от американ-

ских бомб! Ненависть, кипевшая в сердце девушки, ставилась для нее неиссякаемым источником силы.

Рабочая комната Тхань Тхюи находилась в той части здания отеля, где располагался клуб. Каждый раз, встречая девушку в коридоре, американцы — обитатели отеля смотрели на нее, как голодный волк на ягненка. Многие хотели бы познакомиться с ней поближе, но боялись подполковника Уэсли. Они только бросали на нее похотливые взгляды и подмигивали. Но Тхань Тхюи делала вид, что не замечает этих взглядов. Она проходила по коридору с достоинством, никогда не оборачивалась, старалась ни на кого не смотреть.

Тхань Тхюи была единственной вьетнамкой, которая имела право входить в кабинет подполковника Уэсли, управляющего отелем «Виктория». Выйдя из лифта, девушка повернула направо и подошла к первой двери на втором этаже. Дверь в кабинет подполковника была приоткрыта. Прежде чем войти, Тхань Тхюи постучала. Никто не ответил на ее стук. Она еще раз постучала. В кабинете раздался звонок. Курносая секретарша-шатенка слегка склонила голову, отвечая на приветствие Тхань Тхюи. Девушка уже неоднократно встречала эту шатенку здесь, в отеле. Но то были мимолетные встречи. Сегодня они встретились впервые с глазу на глаз. Эти две женщины представляли собой два непримиримых лагеря.

— Присаживайтесь, — процедила сквозь зубы секретарша. Зелеными глазами она нагло рассматривала Тхань Тхюи, как смотрит кошка на мышь. Ее выводила из равновесия экзотическая красота девушки, и секретарша едва сдерживала свою злость.

— Подполковник Уэсли просил меня прийти к девяти часам с финансовым отчетом. Я не побеспокоила вас?

— Нет. Нисколько! Садитесь! Вы счастливая женщина! — Секретарша громко рассмеялась, откинув голову на спинку кресла, и бросила на Тхань Тхюи бешеный взгляд. — Садитесь здесь. — Она показала на глубокое бархатное кресло, которое находилось рядом с рабочим столом Уэсли. — Вам придется немного подождать. Подполковник сейчас занят.

Сказав это, секретарша взяла какую-то папку и встала, чтобы уйти. Тхань Тхюи встала тоже, но секретарша остановила ее:

— Подождите здесь, подполковник скоро вернется.

Девушка осталась одна. Она посмотрела на стол с бумагами. Под черной папкой с какими-то материалами

лежала небольшая карта Северного Вьетнама, на которой были нанесены галочки и крестики.

Сердце Тхань Тхюи учащенно забилося. Что может находиться в той черной папке и что означают эти пометки на карте Северного Вьетнама? Ястреб! На карте изображен ястреб! Да, но это название диверсионной группы, вылетающей в Северный Вьетнам. Командиром авиационного звена был тот толстяк, которого она встретила в «Гань Ми» за два дня до его вылета...

Тхань Тхюи стояла не шелохнувшись. Она чувствовала, как кровь приливает к голове. Ей казалось, что весь смысл жизни для нее сейчас заключен в этой карте с крестиками и галочками. Как сделать, чтобы все эти материалы оказались у нее в руках? Она подумала, что ей будет достаточно двух-трех минут...

Подполковник Уэстли находился в это время в кабинете Генри Хэйна. Его очень интересовало, как поведет себя девушка. Она ведь не знала, что за каждым ее движением ведется наблюдение при помощи специальной аппаратуры. На экране было видно, как девушка оглядывается. Сейчас она возьмет в руки папку! Сейчас начнет разглядывать карту! Но подполковнику так хотелось, чтобы Тхань Тхюи не подошла к столу. Тогда бы он сумел заставить этого надменного полковника-выскочку укоротить немного свои длинные руки!

Тхань Тхюи чувствовала, как сердце ее разрывается на части. Никого не было в помещении. Вокруг царил абсолютное безмолвие. Только ветер шумел в окнах, гулял по комнате. Руки Тхань Тхюи сами тянулись к папке. Ей не терпелось повнимательнее рассмотреть карту. Однако девушка не двинулась с места. Наставления Фи Вана и природный ум Бархатной Розы помогли ей сделать правильное заключение: секретарша, эта зеленоглазая бестия, не могла допустить такой оплошности. Наверняка она знает правила хранения секретных документов и не имела права разрешить кому бы то ни было, а тем более ей, вьетнамке, остаться одной в кабинете подполковника. Вероятно, такое распоряжение она получила от Хэйна или Уэстли...

Девушка вышла из кабинета и стала прогуливаться по коридору, прислушиваясь к каждому шороху, каждому шагу.

— Тхань Тхюи! — позвал ее мужской голос.

Она обернулась и склонила голову в приветствии.

— Господин подполковник! Я пришла вовремя.

— Простите, что заставил вас долго ждать. Почему вы не остались в кабинете?

— Я сочла это неудобным в ваше отсутствие.

— Еще раз приношу вам свои извинения. Прошу вас, — сказал подполковник, жестом приглашая Тхань Тхюи в кабинет. — Рюмочку спиртного за начало рабочего дня?

— Спасибо, господин подполковник, в другое время — пожалуйста! По вашему указанию я приготовила финансовый отчет.

— Это не столь важно. Я хотел увидаться с вами всем не ради отчета. Вы пожелаете мне счастливого пути?

— Вы возвращаетесь в Америку?

— Нет. Это будет особая командировка. Какое-то время мне придется быть далеко от Сайгона, далеко от Тхань Тхюи. Целую неделю вы сможете отдыхать, начиная с сегодняшнего вечера. Это, конечно, не очень радует меня...

— Я вас не понимаю, господин подполковник.

Он сложил лежавшую на столе карту и достал информационный бюллетень:

— Вот, смотрите. Северовьетнамцы захватили всех наших десантников. Удалось спастись только радисту, который успел спрятаться в пещере.

— Это известие достойно сожаления, — грустно сказала Тхань Тхюи. Глаза ее заблестели от слез, и она отвернулась к окну. — Надеюсь, что ваш отъезд не связан с делами отеля?

— Нет, не связан. К сожалению, в мире есть много вещей, которыми приходится заниматься помимо нашей воли. К примеру, вы помните летчика, с которым я встречался вчера вечером? Ему предстоит выполнить особое задание. Не исключено, что он погибнет, но планы, которые мы намечаем, должны быть выполнены, чего бы это ни стоило. — Подполковник скривил губы в улыбке, и его глаза хитро блеснули.

Ночь была пасмурная — ни звездочки на небе. Огни ночных баров постепенно гасли, и густая темнота обволакивала город, вползала даже в самые грязные его уголки. Сайгон засыпал, как тяжело больной зверь. Ветер доносил в город соленый запах океана.

В городе было пустынно. Два патрульных броневика объезжали улицы. Фары машины на мгновение выхватывали

вали из тьмы рекламные щиты с намалеванными полубогаженными девицами, публичные дома, притоны.

От отеля «Виктория» отъехала небольшая легковая машина. Развалившись на заднем сиденье, подполковник Уэсли держал в губах ароматную сигарету. Специальный рейс был назначен на ноль часов пять минут. Из деталей плана полковника Хэйна подполковник сообщил Тхань Тхюи только время взлета и условный знак — два зеленых сигнала, подаваемые самолету с земли на месте его приземления.

После первой, неудавшейся попытки полковник Хэйн решил еще раз испытать девушку. Он рассчитывал, что ему удастся установить, что Тхань Тхюи — агент коммунистической разведки, а если это так, то через нее он мог бы раскрыть всю подпольную сеть коммунистов. Конечно, то, что Тхань Тхюи не оказалось в баре «Гань Ми» во время взрыва, то, что исчез ее приятель младший лейтенант — водитель машины 635, то, что она вела беседу с командиром авиационного звена накануне его вылета, то, что неизвестная красивая девушка, по словесному портрету, очень похожая на Тхань Тхюи, среди бела дня выстрелом в упор убила полицейского на контрольно-пропускном пункте, еще ничего не значило. Эти факты не служили доказательством ее причастности к вьетконгу.

Генри Хэйн снова принялся рассматривать фотографию, на которой были изображены командир специального авиационного звена и Тхань Тхюи.

— Красавица! — покачав головой, сам себе сказал полковник. — Ее глаза и привлекают мужчин, и пугают их. В них столько скромности и поэтичности, особенно когда трепещут эти длинные ресницы. Но взгляд ее остр и пронзителен, словно лезвие готового к бою меча.

Полковник Хэйн надеялся, что придуманная им довольно хитроумная проверка позволит ему сделать окончательное заключение относительно личности Тхань Тхюи. Он хорошо знал, что все десантники-диверсанты захвачены северовьетнамцами, в том числе и радист, располагающий шифром. Но полковник представил дело таким образом, что радисту будто бы удалось спастись в пещере. Он дал указание готовить вылет еще одного диверсанта, который должен выйти на связь с заброшенным ранее радистом. Из вьетнамцев об этом знала только Тхань Тхюи. У нее было достаточно времени, чтобы передать эту информацию в Ханой, где подготовились бы к захвату вертолета.

Что же касалось подполковника Уэстли, то он беспокоился прежде всего за собственную судьбу, а не за судьбу какой-то вьетнамки. Решительность, с которой действовал Хэйн, его дьявольская изобретательность больно ударили по самолюбию подполковника. Он вдруг почувствовал себя уязвимым. Его начинало трясти, когда он думал о двух зеленых сигналах, подаваемых вертолету с земли, о которых кроме него и полковника Хэйна знала только Тхань Тхюи. Ведь если у Хэйна появятся необходимые улики для доказательства того, что Тхань Тхюи — разведчица, тогда все признают выдающийся талант Хэйна и скажут, что подполковник Уэстли, управляющий отелем, — тупой болван. Эти мысли и занимали подполковника, пока он ехал на аэродром.

Машина подполковника вырулила на взлетную площадку аэродрома Таншоннят. Здесь его уже ждали полковник Хэйн и его зеленоглазая секретарша.

— А, господин подполковник! — воскликнул Хэйн. — А мы решили прямо на аэродроме дожидаться результатов полета вертолета.

Не дожидаясь ответа подполковника, Хэйн повернулся в сторону командира авиазвена и американских летчиков:

— Вы должны выйти точно в район, отмеченный вот здесь на карте, и внимательно следить за землей. Если увидите два зеленых сигнала, немедленно докладываете об этом по рации.

— А если никаких сигналов не будет, господин советник? — спросил командир звена.

— Тогда ты прыгнешь с парашютом! Идиот! — Хэйн посмотрел на часы: — Ну все, пора! Счастливо! Желаю «фантомам» нормального полета!

Вертолеты взметнулись с полосы аэродрома в воздух и исчезли в облаках...

Командир звена широко зевнул и тупо уставился в бесконечное черное пространство.

«Северный Вьетнам!» Подумав об этом, он крякнул и заморгал ресницами, торчащими из-под нависших бровей. Он хорошо знал, что в любое время может попасть под обстрел северовьетнамской артиллерии или прицельный огонь винтовок, который ведут отряды северовьетнамской самообороны. И тогда прощай, жизнь! Но времени на размышления не оставалось. Был уже третий час ночи... Возможно, скоро он выйдет в эфир, чтобы доложить Центру об обстановке.

В тихом лесу было слышно только журчание ручья,

пение птиц да гул ветра. Вдруг откуда-то сверху донесся резкий нарастающий вой. Первыми, кто услышал эту фальшивую ноту в музыке леса, были горы. Горы передавали от хребта к хребту эти тревожные звуки и наконец донесли их до чуткого человеческого уха...

Вертолеты сделали несколько кругов в заданном районе. Из Центра управления подполковник Уэстли напряженно следил за вертолетами. Он посмотрел на полковника Хэйна. Тот, перехватив взгляд подполковника, с равнодушным видом развалился в кресле, не торопясь покуривая сигарету...

Вертолеты сделали второй, затем третий круг. Горы по-прежнему молчали, окутанные густой ночной пеленой.

— Пока не вижу никаких сигналов, — передал командир звена.

— Поворачивайте на юг, — распорядился Хэйн. — Еще раз внимательно проверьте местность в районе цели и прилегающие горы.

Подполковник Уэстли с облегчением вздохнул. Он ждал этого поражения полковника.

— Мы заметили какой-то свет в районе ручья, — доложил вдруг командир звена.

— Проверьте внимательно! Напоминаю — два зеленых сигнала возле указанной цели.

Теперь занервничал и подполковник Уэстли. Он снял с головы фуражку, вытер пот со лба. Хэйн даже пристал, вытянул шею.

— Нет, это просто костер. Зеленых сигналов нет. Докладываю: мы обстреляли местность в районе костра, ответного огня не было.

Полковник Хэйн рухнул в кресло.

— Алло, «Ястреб»! Возвращайся на базу! — приказал он.

Еще одна проверка закончилась. Подполковник Уэстли облегченно вздохнул и украдкой от Хэйна хихикнул. «Красавица Тхань Тхюи теперь вне подозрений этого старого черта. Похоже, что Хэйна начинает мучить старческая подозрительность! — Подполковнику Уэстли понравилась эта мысль. — Ну что ж, старик Хэйн потерял еще одно очко!»

— Завтра же увольте Тхань Тхюи! — крикнул полковник прямо в ухо Уэстли, весь побелев от злости.

— У нее еще три дня отпуска. Как быть, господин полковник?

— Моя команда остается в силе. Нельзя держать

вьетнамцев в нашем отеле. Дайте ей еще неделю отпуска, а затем рассчитайте окончательно. Она и так слишком долго у нас проработала.

Подготовка к взрыву в отеле «Виктория» вступила в очень ответственную фазу. В семь часов тридцать минут в день X взрыв должно было взлететь в воздух.

В густом лесу в освобожденном районе Кути несколько лучших стрелков и водителей партизанского отряда тренировались в прыжках на машину и с машины, которая мчалась на огромной скорости. Была проведена тщательная рекогносцировка места, где предстояло проводить операцию. Каждая группа, принимающая в ней участие, тренировалась отдельно, но вся подготовка тщательно координировалась, чтобы занятые в ней бойцы действовали в тесной взаимосвязи между собой.

Фи Ван ходил хмурый как туча. Произошло непредвиденное, что крайне обеспокоило его. Не напал ли противник на след подпольщиков? Почему вдруг так ужесточились меры безопасности и контроля в отеле? С дороги, ведущий к отелю, убраны все противопожарные бочки с песком. Заборы усилены дополнительными рядами колючей проволоки. Увеличено количество американских и сайгонских полицейских, охраняющих отель. Машина 635, как и все другие машины, при выезде и въезде в отель подвергалась теперь тщательному досмотру.

В чем дело? Что произошло? Почему противник так переполошился? Может быть, ему стало что-нибудь известно о готовящейся операции? Может быть, в ряды подпольщиков проник провокатор? Если это так, то кто он?

От Бархатной Розы уже два дня не было никаких вестей. Ничего не знали о ней и на явке, где находился связной.

Фи Ван вызвал к себе младшего лейтенанта, водителя машины 635, захваченного партизанами в плен. В тот день он не покончил с собой и не был убит вьетконговцами, как в конце концов решили сайгонская полиция и сотрудники ЦРУ. Он был жив, причем жизнь его никогда еще не была наполнена таким смыслом, как теперь. Он осознал совершенное им преступление и передал командованию партизанского отряда много полезной информации. Теперь он мог не бояться за свою судьбу, как это было сразу после его захвата в плен. И все-таки он порядком перепутался, когда неожиданно узнал, что его вызы-

вает к себе командир отряда. Он почувствовал, как мороз пробегает у него по спине.

— Садитесь, — сказал Фи Ван, указывая на стул. — Вы знаете, что наше командование учло ваше искреннее раскаяние в совершенных преступлениях. В сегодняшней беседе вы можете показать, каких успехов вы добились.

— Я обещаю вам это, — ответил младший лейтенант, чувствуя, что вновь обретает спокойствие.

— Скажите, как регулярно американцы проводят тренировки?

— Здесь нет какой-то установленной системы.

— Тогда постарайтесь вспомнить, сколько раз вы были на учениях за время вашей работы в отеле?

Молодой человек захлопал глазами, глядя на Фи Вана, затем опустил голову, задумался.

— Постарайтесь вспомнить поточнее. У меня есть возможность проверить вашу информацию, чтобы знать, насколько вы искренни в ваших показаниях. Имейте в виду, что мы за преступления караем, а за правильные поступки поощряем.

— Я хорошо помню только последние месяцы. Один раз учение проводилось после того, как силы освобождения взорвали клуб на аэродроме Таншоннят, и второй раз, когда в Сайгон прилетел господин Маккон...

«Да-да, когда прилетал Маккон!» — отметил для себя Фи Ван.

— А когда они усиливают охрану?

— Всякий раз, когда из Америки прилетает какая-нибудь важная птица. Причем команда тревоги не отменяется на все время учений. Если же какой-то большой чин проживает в отеле, то в течение этого времени здание усиленно охраняется: удваиваются караулы военной полиции, вокруг здания сооружаются баррикады, заборы опутываются дополнительными рядами колючей проволоки, в проходах ставятся ежи, пешеходам и транспорту запрещается проходить около здания.

Фи Ван понимающе кивнул и протянул парню пачку сигарет:

— Курите!.. Хочу спросить еще об одном. Когда вы, закупив овощи, возвращались в отель, американские офицеры еще спали? Все ли они были в сборе в это время?

— В это время они обычно готовились к завтраку. Некоторые еще спали. Почти все были на месте.

— В том числе полковник Хэйн, его секретарша и подполковник Уэсли — управляющий отелем?

— Да.

— Ну что ж, вы можете возвращаться. Я проверю ваше сообщение.

Фи Ван пришел к выводу, что противнику пока ничего не известно о подготовке операции. Некоторые моменты, приведшие к осложнению оперативной обстановки, объяснялись, видимо, тем, что, как стало известно командиру отряда, несколько часов назад на аэродроме Таншоннят в зоне, охраняемой американской военной полицией, приземлился специальный самолет. Сомнений не оставалось: какой-то высший чин ЦРУ только что прибыл в город и остановился, судя по всему, в отеле «Виктория». Что ж, это был наиболее подходящий момент для операции. Есть возможность отправить к праотцам вместе с летчиками и техниками и высокопоставленного сотрудника ЦРУ. Фи Ван с нетерпением ждал сообщений от Х-5. На его загорелом лице лежала тень беспокойства.

Полковник Генри Хэйн сидел у себя в кабинете. Здесь же находилась его секретарша. Они готовили материалы к докладу руководству.

— Есть приятная новость, — сказал Хэйн, обращаясь к секретарше. — Арестована одна вьетконговка. Ее арест имеет исключительно важное значение. Ее мы сможем использовать в качестве приманки. Какие результаты принес первый допрос? Что докладывает спецслужба Сайгона?

— Господин полковник, они сообщают, что арестованная вьетконговка, несмотря на пытки, при допросе ничего не показала, она проявляет удивительное упрямство.

— Вот захребетники! Я имею в виду всю эту камарилью из сайгонской администрации, — вздохнул полковник Хэйн. — Все они, от их президента до последнего полицейского, — просто бабы. Нам все приходится делать самим. Думаю, мы не дождемся цветов от господина Маккона.

— Господин Маккон планирует во время своего визита проверить систему государственной безопасности, познакомиться с тюрьмами «тигровые клетки» и с «центрами по обработке».

— Я знаю, — кивнул Хэйн. — Пригласите ко мне подполковника Уэсли. Необходимо обеспечить полную секретность визита господина Маккона на все время его пребывания в Сайгоне.

Секретарша послушно встала и вышла. Генри Хэйн погрузился в изучение бумаг. Он перечитывал доклад агента 4Н о вьетконговской разведчице Х-5.

Когда закончился короткий отпуск, Тхань Тхюи вернулась в отель «Виктория». Это было как раз в тот день, когда американская военная полиция усилила охрану отеля и прилегающего к нему района. Подполковник не сообщил девушке о решении уволить ее из отеля. Он сказал только, что нуждается в ее помощи при допросе одной недавно арестованной вьетконговки.

«Кто же арестован? Почему подполковник нуждается именно в моей помощи? Кто это? Ми Лиен или еще кто-то из моих друзей? Может ли этот арест помешать выполнению операции?» — думала Бархатная Роза.

Чтобы полностью гарантировать безопасность американских летчиков, подполковник Уэстли приказал в течение трех суток никого не выпускать из отеля, вот почему Х-5 ничего не могла передать в Центр. Она хотела использовать для передачи информации младшего лейтенанта — нового водителя автофургона 635, но он побоялся встретиться с торговкой фруктовой водой, потому что к нему был приставлен американец из военной полиции.

В соответствии с заранее утвержденным планом операция в отеле «Виктория» должна была начаться в день Х в семь часов тридцать минут, то есть как раз в то время, когда Тхань Тхюи не должно было быть в отеле. Ее товарищи могли не опасаться, что Бархатная Роза погибнет от взрыва мины. Ее должен был установить человек, которого в отряде никто не знал. Но теперь девушка не могла связаться с Зунгом и Фи Ваном. Ей едва удавалось сдерживать слезы отчаяния.

Итак, сегодня вечером по указанию подполковника Уэстли она должна присутствовать на допросе арестованной вьетконговки. Почему он пригласил ее? И как быть, если это Ми Лиен? Как себя держать? Десятки подобных вопросов задавала себе девушка.

Она без труда заметила изменения, произошедшие за время ее отсутствия в отеле. Начальники не спускались завтракать в ресторан, их обслуживали в номерах. Полковник и его секретарша были заняты подготовкой торжественного приема. По лицу подполковника Уэстли не бегала самодовольная улыбочка, когда он встретился с Тхань Тхюи. Он поспешно отдавал какие-то указания во-

енным полицейским. Глаза у него ввалились от бессонницы.

В отеле под руководством какого-то высокопоставленного сотрудника ЦРУ проходило совершенно секретное, особо важное совещание. Х-5 поняла это, но не имела никакой возможности сообщить об этом Зунгу. У нее не выходила из головы операция, назначенная на завтра. Но к беспокойству примешивалась и радость от сознания того, что завтра с этими важными персонами из ЦРУ будет покончено...

— Вы сказали своей красавице, чтобы она присутствовала сегодня вечером на допросе вьетконговки? — спросил Хайн подполковника Уэсли по телефону.

— А чем вызвано изменение вашего решения? Ведь вы неоднократно говорили мне, чтобы я уволил ее с работы.

— Это вы еще успеете сделать. А сейчас я должен посмотреть, как она поведет себя при допросе. Они ведь были знакомы. Вы знаете об этом?

— Да, знаю. Но у нас нет доказательств, что арестованная имеет отношение к вьетконгу. Ведь она была арестована только за то, что хранила у себя листовки.

— Это не самое главное. Главное состоит в том, что она знакома с вашей пассией.

— Неоднократные проверки и испытания подтвердили, что подозрения в отношении Тхань Тхюи безосновательны.

— Вы, видимо, забыли поговорку: «Доверяй, но проверяй»! Наша профессия требует тщательности и терпения. Господин Маккон только что напомнил нам об этом. Мне необходимо еще раз проверить вашу Тхань Тхюи. Профессиональное чутье, выработанное за несколько десятков лет работы в разведке, не позволяет мне бросить это дело, не доведя до конца. На сегодняшний день у меня пока нет каких-либо ясных выводов относительно Тхань Тхюи.

Еще никогда Тхань Тхюи не волновалась так, как сейчас, когда входила в камеру, где велись допросы. Даже когда она несла готовую взорваться бомбу или участвовала в операции в баре «Гань Ми», она не испытывала такого страха и волнения, как теперь. Она не знала,

как поведет себя, если увидит, что арестованная — это Ми Лиен, если палачи начнут при ней пытаться бедняжку. Она должна будет улыбаться, видя, какие муки испытывает близкий ей человек. Она должна будет спокойно смотреть в глаза подруге, истекающей кровью. В жизни, видимо, нет более страшных испытаний, чем это.

«Старая бестия Хэйн хорошо понимает это. Он хочет пропустить меня через самое ужасное испытание. Что ж, я готова!» — сама себе сказала Х-5. Она почувствовала, как спокойствие вновь возвращается к ней. Так часто бывает: накануне трагедии человек находится в замешательстве, но приходят трагические минуты — и он приобретает спокойствие, ясность ума...

Тхань Тхюи вошла в камеру, где велись допросы. Это была настоящая камера пыток. Каких только орудий пыток здесь не было!

Генри Хэйн был уже за работой. Он сидел спиной к окну. Перед ним находился палач из охранного отделения и два советника. На полу лежала женщина. Волосы ее были спутаны, лицо осунулось, тело покрывали кровоподтеки. Она только что пришла в сознание после страшных пыток.

— Ну зачем же вы так избили женщину? Нельзя забывать о чувстве меры. Нужно, чтобы человек оставался в сознании и был способен отвечать на наши вопросы, — сказал Генри Хэйн начальнику сайгонской охраны.

— Мы согласны с вами, господин полковник. Я думаю, ей надо дать время немного подумать. Мы должны вырвать из нее правду.

У арестованной гневно блеснули глаза. Она села на стул, прислонилась к спинке.

— Я не нуждаюсь в вашей снисходительности, проклятое зверье! — прошептала она.

Глаза Тхань Тхюи вдруг встретились с глазами измученной женщины. Девушка выдержала это испытание. Она спокойно сидела на стуле против начальника охраны.

— Вы знакомы с этой женщиной? — спросил он, обращаясь к девушке.

Тхань Тхюи внимательно посмотрела на женщину и утвердительно кивнула:

— Да, это торговка прохладительными напитками. Она иногда брала у меня товар. За что она арестована?

— Она — вьетконговка. А вы не знали этого?

— Господи, да откуда же мне знать?! И эта женщина — вьетконговка? Вы же говорили, что вьетконговцы сидят в порах, в джунглях. А эта женщина всегда аккуратно одета, у нее добрые материнские глаза. Более того, насколько я знаю, она вдова капитана армии Республики Вьетнам, с честью погибшего на поле боя за интересы государства. Она совершенно не похожа на коммунистку.

— Это ваша крупная ошибка. Да, ее муж действительно погиб за интересы государства, и тем не менее его вдова помогала коммунистам. Она хранила у себя коммунистические листовки... Листовки, — по слогам повторил начальник охраны. — Вы понимаете, что это такое?! Хочу предупредить, — снова обратился офицер к арестованной, — если скажешь правду, то будешь жить, если нет — пеняй на себя. Еще раз спрашиваю: откуда ты взяла листовки?

— Надо поспокойнее, — обращаясь к начальнику охраны, сказал Генри Хэйн. — Я думаю, что с такой женщиной лучше обращаться вежливо и учтиво, чем подвергать ее пыткам.

Х-5 кивнула, соглашаясь с ним, и подумала: «И этот подонок строит из себя интеллигента. Ведь именно он, Генри Хэйн, организатор самых зверских пыток попавших к нему в лапы людей!»

Полковник перевел свой звериный взгляд на Тхань Тхюи, вытянул в ее сторону шею, показал рукой на бутылку:

— Предложите женщине воды! Можете немного побеседовать с ней. Вы ведь понимаете друг друга как родственники. Мы не будем вам мешать. Я надеюсь, что вы, Тхань Тхюи, уговорите вашу знакомую. Думаю, ей дорога жизнь...

Девушка осталась наедине с арестованной и протянула ей глиняную кружку с водой. Их взгляды вновь встретились. В них было все — сострадание, взаимное уважение, мудрость.

— Ну что, тетка, — громко, чтобы слышали американцы, сказала девушка, — попалась? Не бойся, признайся мне, зачем ты таскала эти коммунистические листовки? Как ты могла забыть своего мужа, который ненавидел коммунистов и отдал свою жизнь в борьбе против них? Обдумай еще раз все хорошенько и открой правду! Прощу тебя.

— Потаскуха! — крикнула торговка и швырнула

кружку в голову Тхань Тхюи. Кружка упала на пол и разбилась. — Не подходи ко мне, убью!

В камеру вбежали американцы и сайгонские палачи. Подполковник Уэсли усадил Тхань Тхюи на стул, попытался успокоить ее. Она обхватила лицо руками, громко разрыдалась, затем стала вытирать волосы, с которых стекала вода.

Эту ночь Тхань Тхюи провела без сна. Она громко рыдала и долго не могла успокоиться.

Глаза этой измученной, израненной женщины не давали ей уснуть. Это были ласковые, ясные, мудрые, материнские глаза. Сколько в них всегда таилось доброты, сострадания! Х-5 понимала, что женщина что-то хотела передать Фи Вану, о чем-то предупредить. Не побоялась швырнуть кружку в Тхань Тхюи, хотя знала, что за это на нее посыплется град еще более жестоких ударов. Сейчас она лежит в беспамятстве, страдая от ран, которые покрывают все ее тело. Но глаза женщины наверняка открыты. Она смотрит прямо в лицо палачам. Они так и не смогли погасить блеск ее глаз, в которых светилась ненависть к врагу. Они не смогли растоптать ее веру в победу.

Тхань Тхюи смахнула слезы со щек и встала. Было шесть часов тридцать минут. «Не падай духом, смелее! — сказала себе Х-5. — До назначенной минуты остался всего час».

Быстро вставало солнце, освещая весь отель золотисторозовыми лучами.

Бархатная Роза хотела бы увидеть, как погибнут Хэйи, подполковник, секретарша и только что прилетевшие в Сайгон высшие офицеры ЦРУ, и очень жалела, что не сможет увидеть это. Она понимала, что может погибнуть раньше, чем будут наказаны за свои кровавые злодеяния эти господа. Мысли девушки были об одном — куда спрятаться, чтобы во время взрыва остаться в живых и потом как-то передать в отряд нужную информацию.

Семь часов двадцать минут. Американская и сайгонская военная полиция плотным кольцом окружила отель. Говоря словами подполковника Уэсли, у этой «крепости» не было «ахиллесовой пяты». На губах Бархатной Розы появилась улыбка: откуда знать Уэсли, что именно он и стал «ахиллесовой пятой»?! Машина 635 наверняка уже

загружена и находится на пути в отель. Оставшиеся десять минут, возможно, были последними для Тхань Тхюи. Бархатная Роза невольно вспомнила о матери, отце, Киеу Хоа... В последние минуты жизни ее мать широко распростерла руки, будто хотела уцепиться за жизнь, дотронуться в последний раз до родной земли.

Девушка подумала о любви, о счастье. Оно было рядом, но всегда оставалось лишь мечтою. Она вдруг почувствовала, как горит ее лицо. Ей представилось, как она и Зунг сидят на берегу реки Сайгон и вспоминают пережитое, думают о будущем детей. Нет, такое счастье могло прийти только с полным освобождением ее родины. Ей захотелось написать хотя бы коротенькую записку. Она взяла лист бумаги и торопливо написала: «Когда погибает бархатная роза, ее увядшие лепестки по-прежнему источают тонкий аромат». Девушка положила записку в карман платья. Если она погибнет, то эта записка попадет, может быть, в руки тех, кто поймет ее смысл.

Х-5 вышла из своего номера и пошла к прачечной — наиболее удаленной от эпицентра взрыва точке.

В соответствии с планом взрыв в отеле должен прогреметь в семь часов тридцать минут. Она услышала знакомый гудок машины 635. Он предупреждал, что до взрыва остались считанные минуты. У Тхань Тхюи еще было время, чтобы укрыться.

В коридоре ей повстречались проснувшиеся американцы. С одним из них она даже перекинулась несколькими словами. Он работал в прачечной и сейчас как раз шел туда. Ему было приятно поболтать с красивой девушкой...

Машина 635 продолжала сигналить. Тхань Тхюи вздрогнула, оглянулась, чтобы бросить последний взгляд на отель «Виктория».

«Я единственный и последний человек, кто смотрел на это огромное здание перед тем, как оно взорвется, — подумала Тхань Тхюи. — Какой же кусок бетона оборвет мою жизнь?» Она затаила дыхание, ожидая взрыва...

Фи Ван осторожно вывел машину из коттеджа, в котором он проживал под видом коммерсанта. Недалеко от этого особняка находилась лавочка по продаже фруктовой воды. Фи Ван с грустью посмотрел в сторону этого небольшого заведения, и сердце его сжалось от беспокойства. Он подумал о женщине, которая здесь работала.

С ней он был знаком с тех пор, как человек начинает понимать, что такое любовь. С того времени прошло почти двадцать лет, но женщина по-прежнему оставалась для него юной, круглолицей, с гладкой прической и большими, широко открытыми глазами. Она была простой в обращении, искренней, всегда готовой поддержать шутку. В ее глазах неизменно блестела озорная, веселая искорка.

Фи Ван родился на севере Вьетнама, в провинции Хадонг, известной своими кружевницами, вышивальщицами по шелку. Деревенька, в которой он родился и вырос, носила название Тхиен. Вдоль дороги номер 1, куда своим краем выходила деревня, тянулись поля риса, картофеля, сахарного тростника. Поля спускались прямо до берега реки Красной. Семья жила в небольшом домике. Отец и мать говорили, что их дом — исторический. Деревенские старики утверждали, что около их дома знаменитый Нгуен Хюе¹ останавливал свою конницу на отдых перед решающим штурмом столицы Вьетнама. В родной деревне Фи Вана занимались вышиванием по шелку и земледелием. В восемь лет Фи Ван уже встал к ткацкому станку, ловко орудуя челноком с разноцветными нитками, плетя кружева, которые мать затем продавала тетушке Ба, а та в свою очередь, скупая весь товар, производимый в деревне, везла его в Ханой, где выгодно сбывала французам. Девушка, будущая торговка фруктовой водой, соседка по родной деревне, очень любила парня за его талант. Ведь он умел плести самые тонкие узоры. В этом никто не мог превзойти его. Вот в ту, теперь далекую, пору юноша и девушка почувствовали искреннюю симпатию друг к другу.

Но обрушившийся на обе семьи голод заставил их покинуть деревню, переселиться в Южный Вьетнам и записаться в качестве рабочих на каучуковые плантации. Вскоре один за другим умерли родители девочки. Потом Фи Ван похоронил своего отца. На долю молодых людей выпали тяжелые испытания. Они расстались на долгие годы, изредка лишь посылая весточки друг другу. Оставшуюся круглой сиротой девочку отправили на воспитание в чиновничью семью, проживавшую в Центральном Вьетнаме. Судьба жестоко обошлась с девушкой. Один офицер сайгонской армии, только что закончивший училище в городе Далате, силой вынудил ее выйти за

¹ Один из предводителей крестьянского восстания во второй половине XVIII в. В 1788 г. провозгласил себя императором. — *Прим. пер.*

него замуж. За свои злодеяния перед народом, которые в сайгонской армии назывались «достижениями», он вскоре получил чин капитана. Она по-прежнему продолжала любить парня из родной деревни, но не знала, где он теперь. Она пыталась найти в жизни свой путь, отличный от того, каким шел человек, которого она вынуждена была назвать мужем, но никогда не любила. Она чувствовала, что, идя по выбранному ею пути, непременно встретит того, чей образ ни на день не покидал ее сердца. Вскоре ей удалось установить связь с подпольем Национального фронта освобождения. Ее муж, капитан, был убит в одной из стычек. Молодая вдова переехала жить в Сайгон и там неожиданно встретила Фи Вана. Так вдова капитана стала хозяйкой небольшого кафе, «почтовым ящиком» отряда специального назначения, которым командовал Фи Ван.

Молодая вдова и Фи Ван с глубокой симпатией и нежностью относились друг к другу. Но она считала себя виноватой перед ним и думала, что не имеет права на его любовь. Ради него, ради его товарищей она была готова пойти на любые жертвы и была счастлива, когда ей поручили настоящее дело, пускай небольшое и с виду счень обычное, но требующее абсолютного доверия...

Крутой лоб Фи Вана покрылся глубокими морщинами. Женщину, которую он так любил, сейчас жестоко пытали палачи. Ее страдания заставляли страдать и его. Только теперь он понял, как сильно любит ее. Воспоминания о прекрасном прошлом жгли его сердце. Он был уверен, что она никогда не предаст своей родины и того прекрасного чувства, которое когда-то вошло в их сердца. Фи Ван не знал, что он способен плакать.

Он продолжал готовить операцию в отеле «Виктория». С его плеч будто камень свалился, когда удалось восстановить прерванную было связь с Бархатной Розой. По его настоянию командование отложило проведение операции. Конечно, если бы операция была проведена в запланированное время, были бы уничтожены многие видные чины ЦРУ. Но так как противник был вооружен до зубов, командование сочло данный момент неблагоприятным. Партизаны могли понести большие потери. «Надо наносить удар, когда противник находится в расслабленном состоянии, когда отменена боевая тревога, — думал Фи Ван. — Х-5 не следует знать об этом. Машина 635 может снова возвращаться в гараж. Отель «Виктория» пока останется стоять, взрыва не произойдет».

В шесть часов утра Фи Ван получил радостную весть: полковник Хэйи приказал уволить Тхань Тхюи. Вокруг здания отеля была снята колючая проволока с заборов, разобраны баррикады, возобновлено движение транспорта и пешеходов.

Как только забрезжил рассвет, машина 635 выехала из ворот отеля «Виктория».

А из дома номер 6 по улице Н., где жила землевладелица из Бакльеу, на десять минут раньше машины 635 выехала молочно-белая «симка». За рулем сидел молодой человек, похожий на араба.

Теперь участь «Виктории» была сочтена не только до дня, но и до минуты. Все группы, задействованные в операции, находились в боевой готовности. Начало операции было назначено на семь часов сорок минут. Предстояло полностью уничтожить это осиное гнездо и его обитателей, спалить дотла все подвальные камеры, где пытали женщин и детей. Никогда еще Фи Ван не испытывал такого душевного подъема. Он хотел, чтобы его состояние передалось всем бойцам, друзьям и товарищам, которыми он командовал, ведь им предстояло вести бой за свободу и независимость родины, за человеческое достоинство, за счастье семей.

Обитатели «Виктории» еще пребывали в сладком сне. Американские военные полицейские, охранявшие отель, прохаживались вдоль забора, держа автоматы стволами вниз. Проснулись лишь вьетнамцы, проживавшие неподалеку от отеля. Они готовили свои нехитрые товары к продаже этим полицейским, парашютистам, десантникам. Двое парней из отряда республиканской молодежи на «хондах» подъехали к харчевне, что находилась в самом начале улицы, и стали пристально разглядывать отель. Под рубашками у них были спрятаны пистолеты.

Машина 635 приехала в Тху Дык в обычное время. Но поскольку пришлось ждать, пока принесут товар, в отель она запоздала на десять минут. Водитель машины недовольно ворчал. Он ругал продавца товаров, ворчал на солдат, которые загружали машину. Чтобы сэкономить время, ему пришлось на пути в отель прибавить скорость.

В это же время на автостраду Зядинь — Сайгон из тихого переулка, что неподалеку от моста Мангки, выехал в точности такой же автофургон, того же цвета и с таким же номером, но полностью загруженный тротилом. Управлял машиной младший лейтенант, как две капли воды похожий на настоящего водителя фургона.

При выезде из района Тху Дык машина 635 хотела обогнать идущую впереди «симку», за рулем которой сидел парень в темных очках. «Симка» не дала машине 635 обогнать себя. Не доезжая нескольких километров до моста, «симка» вдруг резко рванула вперед, фургон 635 тоже прибавил скорость. Сразу же за мостом водитель машины 635 вдруг увидел прямо на дороге толпу вокруг грузовика, который загородил автостраду. За ним вытянулась целая колонна других машин. Авария была пустяковая, но ругань стояла страшная, и это привлекало все новых и новых прохожих. Машина 635 остановилась. Водитель высунулся из кабины, стал сигналить, требуя освободить дорогу. Когда ему удалось пробиться сквозь колонну стоящих машин и его фургон вновь набрал скорость, он закурил и почувствовал вдруг, что его машина начинает терять управление. Он выругался, остановил машину и вылез из кабины. Оказалось, что на одном колесе лопнул баллон. Водитель не мог предположить, что речь идет о диверсии. Он, правда, видел какого-то шkodливого пацана, шнырявшего возле машины с шилом в руках. Вот он-то как раз и мог проколоть баллон. Водитель подъехал к ближайшей автомастерской и приказал побыстрее заменить колесо.

А «симка» в это время набрала скорость. Она переревала дорогу второй машине 635, выехавшей из тихого переулочка и направившейся в сторону моста Бинь Лой. ТК-1, сидевший за рулем, посмотрел на часы. Обе машины находились друг от друга на расстоянии метров пятидесяти. Контрольно-пропускной пункт сайгонской армии у самого въезда на мост фиксировал номера проходивших мимо машин. Вот увидел, как на мост въехал знакомый автофургон. Начальник поста взмахнул рукой, приветствуя младшего лейтенанта, не обратив внимания на странную улыбку водителя.

В семь часов тридцать пять минут в отеле «Виктория» проснулись несколько летчиков. Курносая секретарша делала привычный утренний моцион вокруг отеля, дожидаясь возвращения машины 635.

В семь часов сорок минут послышался знакомый сигнал машины. Сбавив скорость, автофургон остановился прямо у входа в отель. Американские военные полицейские открыли ворота. В это время к отелю подъехала «симка». Сидевший на заднем сиденье ТК-2 дал очередь из автомата. Один из американцев рухнул как подкошенный. Машина 635 быстро въехала в гараж, находив-

шийся в подвальном этаже здания. Водитель фургона, оглядевшись вокруг, быстро поставил взрывное устройство на боевой взвод, открыл дверцу машины, выбежал из отеля и сел на подошедшую «хонду». Не успел мотоцикл проехать и двухсот метров, как оглушительной силы взрыв потряс город. В соседних домах повывлетали стекла окон. Семиэтажное здание отеля медленно приподнялось и осело, окутанное дымом и пылью. Раздался страшный треск. «Хонда» проехала еще несколько сот метров и настигла медленно идущую впереди «симку». Водитель фургона 635 сел на заднее сиденье, и «симка» сразу же набрала огромную скорость, а мотоцикл умчался в тихий переулочек.

Километра через два «симка» выскочила на развилку автострады Сайгон — Зядинь. ТК-2 заметил полицейскую машину. Зунг прибавил скорость. Полицейские мчались следом. Они подходили все ближе и ближе. Боец в форме младшего лейтенанта, водителя машины 635, приготовил связку гранат. ТК-2 дал очередь из автомата. «Симка» резко свернула в маленький переулочек, примыкающий к автостраде, и тут полицейская машина почти настигла партизан. В это время из дома, мимо которого ехали полицейские, раздался выстрел, и машина, развернувшись, остановилась на полном ходу. У нее была пробита шина на одном из задних колес. От резкого торможения полицейских прижало к сиденьям. «Симка» на полной скорости удалялась.

В это раннее время улица была еще малолюдна. Редкие машины едва успевали сворачивать в сторону. Мимо них на бешеной скорости мчались одна за другой две машины — маленькая «симка» и полицейский джип.

Капитан, командовавший отрядом полицейских, был полон решимости взять пассажиров «симки» живыми или в крайнем случае расстрелять их в упор. Он понимал, что время работает не на него. Через тридцать — сорок минут «симка» окажется в партизанском районе Кути, и тогда уже партизаны начнут охотиться за полицейскими.

— Приготовиться к бою! — крикнул ТК-2.

Зунгу стало труднее управлять машиной, которая оказалась среди пешеходов. Полицейские все приближались. Над головами ТК-1 и ТК-2 просвистели пули. «Симка» была вынуждена прижаться к обочине дороги. И вдруг она начала терять управление. Еще немного — и она выскочила бы прямо в рисовое поле, залитое водой. ТК-2 испуганно повернул голову и увидел, что ТК-1 ра-

нен. Он не выпускал из рук баранку, но машина больше не слушалась его. Голова Зунга склонилась набок. На ру- бахе проступило большое кровавое пятно.

Еще немного — и машина свернет с дороги. ТК-2 немедленно схватил руль. Обстановка накалялась. Машина с полицейскими была совсем близко.

— Бросай гранату! — приказал ТК-2 сидящему рядом с ним партизану. Парень, тщательно примерившись, выбирал место, куда должна попасть граната.

Взрыв раздался перед самым капотом полицейского джипа. Разлетелось на мелкие кусочки лобовое стекло джипа. Осколок гранаты попал прямо в висок водителя. Полицейский джип резко затормозил и остановился. Передние колеса машины отлетели в кювет. Воспользовавшись благоприятным моментом, «младший лейтенант» быстро схватил автомат ТК-2 и разрядил его в оставшихся в живых полицейских. Раздались дикие вопли, и полицейские один за другим упали. Капитан, которого пуля лишь слегка задела, дал ответную очередь из автомата, но его пули прошли около задней дверцы «симки». Теперь полицейские уже не могли настигнуть партизанскую машину. Проехав еще с километр, «симка» сбавила скорость. ТК-2 приказал «младшему лейтенанту» оказать помощь Зунгу. Пуля сидела довольно глубоко в левом плече раненого. Он потерял много крови. Любое промедление сейчас было опасно для его жизни. «Симка» вновь набрала скорость. Со стороны Сайгона противник начал артиллерийский обстрел дороги и прилегающую к ней местность, покрытую густым кустарником.

Партизанский район Кути становился все ближе и ближе. Кругом зеленели ананасовые плантации, среди которых виднелись черные прогалины обожженной напалмом земли. Воздух благоухал ароматами поспевающего риса, плодов манго. Плотной стеной стояли рощи гевеи. Природа приветствовала машину, возвращавшуюся с линии фронта. Низкие заросли кустарника служили партизанам хорошей маскировкой. Среди деревьев то и дело можно было видеть девушек района Кути с винтовками в руках. Солнце поднималось все выше, обливая золотом всю округу. Лучи солнечного света пробивали густой полог леса, и пестрые блики, словно букеты цветов, ложились на пропыленную машину, изрешеченную осколками снарядов и пулями. Металлический кузов машины, словно кольчуга, защищал победителей, возвращающихся с поля брани.

Генри Хэйн избежал смерти. О, как он был благодарен судьбе за это! Господу богу было угодно осенить его, Хэйна, вылететь накануне на военную базу Камрань. Сообщение о взрыве полковник получил в момент, когда готовился совершить инспекционный полет к 17-й параллели. Он тут же вернулся в Сайгон, осмотрел руины, оставшиеся после взрыва «Виктории». Говоря языком управляющего отелем, партизаны все-таки нащупали «ахиллесову пяту». Она оказалась в подвале здания, куда и была пущена «стрела Париса» в виде машины 635, начиненной взрывчаткой. Боль, унижение, ярость — каких только чувств не испытывал полковник! Словно раненый тигр, он был готов выпить кровь, проглотить печень, искромсать на куски, стереть в порошок тех, кто взорвал «Викторию». Полковник на чем свет стоит ругал сопровождавших его офицеров, начальника сайгонской полиции, его агентов.

Сотни опытных летчиков, отличных техников, обслуживающих самолеты, отмеченных во многих боевых операциях по уничтожению мостов, разрушению дорог, городов и сел Северного Вьетнама, превратились в обгоревшие, изуродованные трупы или стали инвалидами. Генри Хэйн отдал приказ поднять по тревоге силы безопасности Сайгона, немедленно арестовать всех подозрительных людей, похожих на «террористов». В его голове роились самые зверские, чудовищные замыслы. Казалось, он лишился рассудка, когда ему доложили, что «симка», наделавшая столько шума, ушла в освобожденный район Кути.

— Бомбить! — приказал он по телефону авиации. — Стереть Кути с лица земли!.. Разыскать владельца машины «симка»! — приказал он городской полиции.

Установить фамилию хозяина «симки» не составило никакого труда. Через полчаса Хэйну доложили, что машина принадлежит... землевладелице из Бакльеу, проживавшей в доме номер 6 по улице Н.

Хэйн приказал немедленно организовать засаду в указанном доме. Он лучше, чем кто-либо другой, понимал, что действовать надо, не теряя ни секунды, чтобы не дать возможности землевладелице и ее дочери скрыться. Какими же были его удивление и ярость, когда узнал, что его агенты и раньше следили за домом номер 4 на указанной улице, но не обратили внимания на соседний особняк.

Американские советники во главе с подполковником и сайгонские полицейские, которые прихватили с собой

собак-ищеек, окружили особняк. По приказу полковника Хэйна они запретили выпускать кого-либо из дома. Любый, кто оказывал сопротивление, должен был быть арестован. Разрешалось пускать в действие и оружие.

Близился полдень. В доме было тихо. Похоже, что обитатели особняка только что закончили завтракать. Легкий ветерок перебирал листву шелковицы, раскинувшей свои ветви перед самым окном спальни Ми Лиен. Негромкая музыка лилась из приемника. Под жаркими лучами солнца розы, растущие в саду хозяйки, раскрыли свои бутоны и источали тончайший аромат. Никто не мог бы сказать, что смерть бесшумными шагами уже подкрадывается к дому.

Сайгонские полицейские, перелезшие через забор, подошли вплотную к особняку со стороны дома номер 4, окружили его. Отряд под командованием сайгонского подполковника и двух американских советников ворвался во двор через центральный вход и разделился на две части. Одна группа проскочила на первый этаж, другая поднялась на второй.

Двери в спальню Ми Лиен и ее матери были наглухо закрыты. Полицейские принялись громко стучать. Никто не отвечал. Они стали колотить в двери. Ответом им было полное молчание. Подполковник отдал приказ одному из полицейских взломать дверь. Стоило полицейскому слегка нажать на дверь, как она легко открылась. Полицейские ворвались внутрь. Кровати были разобраны, подушки смяты... но людей не оказалось. Из приемника лилась музыка. Куда могли исчезнуть обительницы особняка? По всему было видно, что люди только что ушли отсюда. Полицейские обшарили все углы, перерыли шкафы, залезли на чердак. Никого!

Они спустились вниз, где делала обыск другая группа. И здесь полицейские ничего не обнаружили.

Подполковник и два советника вошли в гостиную. В этой комнате хозяйка и ее дочь обычно принимали гостей, развлекали их музыкой. В центре комнаты стоял столик, а на нем ваза с белыми, совсем свежими лилиями. Но пианино в комнате не оказалось. Осталась только стопка нот. Один из советников принялся их рассматривать. Иоганн Штраус. Вальс «На прекрасном голубом Дунае». Это был любимый вальс дочери хозяйки. Она играла его каждый день.

В комнате было пустынно и неуютно. Полицейские перерыли весь дом сверху донизу, но им не удалось обна-

ружить никого. Так сорвался кипевший в воспаленном мозгу Генри Хэйна план жесточайшей мести партизанам, взорвавшим отель.

Ми Лиен успела уйти на партизанскую базу. Как раз в эти часы она вела новый трудный бой. В этом бою проявились ее самые замечательные качества, от которых зависел ответ на вопрос: жить или не жить близкому ей человеку. Друзья сделали все, чтобы вырвать ТК-1 из объятий смерти, которая, казалось, уже обхватила его своими костлявыми руками. Надежда на его спасение появилась лишь после двух с половиной часов сложной и напряженной борьбы за его жизнь.

Ночь в партизанском госпитале. Тишина. Тишина ночного леса, нарушаемая лишь порывами ветра, шорохом листвы.

Ми Лиен слегка вздохнула. Она вдруг вспомнила свой дом на улице Н. Как она сожалела, что ничего не знает о том, что произошло в нем после того, как они поспешно были вынуждены его покинуть. Девушка представила, как туда ворвались сайгонские полицейские, перерыли все в доме. Они наверняка пришли туда с ищейками. Девушка очень хорошо представила, какое разочарование отразилось на лицах полицейских, убедившихся, что опоздали. На ее лице появилась улыбка. Конечно, она не могла представить всех мелочей их «визита» к ней в дом...

Перерыв буквально весь дом, полицейские собрались в гостиной. Их бешенству не было предела, потому что те, кого они хотели арестовать, улизнули из дому максимум два часа назад. В гостиной, где Ми Лиен каждый день играла на пианино, стояла мертвая тишина. Здесь больше никогда не появятся милая девушка и ее мать. На стене остался портрет хозяина дома, которого все считали давным-давно умершим. Он с укоризной и явной издевкой смотрел на полицейских. Американский советник в ярости разрядил свой пистолет в портрет хозяина дома. Мелкие осколки стекла брызнули в стороны, рассыпались по полу. Подполковник сбросил со столика вазу с цветами и ноты с вальсами Штрауса...

Ханой, весна 1975 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Двенадцатая Принцесса	3
Самолет взлетает с Гавайских островов	66
Бархатная Роза	128
Тайна машины 635	224

Редактор *Л. П. Жеребцов*
 Художник *Е. Х. Гамза*
 Художественный редактор *Е. В. Поляков*
 Технический редактор *Т. Г. Пименова*
 Корректор *А. А. Халилуллина*

ИБ № 2610

Сдано в набор 20.06.85 Подписано в печать 31.10.85.
 Г-82198. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. новая.
 Печать высокая. Печ. л. 8¼. Усл. печ. л. 13,86. Усл. кр.-отт. 14,28.
 Уч.-изд. л. 15,23. Тираж 65 000 экз. Изд. № 10/657. Зак. 874.
 Цена 1 р. 70 к.

Воениздат, 103160, Москва К-160.
 1-я типография Воениздата.
 103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.